

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донецкая академия управления и государственной службы»**

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

СЕРИИ «ПРАВО»

Выпуск 31

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**Донецк
2023**

УДК 34(060.55)
ББК Х400.73я54
Ф32

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы». Сборник научных работ серии «Право». Вып. 31 : Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в современных условиях / Минобрнауки РФ, ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС». – Донецк : ДОНАУИГС, 2023. – 211 с.

В сборнике представлены результаты научных исследований учёных, аспирантов правовых кафедр ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», высших учебных заведений Донецкой Народной Республики и других регионов Российской Федерации. В материалах рассмотрены актуальные вопросы становления и развития национальной правовой системы в условиях формирования современного государства. Освещены пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического и правового развития государства.

Предназначен для научных работников, аспирантов, магистрантов, обучающихся, практических работников.

УДК 34(060.55)
ББК Х400.73я54

Сборник научных работ серии «Право» включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Договор № 39-02/2019 от 07.02.2019.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Министерства информации Донецкой Народной Республики серии ААА № 000067 от 16.11.2016 г.

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики (Приказ № 1134 от 01.11.2016 г.) сборник научных работ серии «Право» включён в Перечень рецензируемых научных изданий.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы».

Главный редактор: Матюшайтис Н.В. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Заместитель главного редактора:

Саенко Б.Е. – кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР.

Редакционная коллегия:

Голос И.И. – кандидат наук по государственному управлению, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Груздев В.В. – доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», г. Кострома, РФ;

Куксин И.Н. – доктор юридических наук, профессор, ГАОУ ВО «Московский городской университет», г. Москва, РФ;

Рабец А.М. – доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва, РФ;

Мелехин А.В. – доктор юридических наук, профессор, ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», г. Москва, РФ;

Пашенцев Д.А. – доктор юридических наук, профессор, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ», г. Москва, РФ;

Ворушило В.П. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Витвицкая В.В. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Мавлиханова Р.В. – кандидат юридических наук, доцент, ДГУЮ Минюста России, г. Донецк, ДНР;

Незнамова А.А. – кандидат юридических наук, ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Москва, РФ;

Мальцев В.А. – кандидат юридических наук, доцент, ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Мытищи, РФ;

Сичкар В.А. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР ;

Шестак С.В. – кандидат юридических наук ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Моисеев А.М. – доктор юридических наук, ДГУЮ Минюста России, г. Донецк, ДНР;

Седнев В.В. – доктор медицинских наук, профессор ДГУЮ Минюста России, г. Донецк, ДНР;

Селюков А.Д. – доктор юридических наук, профессор ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Москва, РФ.

Ответственный секретарь:

Сасов А.В. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР.

Технический секретарь:

Ушакова Д.С. – старший преподаватель, ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР.

Адрес редакции: ДНР, 283015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 163А.

Телефон: +7(856) 337-66-09

Издаётся по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»

© ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1

**Конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право; избирательное право;
финансовое право; транспортное право;
информационное право**

Полякова Н.Г.

К вопросу о стабильности в сфере муниципальных
правоотношений..... 6

Сичкар В.А., Чегодаев Б.В., Вдовиченко Ю.Ю.

К вопросу конституционно-правовых отношений
органов местного самоуправления в единой системе
публичной власти в Российской Федерации..... 16

РАЗДЕЛ 2

**Административное право; административный процесс;
таможенное право; трудовое право; право социального
обеспечения; арбитражное право; арбитражный процесс**

Витвицкая В.В., Никитин М.Д.

Работа местных органов в сфере социальной
защиты инвалидов..... 39

Голобородько В.И.

Основания применения административных наказаний..... 46

РАЗДЕЛ 3

**Теория и история права и государства; история правовых
учений; международное публичное право;
международное частное право**

Броварь А.В., Загородний В.В.

Эволюция права во внешней политике Японии: проблемы и
перспективы развития..... 59

Дремова А.В. Образовательные отношения в Российской Федерации: историко-правовой аспект	69
Лapidус О.С., Титов А.Н. К вопросу о юридическом понятии допинга и антидопинговых правил	80
Матвиенко Е.А. Взаимодействие внутригосударственного и международного права в вопросах обеспечения прав человека.....	91
Павленко П.И. Проблемные аспекты определения структуры субъектного состава гражданского общества.....	100
Суровцева А.А., Надворная А.А. Проблемы правопонимания в российской науке	113

РАЗДЕЛ 4

**Гражданское право; гражданско-процессуальное право;
предпринимательское право; авторское право; семейное право;
наследственное право; налоговое право; бюджетное право;
земельное право; нотариальное право; хозяйственное право;
жилищное право**

Дербишева О.А. Проблемные аспекты надзорной инстанции по законодательству РФ	121
Крючкова К.А. Проблематика определения правового статуса субъектов авторского права на аудиовизуальное произведение	130
Матюшайтис Н.В., Пикельная М.А. Защита имущественных прав несовершеннолетних.....	137

Саенко Б.Е., Никитина З.А.
Правовые аспекты теории военно-экономического
потенциала государства..... 148

Сиренко Б.Н., Стрельцова Н.Л.,
Некоторые аспекты правового регулирования договора
франчайзинга (коммерческой концессии)..... 155

РАЗДЕЛ 5

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; уголовный процесс; криминалистика; оперативно-розыскная деятельность

Войтов А.В.
Понятие сепаратизма 167

Карпенко Л.К., Шейка Я.А.
Применение искусственного интеллекта в правосудии 176

Матюшайтис Н.В., Броварь Н.А.
Обстановка и следовая картина похищения человека 185

Сасов А.В., Богославская К.Э.
Предотвращение преступности как сфера сотрудничества
уголовно-исполнительной и криминологической
(профилактической) политик
Донецкой Народной Республики 194

Сасов А.В., Митько Д.В.
Международный опыт превенции посягательств на
государственные информационные ресурсы 203

РАЗДЕЛ 1

**Конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право; избирательное право; финансовое право;
транспортное право; информационное право**

УДК 342.55.

DOI 10.5281/zenodo.10185269

К ВОПРОСУ О СТАБИЛЬНОСТИ В СФЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

**ПОЛЯКОВА Н.Г.,
канд. юрид. наук, доцент кафедры
конституционного и международного права,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

Статья посвящена исследованию содержания и особенностей реализации принципа стабильности в сфере муниципальных правоотношений. Обоснован тезис о том, что рассматривать стабильность правового регулирования в сфере местного самоуправления следует не только с позиции недопущения «законодательной инфляции» как бесконтрольного и неоправданного принятия новых нормативно-правовых актов, но и исключения необоснованной отмены муниципальных правовых актов. На основе анализа законодательства и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации предложено закрепить основания для отмены муниципальных правовых актов органами и должностными лицами местного самоуправления в порядке самоконтроля.

Ключевые слова: стабильность, муниципальные правовые акты, отмена, основания, органы местного самоуправления

ON THE QUESTION OF THE STABILITY IN THE SPHERE OF MUNICIPAL LEGAL RELATIONS

**POLYAKOVA N.G.,
Associate Professor of the Department of
Constitutional and International Law,
FSBEI HE «DonSU»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation,**

The article is devoted to the study of the content and implementation of the principle of stability in the sphere of municipal legal relations. The thesis is substantiated that the stability of legal regulation should be considered not only from the standpoint of preventing «legislative inflation» as uncontrolled and unjustified adoption of new legal acts, but also the exclusion of unreasonable cancellation of legal acts, including municipal ones. Based on the analysis of legislation and legal positions of the

Constitutional Court of the Russian Federation, grounds have been developed for the abolition of municipal legal acts by local governments in the manner of self-control.

Keywords: stability, municipal legal acts, cancellation, grounds, local governments

Постановка задачи. Стабильность и предсказуемость правовой регламентации правоотношений, в том числе муниципальных, является необходимым условием обеспечения прав и свобод человека, а также устойчивого развития государства и общества. Разработка и нормативное закрепление оснований для отмены муниципальных правовых актов органами местного самоуправления в порядке самоконтроля является важным фактором обеспечения стабильности в сфере муниципально-правового регулирования.

Актуальность. Современный этап развития правовой системы Российской Федерации характеризуется поиском оптимальной модели взаимодействия органов публичной власти с обществом, которая невозможна без определения основополагающих начал, принципов, на которых будет базироваться такое взаимодействие. Думается, что стабильность и предсказуемость правового регулирования в сфере муниципальных правоотношений можно рассматривать в качестве основополагающей идеи, принципа, позволяющего соблюсти баланс частных и публичных правоотношений. Анализ материалов правоприменительной практики в сфере взаимодействия органов местного самоуправления с населением и хозяйствующими субъектами позволяет прийти к выводу о том, что комплексная научная разработка особенностей применения принципа стабильности в сфере муниципально-правовых отношений может стать основой для повышения эффективности взаимодействия общества с публичной властью.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематике стабильности в сфере права посвящены работы М. Л. Давыдовой, Е. А. Дербышевой, В. П. Казимирчука, Д. С. Королёвой, С. Ф. Литвиновой, В. Л. Энтина и др. Принципы местного самоуправления и их роль в практике правоприменения в разное время становились предметом исследования таких учёных, как С. А. Авакьян, С. П. Попова, Е. С. Шугрина и др. В то же время правовым средствам обеспечения стабильности в муниципальной сфере на сегодняшний день уделяется недостаточное внимание.

Цель статьи заключается в анализе содержания и особенностей применения принципа стабильности в рамках муниципально-правовых отношений.

Изложение основного материала исследования. Современная правовая наука обоснованно рассматривает принципы права в качестве инструмента, обеспечивающего его гибкость и механизм саморазвития (наряду с аналогией, оценочными понятиями и т.д.) [1, с. 466]. В условиях политической и экономической нестабильности стабильность и предсказуемость публичных правоотношений, в том числе муниципальных, является важной предпосылкой устойчивого развития государства и общества. При этом на сегодняшний день в науке и судебной практике не разработан единый подход к пониманию содержания принципа стабильности и специфики его применения в сфере местного самоуправления. В толковом словаре С. И. Ожегова стабильность определяется как прочность, устойчивость, постоянство [2, с. 743]. В философии права стабильность права как средства установления стабильных общественных отношений рассматривается в качестве категории, означающей положительную качественную характеристику права, обеспечивающую предсказуемость его изменений и результатов правоприменительной практики, тем самым формирующей в обществе чувство уверенности в завтрашнем дне [3]. Д. С. Королёва рассматривает стабильность правового регулирования как элемент принципа правовой определённости и необходимое условие для обеспечения ясности и чёткости правовых норм, единообразия судебной практики, предсказуемости и неопровержимости судебных актов [4, с. 36]. По мнению В. Л. Энтина, «в условиях господства и взаимодействия юридических абстракций обеспечение соблюдения норм материального и процессуального права, гарантирующих предсказуемость поведения государственных органов и должностных лиц, становится единственным инструментом поддержания устойчивого развития» [5, с. 560]. Таким образом, именно предсказуемость правового положения субъектов правоотношений представляется одной из ключевых характеристик содержания принципа стабильности.

При этом стабильность правовых отношений обеспечивается не только неизменностью законодательной базы. Как справедливо отмечает М. Л. Давыдова, «в сложных системах устойчивость одних элементов часто может обеспечиваться неустойчивостью

других. Это означает, что гибкость, изменчивость права именно в эпоху глобальной нестабильности может выполнять функцию поддержания баланса между общественно-политическими институтами» [1, с. 465]. Соглашаясь с указанными позициями, следует отметить, что стабильность законодательства, будучи важной предпосылкой стабильности правоотношений, не тождественна ей. Стабильность правоотношений определяется рядом факторов: экономических, политических, правовых. Для субъектов правоотношений важно сохранение правовой определённости и правового регулирования, которые существовали в момент возникновения правоотношений. Как указал КС РФ в постановлении от 28 декабря 2022 г. № 59-П, «участники соответствующих правоотношений должны в разумных пределах иметь возможность предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретённых прав, действительности их государственной защиты» [6]. На необходимость обеспечения стабильности и определённости публичных правоотношений указывает КС РФ в определениях № 2100-О от 20 июля 2023 года, № 1767-О от 27 июня 2023 года [7, 8]. В постановлении Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 № 23-П суд обращает внимание на необходимость обеспечения правовой определённости и стабильности регулирования, а также возникших правоотношений [9]. В постановлении КС РФ от 9.11.2022 г. № 48-П речь идёт о принципе поддержания стабильности правовых отношений и доверия граждан, в них вовлечённых, к закону [10].

В контексте изложенного можно согласиться с необходимостью обеспечения стабильности нормативно-правового регулирования с точки зрения установления прогнозируемых правовых условий для реализации субъектами правоотношений своих прав и интересов на основе системного, устойчивого и сбалансированного законодательства. В то же время, думается, что рассматривать стабильность правового регулирования следует не только с позиции недопущения «законодательной инфляции» как бесконтрольного и неоправданного принятия новых нормативно-правовых актов, но и исключения необоснованной отмены правовых актов, в том числе муниципальных. При этом на сегодняшний день сложилась ситуация, при которой право органа местного самоуправления на отмену муниципальных правовых актов имеет фактически абсолютный характер. На это обращает внимание и КС РФ, который в

Постановлении от 9 ноября 2022 г. № 48-П указывает на то, что при принятии решения об отмене принятых ими муниципальных правовых актов органы местного самоуправления наделены широким (формально не ограниченным) административным усмотрением [10]. Следует отметить, что КС РФ, приходя к выводу о конституционности ч. 1 ст. 48 закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», исходит из того, что указанная норма не предполагает возможности самостоятельной отмены органами местного самоуправления конкретной разновидности муниципально-правовых актов (разрешения на ввод в эксплуатацию объекта индивидуального жилищного строительства) при определённых условиях (регистрация права собственности на этот объект в Едином государственном реестре недвижимости). При этом указанный вывод является результатом комплексного межотраслевого анализа и толкования норм законодательства в сфере муниципальных, градостроительных, гражданских и конституционных правоотношений, и с очевидностью не следует из положений федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – закон 131 ФЗ). Не указывая на наличие пробела в праве, суд, тем не менее, обращает внимание на отсутствие правовых ограничений полномочий органа местного самоуправления на отмену актов: «уполномоченному органу предоставляется широкое (формально не ограниченное) административное усмотрение при принятии такого решения».

Выступая важной гарантией самостоятельности органов и должностных лиц местного самоуправления во взаимоотношениях с органами государственной власти и с органами местного самоуправления других муниципальных образований, положения ст. 48 Закона 131 ФЗ без конкретизации оснований для отмены муниципальных актов оказывает дестабилизирующее воздействие на сферу муниципальных правоотношений. Так, абсолютный характер права органов местного самоуправления на отмену вынесенных ими правовых актов не способствует стабильности и предсказуемости правоотношений в муниципальной сфере, поскольку не позволяет их участникам в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретённых прав и гарантий их защиты.

Указанная правовая неопределённость приводит к многочисленным судебным спорам, а в отдельных случаях и к

необходимости возмещения ущерба и упущенной выгоды органами местного самоуправления. Так, постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 апреля 2021 г. по делу № А45-36418/2019 оставлено без изменений постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 13.01.2021 г., в котором суд постановил взыскать с муниципального образования город Новосибирск в лице мэрии города Новосибирска за счёт казны муниципального образования в пользу общества с ограниченной ответственностью «Лидер» 10 96 800 руб. убытков [11]. Основанием для взыскания ущерба послужили действия органов местного самоуправления, в том числе отмена ранее принятых муниципальных актов (разрешения на строительство и правил землепользования и застройки).

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 48 закона 131 ФЗ, муниципальные правовые акты могут быть отменены или их действие может быть приостановлено органами местного самоуправления или должностными лицами местного самоуправления, принявшими соответствующий муниципальный правовой акт [12]. К последним, в соответствии с положениями ст. 2 Закона 131 ФЗ, относятся решения, принятые органами местного самоуправления и (или) должностным лицом местного самоуправления по вопросам местного значения, документально оформленные, обязательные для исполнения на территории муниципального образования, устанавливающие либо изменяющие общеобязательные правила или имеющие индивидуальный характер. При этом муниципальные правовые акты прекращают своё действие как в результате прямой, так и косвенной отмены (издание нового акта, заменившего ранее действующий). Таким образом, в силу предписаний абз. 1 ч. 1 ст. 48 Закона 131 ФЗ органы местного самоуправления имеют право отменять как нормативно-правовые, так индивидуально-правовые муниципальные акты путём прямой или косвенной отмены. При этом существующая правовая неопределённость в вопросе оснований для отмены муниципальных правовых актов создаёт условия для злоупотреблений со стороны органов местного самоуправления, нарушения прав физических и юридических лиц и, как следствие, необходимости возмещения ущерба. Думается, что одним из вариантов решения указанной проблемы может стать нормативная регламентация оснований для отмены муниципальных правовых актов. В частности, муниципальный правовой акт может быть отменён в порядке самоконтроля в случае, если он: не соответствует федеральному

закону или другому нормативному правовому акту; нарушает права и свободы граждан, организаций, иных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности либо создаёт препятствия к осуществлению указанными субъектами их прав и свобод; незаконно возлагает на них какие-либо обязанности, создаёт иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности. Указанный подход позволит конкретизировать основания для отмены муниципальных правовых актов, способствуя тем самым созданию предсказуемых и стабильных условий для реализации своих прав участниками муниципальных правоотношений.

Следует отметить, что отмена муниципального акта органом местного самоуправления может привести к изменению правового положения других участников муниципальных отношений, в связи с чем указанные действия должны быть правомерными, обоснованными и добросовестными. Так, Конституционный Суд РФ в постановлениях от 7 февраля 2023 года № 6-П и от 28 декабря 2022 г. № 59-П указал на то, что «конституционное требование о добросовестном поведении в силу своей универсальности распространяется на любое взаимодействие между субъектами права во всех сферах жизнедеятельности» [13, 14]. При этом, раскрывая содержание принципа добросовестности, КС РФ указал следующее: «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, и содействующего ей». Таким образом, представляется, что соблюдение органами и должностными лицами местного самоуправления требования о добросовестном поведении в случае отмены муниципальных правовых актов предполагает: 1) оценку предсказуемости такой отмены; 2) учёт прав и интересов субъектов, в отношении которых были приняты такие акты, а также тех субъектов, права и интересы которых непосредственно затрагиваются такой отменой; 3) направления содействия со стороны органов местного самоуправления субъектам в реализации их прав и законных интересов, нарушенных в результате отмены муниципального акта. Также КС РФ в указанном Постановлении отметил, что субъекты, выступающие в интересах публичной власти, являются более сильной стороной правоотношений, в силу предоставляемых особым статусом публичной организации возможностей. В связи с этим их деятельность должна быть «подчинена на всех этапах динамики соответствующего обязательства

повышенному стандарту тщательности, заботливости и осмотрительности». Думается, что указанная правовая позиция Конституционного Суда может быть экстраполирована и на отмену муниципальных правовых актов в том смысле, что отменяя принятый ранее правовой акт, орган местного самоуправления должен оценить необходимость его отмены (в том числе, с точки зрения соотношения вреда причинённого и предотвращённого), насколько такая отмена может нарушить права и законные интересы субъектов, оценить соотношение последствий отмены с точки зрения баланса частных и публичных интересов, а также обеспечить оказание разумного содействия в достижении субъектами правоотношений цели вступления в такие отношения. При этом пренебрежение требованиями разумности и осмотрительности со стороны публично-правового образования, повлекшее отмену муниципального акта, не должно влиять на имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц.

Выводы по выполненному исследованию. Подводя итог изложенному, можно отметить, что соблюдение принципа стабильности в сфере муниципальных правоотношений является важной предпосылкой соблюдения баланса частных и публичных интересов, а также устойчивого развития общества и государства. Правовая регламентация оснований для отмены муниципальных правовых актов органами местного самоуправления в порядке самоконтроля позволит их участникам предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса и приобретённых прав. В качестве таких оснований могут выступать: несоответствие муниципального правового акта федеральному закону или другому нормативному правовому акту; нарушение прав и свобод граждан, организаций, иных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности либо создание препятствия к осуществлению указанными субъектами их прав и свобод; незаконное возложение на них каких-либо обязанностей, создание иных препятствий для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

Направления дальнейших разработок в данном направлении. Уточнение условий, при которых муниципальный правовой акт не может быть отменён органом или должностным лицом местного самоуправления в порядке самоконтроля, можно рассматривать в качестве перспективного направления для дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Давыдова, М. Л. Стабильность законодательства в условиях глобальной нестабильности: проблемы и перспективы исследования / М. Л. Давыдова. – Текст : непосредственный // Материалы XIX Международных Лихачевских научных чтений (23-24 мая 2019 г., Санкт-Петербург). – Санкт-Петербург, 2019. – С. 465-467.

2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 2000. – 940 с. – Текст : непосредственный.

3. Литвинова, С. Ф. Сущность категорий «Стабильность права» и «Стабильное право» / С. Ф. Литвинова. – Текст : электронный // Философия права. – 2013. – № 4 (59). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-kategoriy-stabilnost-prava-i-stabilnoe-pravo> (дата обращения: 27.08.2023).

4. Королёва, Д. С. Стабильность правового регулирования как элемент принципа правовой определённости / Д. С. Королёва. – Текст : непосредственный // Совершенствование конституционной материи и защита прав граждан и юридических лиц: сборник материалов Национальной научно-практической конференции. Сост.: А. В. Макаров, Н. А. Киселёва. – 2020. – С. 35-38.

5. Энтин, В. Л. Обострение конкуренции правовых принципов в эпоху глобальной волатильности / В. Л. Энтин. – Текст : непосредственный // Материалы XIX Международных Лихачевских научных чтений (23-24 мая 2019 г., Санкт-Петербург). – Санкт-Петербург, 2019. – С. 559-561.

6. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона «О почтовой связи» и пункта 2 статьи 62 Федерального закона «О связи» в связи с жалобой гражданина М. Д. Малинина: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2022 г. № 59-П. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435706/ (дата обращения: 19.03.2023). – Текст : электронный. – Загл. с экрана.

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2023 года № 2100-О. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435776/ (дата обращения: 26.08.2023). – Текст : электронный. – Загл. с экрана.

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 года № 1767-О. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435754/ (дата обращения: 26.08.2023). – Текст : электронный. – Загл. с экрана.

9. По делу о проверке конституционности пункта 6 части 1 статьи 44, частей 1 и 3 статьи 47 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю. Г. Ефремова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2021 № 23-П. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385285/ (дата обращения: 26.08.2023). – Текст : электронный. – Загл. с экрана.

10. По делу о проверке конституционности абзаца первого части 1 статьи 48 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой граждан Ю. А. Плахтеевой, А. Ю. Савушкиной и А. Ю. Яковлевой: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09.11.2022 № 48-П. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430931/ (дата обращения: 26.08.2023). – Текст : электронный. – Загл. с экрана.

11. О взыскании денежных средств: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 апреля 2021 года № А45-36418/2019. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38207648/> (дата обращения: 18.08.2023). – Текст : электронный. – Загл. с экрана.

12. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 04.08.2023) / СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 23.08.2023). – Текст : электронный. – Загл. с экрана.

13. По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И. И. Покуля: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2023 года № 6-П. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439423/ (дата обращения: 26.08.2023). – Текст : электронный. – Загл. с экрана.

14. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона «О почтовой связи» и пункта 2 статьи 62 Федерального закона «О связи» в связи с жалобой гражданина М. Д. Малинина: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2022 г. № 59-П. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435706// (дата обращения: 19.03.2023). – Текст : электронный. – Загл. с экрана.

УДК 342.55

DOI 10.5281/zenodo.10200466

К ВОПРОСУ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИЧКАР В. А.,

**канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»;**

ЧЕГОДАЕВ Б. В.,

**канд. экон. наук, доцент кафедры экономической
теории и государственного управления,
ФГБОУ ВО «ДОННТУ»;**

ВДОВИЧЕНКО Ю. Ю.,

**магистрант группы ЮР-22/2-3мз
кафедры гражданского и
предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье представлен генезис местного самоуправления Российской Федерации, а также процесс трансформации местных администраций Донецкой Народной Республики. Авторами определено восемь основных этапов развития местного самоуправления Российской Федерации с учётом интеграции в её состав новых субъектов Федерации. Кроме того, на основании Конституции Российской Федерации и Конституции Донецкой Народной Республики в исследовании определены сферы взаимодействия органов публичной власти, структура органов местного самоуправления

региона до и после проведения выборов в представительные органы муниципальных образований в 2023 году.

Ключевые слова: конституционно-правовые отношения, органы местного самоуправления, органы публичной власти, местные администрации

ON THE ISSUE OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL RELATIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION

**SICHKAR V. A.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Civil and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»;**

**CHEGODAEV B. V.,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the department of economic
theory and public administration,
FSBEI HE «DONNTU»;**

**VDOVICHENKO Yu. Yu.,
graduate student of the group YUR-22/2-3mz
of the Department of Civil and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article presents the genesis of local self-government of the Russian Federation, as well as the process of transformation of the district administrations of the Donetsk People's Republic. The authors have identified eight main stages of the development of local self-government of the Russian Federation, taking into account the integration of new subjects of the federation into its composition. In addition, on the basis of the Constitution of the Russian Federation and the Constitution of the Donetsk People's Republic, the study defines the spheres of interaction of public authorities, the structure of local self-government bodies of the region before and after the elections to representative bodies of municipalities in 2023.

Keywords: constitutional and legal relations, local self-government bodies, public authorities, local administrations

Постановка задачи. Исходя из специфики тематики проведённого исследования и его цели, поставлены задачи по установлению этапов развития местного самоуправления

Российской Федерации, с учётом интеграции в её состав Донецкой Народной Республики. В рамках этой задачи необходимо установить основополагающие нормативные правовые акты, принятые в отдельных временных промежутках, регулирующие деятельность и взаимодействие органов местного самоуправления с иными органами государственной власти. Кроме того, поставлена задача по определению на основании Конституции Российской Федерации и Конституции Донецкой Народной Республики основных сфер конституционно-правовых отношений органов местного самоуправления с иными органами управления в единой системе публичной власти в Российской Федерации, что позволит установить текущую структуру и структуру органов местного самоуправления в Донецкой Народной Республике после 10 сентября 2023 года.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематику конституционно-правовой природы местного самоуправления, в том числе её представительных органов, социально-правовой природы исполнительно-распорядительных структур органов местного самоуправления исследовали в своих трудах В. К. Джума [1], Е. Е. Власенко [2], Э. Ю. Майкова [3], Е. В. Симонова [3], В. И. Емешов [4], Е. Ю. Тихалева [5], Э. В. Дубинкин [6] и др.

Вопросы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти на различных уровнях, а также населением, субъектами экономической деятельности и некоммерческими организациями представлены в исследованиях следующих ученых: И. Л. Проказина [7], О. В. Устиновой [8], Ю. П. Савицкой [8], О. Ю. Шеметовой [9], С. Г. Алексеевой [10], Е. А. Ионкиной [10], Н. В. Собчук [11] и др.

Особый интерес вызывают исследования, направленные на анализ практики совершенствования деятельности органов местного самоуправления как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах, с применением различных инструментов и методов, из которых можно выделить труды следующих учёных: А. С. Гасанова [12], М. О. Мамедбековой [12], Ж. Будханда [13], А. С. Сутурина [14], Я. П. Саиды [15], Т. Р. Камиллы [15], И. А. Гильмутдинова [16], Е. В. Балашова [16], А. О. Мельниковской [17] и др.

Принимая важность проведённых исследований вышеприведённых авторов, необходимо отметить, что в их трудах

недостаточно раскрыты вопросы конституционно-правовых отношений органов местного самоуправления в единой системе публичной власти в Российской Федерации, в том числе с учётом расширения субъектового состава страны и изменений в вопросах правового регулирования деятельности соответствующих органов после принятия Федерального закона от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». На сегодняшний день продолжается дискуссия о формах конституционно-правового взаимодействия органов местного самоуправления и иных субъектов публичной власти с учётом принципа самостоятельности указанных органов.

Цель статьи заключается в исследовании теоретических аспектов и разработка предложений по развитию конституционно-правовых отношений органов местного самоуправления в единой системе публичной власти в Донецкой Народной Республике как субъекте Российской Федерации.

Актуальность. Невозможно представить современное государство без чётко выстроенной одно- или многоуровневой модели местного самоуправления, в различной степени интегрированного в систему публичной власти. Условно оставаясь абстрагированными от органов государственной власти, органы местного самоуправления остаются ключевыми элементами управления всеми социально-экономическими процессами на той или иной территории.

Несмотря на постоянное совершенствование правового регулирования и структуры единой системы публичной власти в Российской Федерации, на сегодняшний день остаются нерешёнными следующие вопросы в сфере местного самоуправления:

- низкий уровень финансовой обеспеченности местных бюджетов, в том числе поступлений налогов и сборов в их доходную часть;

- отсутствие или недостаточное финансирование работ по реализации федеральных полномочий или полномочий субъекта федерации, переданных на местный уровень [18, с. 103];

- низкая привлекательность муниципальной службы (за исключением городов федерального и республиканского значения);

- фактическая зависимость от решений, принятых исполнительными органами субъекта федерации, иными словами местное самоуправление в ряде случаев играет роль местного

уровня государственного управления (отсутствие самостоятельности в принятии решений в вопросах местного значения);

– несовершенство законодательства, регулирующего создание муниципальных образований, и деятельность на их территории органов местного самоуправления и др.

Указанные и иные проблемы теоретического и прикладного характера, связанные с совершенствованием архитектоники и обеспечением эффективной деятельности органов местного самоуправления, обуславливают актуальность исследования вопроса конституционно-правовых отношений органов местного самоуправления в единой системе публичной власти в Российской Федерации.

Изложение основного материала исследования. Принимая во внимание все современные теории и учения в сфере местного самоуправления, необходимо выделить единую их общность дуализм в самой его сущности и роли в регулировании жизнедеятельности социума, который заключается в государственной и общественной природе муниципального управления. Общественная природа заключается в управлении отдельной территорией её выборными представителями, выходцами из соответствующего социума, владеющими информацией о проблемах и запросах граждан. В свою очередь, государственная природа заключается в интеграции в единую систему публичной власти органов местного самоуправления, реализации ими решений центральных и региональных исполнительных органов, в том числе осуществлении переданных на местный уровень полномочий органов государственной власти.

Государственную и общественную природу органов местного самоуправления необходимо исследовать через призму исторической ретроспективы. Так, формирование общественной природы местного самоуправления можно проследить, исходя из современных знаний о первобытнообщинном строе (около 5 млн лет до н. э. – IV-III тыс. до н. э.), который существовал в догосударственный период. В этом строе все вопросы жизнедеятельности группы людей решал её лидер (вожак, глава рода), фактически играл роль органа местного самоуправления, оставаясь на вершине данной иерархии по принципу наследования или силы.

Государственная природа органов местного самоуправления прослеживается с формированием первых стран, как централизованных и упорядоченных обществ, основанных на принципе согласия входящих в него людей. Иными словами разрозненные группы людей передавали правителю права управления ими, а правитель, в свою очередь, брал обязательства на обеспечение социума первоочередными благами (защита, питание, строительство жилья и др.). В данный период разграничение государственного и муниципального управления отсутствовало, а доведение приказов правителя осуществлялось через его представителей на местах. Так, в древнем Египте, в эпоху правления Птолемеев (с 305 по 30 год до н. э.) местное самоуправление или иными словами реализация власти фараона на местах осуществлялась через номархов, управляющих отдельными территориями – нормами. Административно-территориальное деление в указанный период осуществлялось по принципу верований, общин и национальностей, проживающих на данной территории и в соответствии со сложившимися устоями. Номарх (глава муниципального образования) и иные высшие должностные лица управляли соответствующей территорией всю жизнь, далее передавали свои титулы по наследству от отца к сыну. К функциям «органов местного самоуправления» древнего Египта относились: сбор налогов и их своевременная поставка в государственную казну, распределение продуктов питания в случае неурожая, а также разработка государственных рудников [19, с. 361-365].

Основоположником современной формы местного самоуправления является Римская империя (27 г. до н. э. – 395 г. н. э.) как единое централизованное государство. Завоёвывая новые территории, Рим присваивал им статус муниципий с широкими правами местного самоуправления. Несмотря на то, что Римская империя лишала новые муниципии политических прав (*imperium*), данные образования имели право решать на своих территориях социально-экономические вопросы, а также проблемы культурно-бытового характера.

Расширение полномочий органов местного самоуправления в Римской империи произошло после принятия эдикта Каракаллы (212 г. н. э.), в котором было предоставлено знати муниципий участвовать в управлении различными сферами жизнедеятельности империи через муниципальную службу. В этот период местное

самоуправление фактически осуществлялось и контролировалось магистратами (*prefectus, curatores, consularis*, позже также *iuridici* и т. д.), назначаемыми центральным Римом или избираемыми местным населением (куриалы, квесторы и т. д.). В последние годы существования Римской империи в ряде муниципий одновременно могло находиться несколько магистратов, один назначался центральной властью, второй подчинялся первому и выбирался местным населением. Данные тенденции заложили основу дальнейшей трансформации местного самоуправления в части взаимодействия центральной власти и представителей органов, сформированных на местном уровне [20, с. 54-55].

После распада Римской империи до наших дней, на основании существовавшей модели, сформировалось большинство концепций и теорий местного самоуправления, основные из которых: теория свободной общины; общественная (общественно-хозяйственная) теория местного самоуправления; органическая теория; государственная теория самоуправления; теория дуализма муниципального управления (дуалистическая теория местного самоуправления); теория социального обслуживания; социал-реформистские муниципальные концепции (теория муниципального социализма). С учётом указанных концепций и теорий сформировались три основные канонические модели местного самоуправления: англосаксонская, французская и германская. Данные модели с учётом региональных особенностей и применяются большинством развитых стран, в том числе постсоветского пространства. В свою очередь, местное самоуправление Российской Федерации, в том числе Донецкой Народной Республики, после её вхождения состав России, прошло свой уникальный путь становления и развития, который на сегодняшний день необходимо рассматривать в рамках единой системы публичной власти в Российской Федерации. Генезис местного самоуправления Российской Федерации представлен на рис. 1.

На представленном рисунке нами выделено восемь основных этапов развития местного самоуправления Российской Федерации, с учётом интеграции в её состав Донецкой Народной Республики, а также приведены следующие основополагающие нормативные правовые акты установленных периодов:

I этап - становление общинного самоуправления (X в. – начало XV в.). В этот период выделим следующие нормативные правовые

акты, регулирующие отдельные аспекты деятельности местной власти:

- договор князя Игоря с греками 945 г., который определил правовое положение местного самоуправления в Древней Руси;
- Двинская уставная грамота 1397 г. и Судебник 1497 г., которые определили размер «корма» и порядок его сбора;
- Белозёрская уставная грамота 1488 г. и Судебник 1497 г. установили порядок обжалования действий кормленщиков и их ответственность.

II этап – формирование местного управления (самоуправления) в период становления и развития сословно-представительной и абсолютной монархии (начало XV в. – начало XIX в.). В данный период выделим следующие значимые нормативные правовые акты:

- Уставная земская грамота 1551 г.;
- Двинская земская грамота 1556 г.;
- Важская земская грамота 1552 г.;
- Соборное уложение 1649 г.;
- Указ Петра I 1698 г. о праве самостоятельного распоряжения городской землёй [21];
- Указы Петра I 1699 г. о Бурмистрской Палате в Москве;
- Указ Петра I 1702 г. об упразднении должностей губных старост;
- Указ Петра I 1708 г. о проведении административно-территориальной реформы;
- Регламент (Устав) Главного магистрата 1721 г.;
- Указ Екатерины II 1766 г. «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе в оную депутатов»;
- Акт конституционного значения Екатерины II «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи» 1775 г. [22];
- Положение об управлении Войска Донского 1775 г.;
- Грамота на права и выгоды городам Российской Империи 1785 г.;
- Указ Павла I «Устав столичного города Петербурга» 1798 г.;
- Манифест Александра I 1801 г. о восстановлении Жалованной грамоты 1785 г.
- Положение о земских повинностях 1851 г.

III этап – проведение земской и городской реформ Александром II (начало XIX в. – конец XIX в.).

В данный период выделим следующие значимые нормативные правовые акты:

- Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 1861 г.;
- Положение о губернских по крестьянским делам учреждениях 1861 г.;
- Временные правила о преобразовании полиции 1861 г.;
- Положение об общественном управлении города Москвы 1862 г.;
- Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г.;
- Временные правила по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении 1864 г.;
- Городовое положение 1870 г.

IV этап – контрреформы местного самоуправления в поздний период существования Империи (90-е годы XIX в. – начало XX в. (март 1917 г.)).

В данный период выделим следующие значимые нормативные правовые акты:

- Указ Александра III «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 г.;
- Городовое положение 1892 г.;
- Именной Высочайший Указ Николая II о праве крестьян на участие в земских избирательных съездах мелких землевладельцев 1906 г.

V этап – реформирование местной власти Временным Правительством (начало XX в. (март 1917 г.) – начало XX в. (октябрь 1917 г.)). Рассмотрим основные нормативные правовые акты, изданные в указанный период Временным Правительством [23, с.141-143]:

- Закон о реформе городского самоуправления от 15 апреля 1917 г.;
- Правила проведения выборов гласных городских дум на основе прямого, всеобщего, равного и тайного голосования;
- Положение о волостном земстве и правила о введении его в действие от 21 мая 1917 г.;
- Положение о Всероссийском земском союзе от 7 июня 1917 г.;

– указы по городским выборам и по выборам в волостные земские собрания, в губернские и уездные земства от мая-июня 1917 г.;

– Декларация Временного Правительства о дальнейшем развитии демократических законов о местном самоуправлении от 25 сентября 1917 г.

VI этап – формирование местного самоуправления в советский период и реформа местной власти в период «перестройки» (октябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.).

Выделим в указанный период основные нормативные правовые акты:

– Обращение «О полноте власти Советов» 1917 г.;

– Обращение «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле» 1917 г.;

– Обращение «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» 1917 г.;

– Постановление Наркомата земледелия «О волостных земельных комитетах» 1917 г.;

– Конституция РСФСР (СССР) 1918 г., 1924 г., 1925 г., 1936 г., 1977 г., 1978 г.;

– Положения о сельских Советах 1920 г., 1922 г., 1924 г.;

– Постановление ЦИК СССР «Основные положения об организации сельских Советов в СССР» 1930 г.;

– Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации» 1930 г.;

– Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» 1990 г.;

– Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» 1991 г.

VII этап – постсоветский период развития местного самоуправления в Российской Федерации (декабрь 1991 г. – декабрь 2021 г.).

Рассмотрим основные нормативные правовые акты [24]:

– Конституция РФ 1993 г.;

– Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной

власти субъектов Российской Федерации» (не действует с 2021 года);

– иные нормативные правовые акты, определяющие полномочия органов местного самоуправления: Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1, БК РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ, ГрК РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ, ВК РФ от 03.06.2006 № 74-ФЗ, ФЗ от 24.06.1998 № 89-ФЗ, ФЗ от 22.10.2004 № 125-ФЗ, ФЗ от 02.05.2006 № 59-ФЗ, ФЗ от 21.07.2005 № 94-ФЗ, ФЗ от 09.02.2009 № 8-ФЗ, № от 27.07.2010 № 210-ФЗ, ФЗ от 23.11.2009 № 261-ФЗ, ФЗ от 07.02.2011 № 6-ФЗ и др.

VIII этап – публично-интеграционный этап развития местного самоуправления в Российской Федерации (декабрь 2021 г. – по настоящее время). Этот этап развития местного самоуправления начинается после принятия Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», в котором органы местного самоуправления включены в единую систему публичной власти в Российской Федерации [25]. Кроме того, начиная с октября 2022 года, в состав Российской Федерации были включены четыре новых субъекта федерации, что оказало влияние на всю систему публичной власти страны. Учитывая региональный аспект настоящего исследования, остановимся на процессе интеграции местных администраций Донецкой Народной Республики и конституционно-правовых отношений органов местного самоуправления Республики в единой системе публичной власти в Российской Федерации.

Так, частью 1 статьи 11 Федерального Конституционного закона от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» местное самоуправление на территории Донецкой Народной Республики осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о местном самоуправлении, а органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и взаимодействуют с иными органами публичной власти в целях эффективного решения задач в интересах граждан Российской Федерации, проживающих на территории Донецкой Народной Республики [26].

В соответствии с частью 1 статьи 8 Конституции Донецкой Народной Республики от 30 декабря 2022 года, аналогично статье 12 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года, в Республике признаётся и гарантируется местное самоуправление, которое в пределах своих полномочий самостоятельно и не входит в систему органов государственной власти. Полномочия местного самоуправления, в республике в том числе, формируются исходя из разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Донецкой Народной Республики и органами местного самоуправления, что и определяет сферы их конституционно-правовых отношений в единой системе публичной власти в Российской Федерации [27].

Руководствуясь Конституцией Российской Федерации, рассмотрим сферы конституционно-правовых отношений органов местного самоуправления с иными органами управления в единой системе публичной власти в Российской Федерации (табл. 1)

Таблица 1

Конституционно-правовые отношения (основные) органов местного самоуправления с иными органами управления в единой системе публичной власти в Российской Федерации
(составлено авторами на основании [24])

Отсылочное предписание Конституции РФ	Норма Конституции РФ	Правовое регулирование	Сфера взаимодействия органов местного самоуправления и иных органов государственного управления
1	2	3	4
ч. 2 ст. 3, ч. 2 ст. 32	Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления	Федеральный закон от 26.11.1996 № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления»	Обеспечение проведения выборов, в том числе в области деятельности избирательных комиссий
ст. 12	В РФ признаётся и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно	Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»	Осуществление исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий, правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности

Продолжение табл. 1

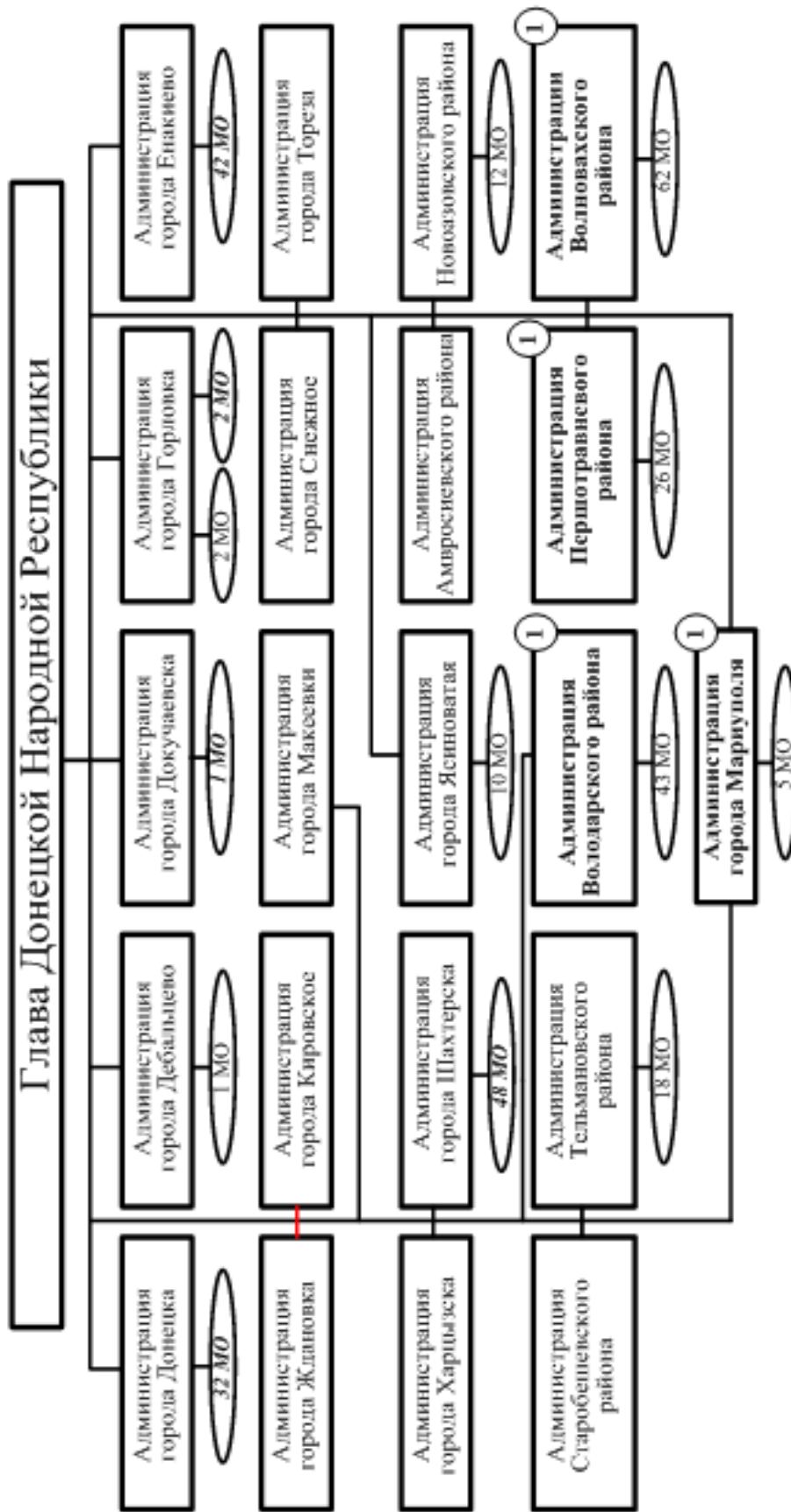
1	2	3	4
ст. 12	Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти	Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»	Решение задач местного самоуправления, формирование органов местного самоуправления
ч. 2 ст. 24	Органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы	Правовая позиция Конституционного суда РФ, содержащаяся в определении от 07.02.2013 № 134-О	Предоставление и взаимодействие между органами местного самоуправления и иными органами публичной власти по вопросу предоставления гражданину документов и материалов, касающихся его обращения
ст. 33	Граждане РФ имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения	Федеральный закон от 02.05.2006 №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»	Перенаправление обращений граждан и иные отношения, связанные с их рассмотрением
ч. 2 ст. 40	Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище	Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 (ред. от 26.01.2023) «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан РФ»	Взаимодействие исполнительных органов с органами местного самоуправления, а также с юридическими лицами, участвующими в реализации Программы
ч. 2 ст. 46	Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде	Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»	Отношения, связанные с судопроизводством (запрос и получение информации, подготовка необходимой документации)

Приведённые в таблице конституционно-правовые отношения органов местного самоуправления с иными органами управления в единой системе публичной власти в Российской Федерации не являются исчерпывающими и дополнительно регулируются широким спектром нормативных правовых актов, отражённых в седьмом и восьмом этапах развития местного самоуправления Российской Федерации, раскрытых в настоящем исследовании.

Исследуя конституционно-правовые отношения органов местного самоуправления в Донецкой Народной Республике до избрания представительных органов вновь образованных муниципальных образований (второе воскресенье сентября 2023 года), необходимо акцентировать внимание на региональном аспекте данного вопроса.

Так, в целях обеспечения деятельности органов местного самоуправления в пределах Донецкой Народной Республики в 2015 году Главой Донецкой Народной Республики был подписан Указ № 13 «О принятии временного (типового) положения о местных администрациях Донецкой Народной Республики». В соответствии с указанным типовым положением все местные администрации принимали свои положения и реализовали те полномочия, которые в нём были установлены. В пункте 1.5 временного (типового) положения отмечено, что местные администрации взаимодействуют с Администрацией Главы Донецкой Народной Республики, Правительством Донецкой Народной Республики, исполнительными органами Донецкой Народной Республики, а также с другими органами и организациями Донецкой Народной Республики по вопросам, находящимся в их компетенции [28].

С началом специальной военной операции СВО 24 февраля 2022 года и в связи с освобождением территорий Донецкой Народной Республики, ранее временно находившихся под контролем Украины, Указом Главы ДНР от 03.03.2022 № 45 некоторые муниципальные образования переподчинены действующим местным администрациям. Учитывая настоящую динамику, современная структура органов местного самоуправления Республики представлена на рис. 2.

① - освобожденные территории, начиная с 24.02.2022 г.

①2 MO - муниципальные образования, включенные в зону влияния местных администраций (Указ Главы ДНР №45).

①2 MO - муниципальные образования, временно включенные в зону влияния местных администраций (Указ Главы ДНР №45).

Рис. 2. Структура органов местного самоуправления в Донецкой Народной Республике на 01 мая 2023 года (составлено авторами на основании [29])

В соответствии с частями 4 и 6 статьи 11 Федерального Конституционного закона от 04.10.2022 года № 5-ФКЗ до избрания во второе воскресенье сентября 2023 года представительных органов, вновь созданных муниципальных образований, полномочия органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления исполняют органы и должностные лица, осуществлявшие эти функции на этих территориях на день принятия в состав Российской Федерации Донецкой Народной Республики; иными словами те, которые приведены на вышеприведённом рис. 2.

Обратимся к части 3 статьи 11 Федерального Конституционного закона № 5-ФКЗ, в соответствии с которым Народный Совет Донецкой Народной Республики в течение шести месяцев со дня принятия в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики должен принять нормативные правовые акты, предусматривающие:

- создание городских и муниципальных округов;
- определение границ вновь образованных городских и муниципальных округов;
- закрепление численности депутатов представительных органов городских и муниципальных округов и установление сроков их полномочий (не менее двух лет).

Исходя из требований Федерального Конституционного закона № 5-ФКЗ, в конце марта 2023 года Народным Советом Донецкой Народной Республики было принято три региональных законодательных акта, в частности [30]:

1. Закон Донецкой Народной Республики от 31.03.2023 № 437-ПНС «Об административно-территориальном устройстве Донецкой Народной Республики», который установил принципы административно-территориального устройства, урегулировал вопрос образования, объединения, разделения, преобразования, упразднения, присвоения наименований, переименования, учёта административно-территориальных единиц и входящих в их состав населённых пунктов, определил компетенции органов публичной власти, созданных на территории региона.

2. Закон Донецкой Народной Республики от 31.03.2023 № 438-ПНС «Об образовании на территории Донецкой Народной Республики городских и муниципальных округов, установлении их границ», в котором законодателем установлен перечень населённых пунктов, входящих в состав образованных в Республике городских и муниципальных округов.

3. Закон Донецкой Народной Республики от 31.03.2023 № 439-ПНС «О структуре и наименовании органов местного самоуправления, численности, сроках полномочий и дате проведения выборов депутатов представительных органов муниципальных образований первого созыва в Донецкой Народной Республике», в котором определена структура органов местного самоуправления Донецкой Народной Республики.

В совокупности с федеральным законодательством вышеуказанные нормативные правовые акты составляют основу правовых отношений органов местного самоуправления с иными органами государственного управления в единой системе публичной власти в Российской Федерации. Таким образом, принимая во внимание принятый Указ Главы Донецкой Народной Республики от 13.04.2023 № 119 «О системе и структуре исполнительных органов Донецкой Народной Республики», представим структуру конституционно-правовых отношений органов местного самоуправления с иными органами публичной власти Донецкой Народной Республики, которая формируется и будет завершена после второго воскресенья сентября 2023 года или, иными словами, после проведения выборов в представительные органы муниципальных образований (рис. 3).

На рис. 3 представлены как исполнительные органы Донецкой Народной Республики и органы местного самоуправления, определённые Указом Главы Донецкой Народной Республики № 119 и Законами ДНР № 437-439-ПНС, так и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, которые до 1 июня 2023 года, в соответствии с частью 8 статьи 8 Федерального Конституционного закона № 5-ФКЗ, должны быть сформированы на территории Донецкой Народной Республики.

В соответствии с представленным рис. 3 и Законом Донецкой Народной Республики № 437-ПНС, в состав региона входит 12 городов республиканского значения и 18 районов, которые образуют 12 городских и 18 муниципальных округов, на которых уже сегодня происходит формирование органов местного самоуправления, согласно нормам федерального законодательства. Это заключается в том, что на сегодняшний день местные администрации разрабатывают уставы муниципальных образований, которые после завершения выборов должны быть утверждены представительными органами соответствующих муниципальных образований.

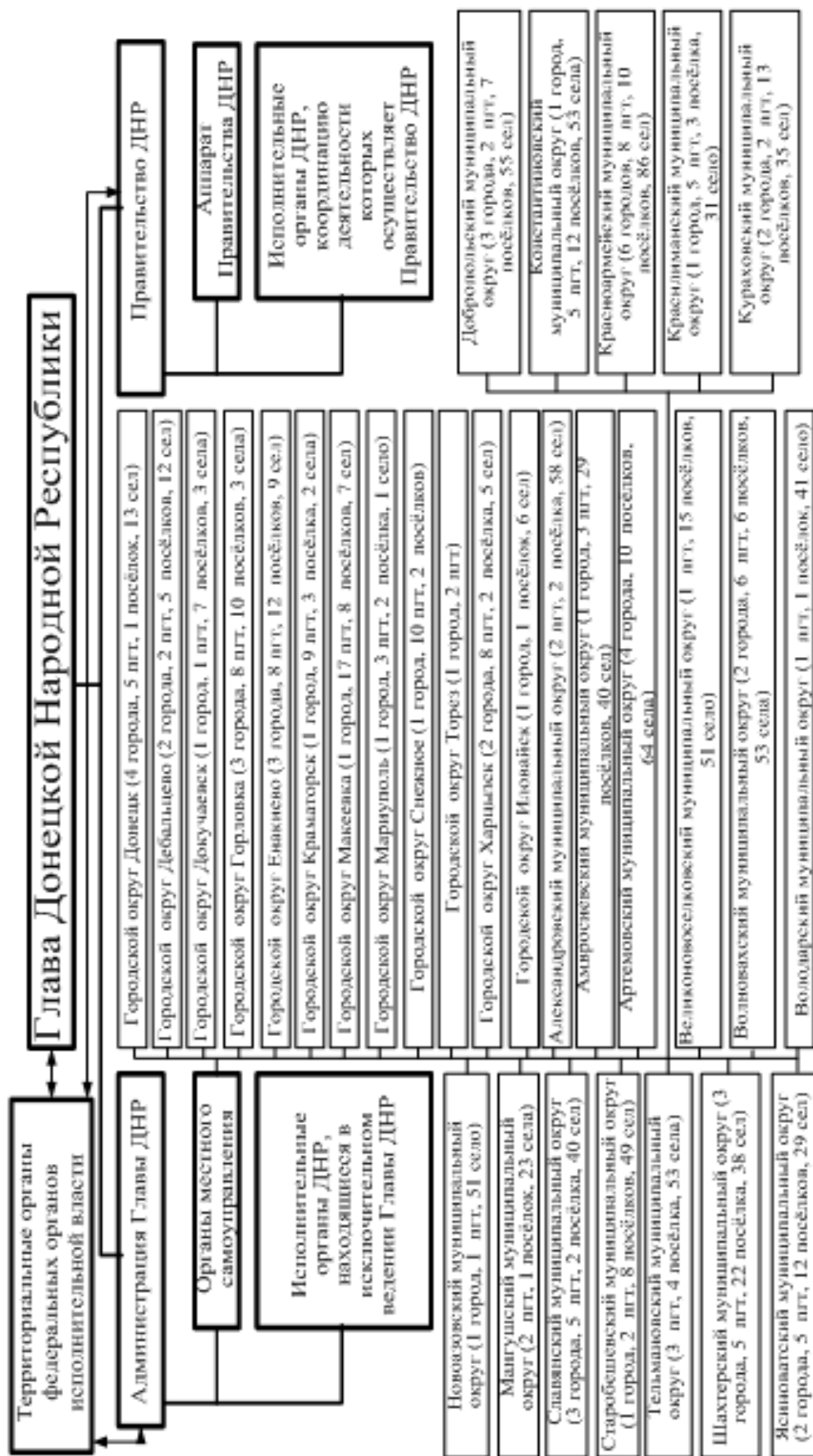

Рис. 3. Структура конституционно-правовых отношений местного самоуправления с иными органами публичной власти Донецкой Народной Республики после 10 сентября 2023 года (составлено авторами на основании [30])

Таким образом, конституционно-правовые отношения органов местного самоуправления в единой системе публичной власти в Российской Федерации определены, в том числе в нормативных правовых актах федерального и регионального уровней. Отметим, что многое уже сделано в рамках формирования органов местного самоуправления Донецкой Народной Республики, однако многое ещё предстоит сделать вновь образованным муниципальным образованиям. Например, сформировать местные бюджеты, стать активными участниками реализации государственных программ и национальных проектов. Учитывая тот колоссальный опыт существующих местных администраций, считаем, что вновь сформированные органы местного самоуправления смогут в полной мере обеспечить эффективное взаимодействие с иными органами государственного управления в единой системе публичной власти в Российской Федерации.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. На сегодняшний день органы местного самоуправления в Донецкой Народной Республике находятся на этапе своей трансформации от местных администраций отдельных административно-территориальных единиц к органам местного самоуправления муниципальных образований городских и муниципальных округов. Несмотря на тяжёлую социально-экономическую ситуацию в регионе, связанную с экономической блокадой и активизацией военных действий на территории Донецкой Народной Республики, местные администрации, исполняющие функции органов местного самоуправления, в полной мере доказали свою жизнеспособность в решении как задач государственного значения, так и индивидуальных вопросов граждан Российской Федерации.

Считаем, что дальнейшие исследования по тематике настоящей работы должны быть связаны с совершенствованием нормативного регулирования отношений органов местного самоуправления и иных органов государственного управления в единой системе публичной власти в Российской Федерации, а также повышением эффективности непосредственной деятельности указанных органов по различным направлениям жизнедеятельности граждан, проживающих на территории сферы их компетенций (социальная и жилищно-коммунальная сферы, занятость населения, строительство и благоустройство городской среды).

Список использованных источников

1. Томсинов, В. А. Государство и право Древнего Египта: монография / В. А. Томсинов. – Москва : ИКД «Зерцало-М», 2011. – 512 с. – Текст : непосредственный.
2. Юрьев, В. М. Эволюция моделей муниципального управления: страновой анализ / В. М. Юрьев, Л. В. Московцева. – Текст : непосредственный // Вестник ТГУ. – 2006. – № 3-2. – С. 54-59.
3. Метелицкая, Ю. В. Актуальные проблемы местного самоуправления в Российской Федерации / Ю. В. Метелицкая. – Текст : непосредственный // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 12. – С. 100-105.
4. Джума, В. К. Конституционно-правовая природа местного самоуправления современной России / В. К. Джума. – Текст : непосредственный // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 54-56.
5. Власенко, Е. Е. Конституционно-правовая природа органов местного самоуправления / Е. Е. Власенко. – Текст : непосредственный // Право и практика. – 2013. – № 4. – С. 58-61.
6. Майкова, Э. Ю. Сущностные характеристики местного самоуправления / Э. Ю. Майкова, Е. В. Симонова. – Текст : электронный // Актуальные вопросы экономических наук. – 2016. – № 55-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnostnye-harakteristiki-mestnogo-samoupravleniya/viewer> (дата обращения: 05 мая 2023).
7. Емешов, В. И. Правовая природа депутата представительного органа местного самоуправления / В. И. Емешов. – Текст : непосредственный // Марийский юридический вестник. – 2007. – № 5. – С. 140-144.
8. Тихалева, Е. Ю. Конституционно-правовая природа системы органов местного самоуправления / Е. Ю. Тихалева. – Текст : непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – № 1. – С. 11-115.
9. Дубинкин, Э. В. Социально-правовая природа исполнительных органов местного самоуправления / Э. В. Дубинкин. – Текст : непосредственный // Философия права. – 2009. – № 5. – С. 61-63.
10. Проказин, И. Л. Взаимодействие органов местного самоуправления с органами государственной власти / И. Л. Проказин. – Текст : непосредственный // Вестник государственного и муниципального управления. – 2017. – № 3. – С. 63-67.
11. Устинова, О. В. Особенности взаимодействия органов местного самоуправления с населением / О. В. Устинова, Ю. П. Савицкая. – Текст : электронный // ИСОМ. – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimodeystviya>

organov-mestnogo-samoupravleni000/ya-s-naseleniem/viewer (дата обращения: 05 мая 2023).

12. Шеметова, О. Ю. Концепция взаимодействия органов местного самоуправления и прокуратуры / О. Ю. Шеметова. – Текст : непосредственный // *НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право.* – 2013. – № 16 (159). – С. 208-215.

13. Алексеева, С. Г. Взаимодействие органов местного самоуправления с малым бизнесом / С. Г. Алексеева, Е. А. Ионкина. – Текст : непосредственный // *Системные технологии.* – 2017. – № 24. – С. 43-46.

14. Собчук, Н. В. Взаимодействие органов местного самоуправления с некоммерческими организациями / Н. В. Собчук. – Текст : непосредственный // *Вестник РГЭУ РИНХ.* – 2009. – № 28. – С. 95-102.

15. Гасанов, А. С. Совершенствование деятельности органов местного самоуправления / А. С. Гасанов, М. О. Мамедбекова. – Текст : непосредственный // *Вопросы структуризации экономики.* – 2008. – № 1. – С. 13.

16. Будханд, Ж. Совершенствование деятельности органов местного самоуправления в Монголии / Ж. Будханд. – Текст : непосредственный // *Вестник БГУ.* – 2014. – № 2. – С. 208-211.

17. Сутурин, А. С. Проблемы совершенствования деятельности органов местного самоуправления / А. С. Сутурин. – Текст : непосредственный // *Форум молодых учёных.* – 2020. – № 3 (43). – С. 350-354.

18. Саида, Я. П. Проблемы совершенствования деятельности органов местного самоуправления в сфере образования / Я. П. Саида, Т. Р. Камилла. – Текст : непосредственный // *Образование. Наука. Научные кадры.* – 2022. – № 1. – С. 78-80.

19. Гильмутдинов, И. А. Совершенствование деятельности органов местного самоуправления по обеспечению противопожарной безопасности / И. А. Гильмутдинов, Е. В. Балашов. – Текст : непосредственный // *Экономика и социум.* – 2014. – № 1-1 (10). – С. 417-419.

20. Мельниковская, А. О. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления и пути её совершенствования / А. О. Мельниковская. – Текст : непосредственный // *Инновации и инвестиции.* – 2022. – № 10. – С. 251-255.

21. Реформы органов местного управления и самоуправления Петра I Великого. – Текст : электронный. – URL: <https://петр1.рус/реформы/административные/местного-управления> (дата обращения: 05 мая 2023).

22. Учреждения для управления губерний. – Текст : электронный. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/> (дата обращения: 05 мая 2023).

23. Судаев Д. Н. Разработка Временным правительством России правовых основ реформирования местного самоуправления / Д. Н. Судаев. – Текст : непосредственный // Социология власти. – 2009. – № 8. – С. 139-146.

24. Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – Текст : электронный. – URL: <https://docs.cntd.ru/about> (дата обращения: 05 мая 2023).

25. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21.12.2021. – № 414-ФЗ. – Текст : электронный. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=424598> (дата обращения: 05 мая 2023).

26. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики : Федеральный конституционный закон от 04.10.2022. – № 5-ФКЗ (ред. от 28.04.2023). – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/ (дата обращения: 05 мая 2023).

27. Конституция Донецкой Народной Республики от 30 декабря 2022 года. – Текст : электронный. – URL: https://gisnpra-dnr.ru/npra/0002-2-20221230/?ysclid=lhrdczawym659_512004 (дата обращения: 05 мая 2023).

28. О принятии временного (типового) положения о местных администрациях Донецкой Народной Республики : Указ Главы Донецкой Народной Республики от 19.01.2015. – № 13. – Текст : электронный. – URL: https://gisnpra-dnr.ru/npra/0001-13-20150119/?ysclid=lhrmf91kj053_7401560 (дата обращения: 05 мая 2023).

29. О включении в зону влияния и ответственности органов исполнительной власти Донецкой Народной Республики некоторых освобождённых населённых пунктов, ранее временно находившихся под контролем Украины (с изменениями и дополнениями) : Указ Главы Донецкой Народной Республики от 03.03.2022. – № 45. – Текст : электронный. – URL: https://gisnpra-dnr.ru/npra/0001-45-20220303/?ysclid=lhrnjrw_8pa304121690 (дата обращения: 05 мая 2023).

30. Официальный ресурс Главы Донецкой Народной Республики. – Текст : электронный. – URL: <https://glavadnr.ru/> (дата обращения: 05 мая 2023).

РАЗДЕЛ 2

Административное право; административный процесс; таможенное право; трудовое право; право социального обеспечения; арбитражное право; арбитражный процесс

УДК 349.3

DOI 10.5281/zenodo.10183895

РАБОТА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ИНВАЛИДОВ

ВИТВИЦКАЯ В. В.,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
административного права;

НИКИТИН М. Д.,
магистрант группы ЮР-22м,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Изучение права на социальное обеспечение в государстве занимает важное место в системе гуманитарных наук и национального права. Его анализ позволяет выявить правовые коллизии и пробелы в законодательстве с целью их дальнейшей корректировки. В статье рассматриваются вопросы, возникающие в работе местных органов и организаций, занимающихся социальным обеспечением, в том числе социальной защитой инвалидов в Донецкой Народной Республике.

Ключевые слова: пенсии по инвалидности, условия признания лица инвалидом, местные органы, права человека, социальное обеспечение граждан, признанных инвалидами

THE WORK OF LOCAL AUTHORITIES IN THE FIELD OF SOCIAL PROTECTION OF DISABLED PEOPLE

VITVITSKAYA V. V.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Administrative Law;

NIKITIN M. D.,
Master's student of the YUR-22m,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The study of social security law in the State occupies an important place in the system of humanities and national law. Its analysis makes it possible to identify legal conflicts and gaps in legislation in order to further adjust them. The article deals with issues arising in the work of local authorities and organizations

dealing with social security, including social protection of disabled people in the Donetsk People's Republic.

Keywords: *disability pensions, conditions for recognizing a person as disabled, local authorities, human rights, social security of citizens recognized as disabled*

Постановка задачи. Социальная защита граждан, признанных инвалидами, в Российской Федерации вышла на достаточно высокий уровень. Однако ещё остаются неучтённые законодателем стороны данного направления социального обеспечения граждан как государственной политики и отмечаются некоторые проблемы в работе местных органов власти Донецкой Народной Республики.

В связи с этим необходимо проанализировать обозначенную ситуацию, указав на положительные моменты социального обеспечения инвалидов в ДНР и проблемные вопросы, возникающие в силу переходного периода, характеризуемого постепенным вхождением республики в законодательное поле Российской Федерации.

Актуальность. В силу переходного периода законодательства Донецкой Народной Республики на стандарты и положения, закреплённые законодательством Российской Федерации, в работе по социальному обеспечению лиц, признанных инвалидами, имеют место проблемы с функционалом (возможностями, предоставляемыми местными органами власти). После вхождения нашей молодой республики в состав Российской Федерации встал вопрос о соответствии имеющейся республиканской законодательной базы федеральному законодательству. Стало очевидным отсутствие анализа всех аспектов социального обеспечения и потребность в выявлении проблем в данной сфере. Разрешение обозначенных вопросов помогут формированию и усовершенствованию системы социального обеспечения инвалидов в ДНР.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучению данного направления социальной политики государства уделяли внимание в своих трудах такие учёные: А. Н. Больницкая, О. В. Хорькова, Н. С. Сычёва. Их исследования помогли увидеть сложившуюся на современном этапе развития модель социально-государственной системы в Российской Федерации, обозначить пути её совершенствования, разрешить вопрос о целесообразности развития новых форм социальной поддержки населения, в том числе и лиц, имеющих инвалидность. Авторами рассматриваются

вопросы совершенствования указанной социальной системы, обосновывается необходимость выработки эффективных механизмов согласования интересов гражданского общества, власти и бизнеса по вопросам социальной поддержки населения.

В своих научных работах О. В. Хорькова указывает на наличие актуальных проблем охраны здоровья и социальной защиты населения на современном этапе. Она предлагает на рассмотрение вопрос о постановке новых задач перед учреждениями социальной защиты, медицинскими организациями, гериатрической службой, учреждениями медико-социальной экспертизы, которые помогут вывести систему социального обеспечения граждан на новый современный уровень [1, с. 173].

К тому же, существует ряд нормативных правовых актов как часть национального законодательства, так и местного республиканского, регламентирующие вопросы социальной защиты населения, в частности инвалидов.

Цель статьи – изучить проблемные вопросы, возникающие в ходе работы местных республиканских профильных органов социальной защиты в период перехода на российское законодательство.

Изложение основного материала исследования. Органы социальной защиты населения наравне с другими функциями выполняют и такую важную функцию, как управление сферой социального обеспечения населения. Управление является неотъемлемой частью осуществления самого социального обеспечения и делится на виды, такие как общее управление социальным обеспечением и оперативное управление. Общее управление реализуется Правительством Донецкой Народной Республики, которое осуществляет государственную политику в сфере соблюдения прав граждан в социальной сфере, установленных Конституцией РФ и ДНР. Ответственность за обеспечение оперативного управления лежит на местных государственных органах исполнительной власти, таких как Министерство труда и социальной политики, Министерство здравоохранения, Министерство образования и науки, а также на другие подведомственные структуры Донецкой Народной Республики.

Оперативное (непосредственно практически осуществляющее) управление социальным обеспечением зависит от того, к какой

форме социального обеспечения оно относится. Для осуществления оперативного управления социальным обеспечением выделяются денежные средства из федерального бюджета. Если осуществляется оперативное управление социальным обеспечением за счёт поступлений из федерального бюджета, то управляют государственные органы исполнительной власти и подведомственные им органы. На местном уровне в РФ оперативное управление осуществляется органами социальной защиты населения (управление социальной защиты населения), комитетом по социальной политике, центром социального обслуживания и другими субъектами, на которых возложена данная функция согласно законодательству. Управление в данной сфере выстраивается с учётом главных организационных и правовых форм социального обеспечения и защиты населения. К нему относятся и социальное страхование, и социальное обеспечение некоторых категорий граждан, находящихся в зоне риска, а также государственная социальная помощь, которая осуществляется в отношении граждан за счёт республиканского бюджета, ассигнованного в соответствии с местным и федеральным законодательством.

В целом, управление социальным обеспечением осуществляется в Донецкой Народной Республике непосредственно местным Правительством. На нём лежит ответственность за осуществление государственной социальной политики, а также за реализацию и исполнение конституционных прав граждан в области социальной защиты и социального обеспечения граждан. Данные права распространяются на социальное обеспечение, охрану здоровья и возможность получать качественные, и, главное, бесплатные медицинские услуги. Также государством оказывается содействие в решении некоторых социальных проблем, с которыми сталкиваются семьи. Ответственность за это берёт на себя Правительство Донецкой Народной Республики, которое напрямую занимается деятельностью государственных министерств и контролирует иные органы местной республиканской исполнительной власти.

Что касается, например, оперативного управления органами социального обеспечения, то здесь ответственность ложится на органы республиканской исполнительной власти, на министерство труда и социальной политики Донецкой Народной Республики, а

также другие подведомственные им организации, которые имеют то или иное отношение к осуществлению социальной политики в республике и федерации в целом.

Функции оперативного управления социальным обеспечением, а также функции, которые в большей степени сконцентрированы на социальном страховании конкретных людей, осуществляются в пределах полномочий внебюджетных республиканских фондов. Согласно закону Донецкой Народной Республики «Об основах общеобязательного социального страхования» такие фонды не являются частью местной исполнительной власти. К ним относятся Пенсионный Фонд Донецкой Народной Республики (теперь уже местное отделение Пенсионного Фонда России) и Фонды Социального Страхования граждан, такие как фонд социального страхования по временной нетрудоспособности, фонд социального страхования от несчастных случаев на производстве.

Данные фонды осуществляют свою деятельность в соответствии с теми целями, которые определены рассматриваемым законом Донецкой Народной Республики [2]. К ним относятся обеспечение прав застрахованных граждан и выплаты в страховом случае, которые определены законодательством как те случаи, при которых граждане имеют право на получение определённых страховых выплат.

Важно учитывать тот факт, что Пенсионный Фонд, а также и иные страховые социальные фонды, не входят в систему органов местной исполнительной власти, но их правовой статус обладает некоторыми элементами, которыми обладают аналогичные органы социального управления в Донецкой Народной Республике.

Цели и задачи, которые закреплены за Пенсионным Фондом Донецкой Народной Республики, во многом определяют его структуру, а также сферу деятельности, в которой он имеет законные полномочия и может осуществлять свою деятельность. Цели его организации и осуществления деятельности заключаются в создании эффективных и надёжных гарантий со стороны государства в отношении пенсионных выплат и пенсионного обеспечения категорий граждан, которые оказались именно в том положении, которое предусмотрено законом. Эти цели возможно достигнуть только при реализации некоторых задач.

В рамках социального обеспечения достаточно важную роль имеет правовое регулирование. Главным министерством в данной области является Министерство труда и социальной политики Донецкой Народной Республики. Это республиканский орган местной исполнительной власти, который реализует функции по выработке и последующей эффективной реализации государственной и республиканской политики в соответствии с нормативным правовым регулированием таких сфер, как демография, трудовая сфера, уровень доходов населения, благосостояние, уровень жизни, оплата труда, пенсионное обеспечение граждан и их социальное страхование.

Что касается органов социального обеспечения, то они могут носить разнообразные названия – это и министерства, и департаменты, и комитеты, и управления по социальной защите, и отделы, которые ориентируют свою работу на социальное развитие населения республики. Несмотря на различные названия, их функции и роль, в целом, одинаковые – они нацелены на то, чтобы создать максимально комфортные условия для граждан, поддерживать уровень их доходов, а также осуществлять социальную защиту, социальное обеспечение и социальное страхование тех граждан, которые по тем или иным причинам не могут самостоятельно обеспечить себя необходимыми благами и услугами [3, с. 122-123].

К основным видам деятельности органов и учреждений социального обеспечения в Донецкой Народной Республике можно отнести такие как выявление граждан, нуждающихся в социальном обслуживании. Эта деятельность осуществляется совместно с государственными и муниципальными органами, общественными и религиозными организациями и объединениями. Предусмотрен дифференцированный учёт всех граждан, нуждающихся в социальном обслуживании. Определены конкретные формы помощи, её периодичность (постоянно, временно, на разовой основе) предоставления гражданам, нуждающимся в социальном обслуживании. При этом в обязательном порядке учитываются индивидуальные потребности лиц. Деятельность субъектов социального обеспечения строится на условиях соблюдения принципов адресности, доступности, гуманности, добровольности, приоритетности, конфиденциальности предоставления социального обслуживания граждан. Учитывается возраст лиц и медицинские противопоказания, которые говорят о необходимости посещения указанной категории лиц на дому.

Безусловно, такая организация работы возможна только при тесном взаимодействии с различными государственными, муниципальными и негосударственными структурами, общественными организациями.

Субъекты социального обеспечения решают множество вопросов, связанных не только с оказанием социальной поддержки гражданам, но и решением проблем их самообеспечения, жизнеустройства, реализацией собственных возможностей и по преодолению сложных жизненных ситуаций.

Повсеместно проводится работа на федеральном и местном уровнях по внедрению в практику инновационных форм и методов социального обслуживания лиц, признанных инвалидами. Уделяется пристальное внимание профессиональному обучению представителей служб, ведомств по программам подготовки и повышения квалификации. Реализуются программы по увеличению объёма предоставляемых социальных услуг данной категории граждан и повышению их качества и доступности. Несомненно, что целью деятельности государственных органов и учреждений социального обеспечения должно стать обеспечение высоких стандартов уровня жизни и социального благополучия граждан с ограниченными возможностями путём повышения экономической активности населения, усиления социальной защищённости такой группы населения через оказание доступных и качественных социальных услуг.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Основой деятельности государственных органов и учреждений социального обеспечения является реализация и совершенствование государственной политики и государственного управления путём стратегического планирования, разработки и реализации социальных программ и планов с использованием кластерного подхода в сфере труда, занятости и социальной защиты, в том числе социального обслуживания, а также путём развития социальной инфраструктуры для лиц с ограниченными возможностями.

В настоящее время государственные органы Донецкой Народной Республики в своей деятельности по социальному обеспечению лиц, признанных инвалидами, сталкиваются с трудностями, неясностями и нестыковками из-за перехода на федеральное законодательство. Конечно, небольшие временные проблемы будут появляться в различных ситуациях и у разных

субъектов социального обеспечения, но после полного перехода на стандарты Российской Федерации и окончания работы по соответствию местного законодательства с федеральным, все проблемы уйдут в прошлое.

Список использованных источников

1. Хорькова, О. М. Нерешённые проблемы в системе оказания медико-социальной помощи инвалидам пожилого возраста / О. М. Хорькова, Л. А. Карасёва. – Текст: непосредственный // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. – 2017. – № 20 (4). – С. 172-174.

2. Об основах общеобязательного социального страхования: Закон Донецкой Народной Республики № 37-ІНС от 30.04.2015 г., действ. в ред. по состоянию на 30.05.2020 г. [принят Народным Советом Донецкой Народной Республики]. – Текст: электронный. – URL: <http://fondnsdnr.ru/normativnaja-baza/normativno-pravovye-akty-dnr/> (дата обращения: 17.10.2023).

3. Больницкая, А. Н. Инвалиды и общество / А. Н. Больницкая. – Текст: непосредственный // Социальная диагностика. – 2014. – № 4 (122) – С. 119-126.

УДК 342.9

DOI 10.5281/zenodo.10184043

ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ

**ГОЛОБОРОДЬКО В. И.,
старший преподаватель кафедры
административного права,
ДОНЕЦКИЙ ФИЛИАЛ
ФГКОУ ВО «ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

Статья посвящена основаниям применения административных наказаний. Автор поддерживает позицию учёных о необходимости разграничить административные правонарушения и административные проступки как правовые категории.

Ключевые слова: административное наказание, основания применения административных наказаний, административное правонарушение, административный проступок, административная ответственность

GROUNDS FOR APPLICATION OF ADMINISTRATIVE PENALTIES

GOLOBORODKO V. I.,
senior lecturer at the department
of administrative law,
DONETSK BRANCH OF THE
FSOEI HE «VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF
THE RUSSIAN FEDERATION»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article is devoted to the grounds for the application of administrative penalties. The author supports the position of scientists on the need to distinguish between administrative offenses and administrative offenses as legal categories.

Keywords: administrative penalties, grounds for applying administrative penalties, administrative offense, administrative misdemeanor, administrative responsibility

Постановка задачи. Хотя проблематика административных наказаний является одним из ключевых в содержании института административной ответственности, однако она мало исследовалась отдельно от других правовых явлений. Установленные подходы и положения долгое время не обновлялись, что не наилучшим образом отразилось на законодательстве.

Обзор последних исследований и публикаций. Отдельные аспекты административных наказаний в той или иной степени освещались в рамках административной ответственности в работах многих учёных, в частности: Д. Н. Бахраха, Ю. П. Битяка, С. Т. Гончарука, И. П. Голосниченко, Е. В. Додина, Л. В. Коваля, А. Т. Комзюка, Д. М. Лукьянца, И. В. Мартыанова, А. П. Шергина, Ю. С. Шемшученко, В. В. Цветкова, В. А. Юсупова, О. М. Якубы и др.

Актуальность статьи. Актуальность проблем административных наказаний основывается на определённых факторах: 1) экономическом – необходимости государственного

регулирования хозяйственных отношений конкретными правовыми средствами, в то же время круг этих средств, основания применения и их виды должны определяться на законодательном уровне; 2) политическом – необходимости создания и поддержки режима законности в сфере исполнительной власти с целью обеспечения защиты в административно-правовых отношениях условий для надлежащей реализации прав и свобод граждан; 3) нормативно-правовом – создание нового и реформирования действующего административного законодательства должно происходить на основании научно обоснованного учёта происходящих социальных, экономических, политических изменений с целью создания эффективного правового механизма защиты общественных отношений.

Цель статьи состоит в изучении оснований применения административных наказаний, а также разграничении понятий «административное правонарушение» и «административный проступок».

Изложение основного материала исследования. Под «основанием» понимают явление, выступающее как необходимое условие, предпосылку существования какого-либо другого явления, и служащее объяснением последнего [1, с. 298].

Административное наказание применяется по закону за нарушение правовой нормы. Однако такое следствие имеется не всегда. Применение административного наказания инициируют не все, а лишь определённый круг правонарушений, носящих характер административного проступка, причём санкция нарушенной правовой нормы или нормы, обеспечивающей её надлежащее исполнение, должно содержать соответствующее наказание.

Реформирование административного права, развитие законодательства способствовали тому, что понятие «административный проступок» приобретает новое звучание и значение.

Ретроспективный анализ содержательной нагрузки понятия «административный проступок» показывает, что учёные, используя это понятие в своих исследованиях по вопросам административного права или конкретно изучая и анализируя исключительно такое правовое явление как административное правонарушение, не выделяли отдельно понятия «административное правонарушение» и «административный

проступок». Анализ исследований констатирует их восприятие в качестве единой категории.

Так, Д. Н. Бахрах определяет проступок как виновное общественно вредное деяние, посягающее на порядок государственного управления, общественную безопасность, общественный порядок, собственность, за совершение которого правовым актом предусмотрено применение мер административного принуждения [2]. В таком изложении наблюдаются определённые несогласованности и противоречия.

Применение административного принуждения может производиться вследствие совершения правонарушения или вследствие возникновения определённых обстоятельств. Если же исходить из той позиции, что административное принуждение применяется только вследствие правонарушения, что подчёркивает Д. Н. Бахрах, тогда как быть с применением принудительных мер при отсутствии правонарушения?

В отличие от других принудительных мер административно-правовые санкции реализуются только вследствие нарушения правовой нормы. Если за проступок предусмотрено применение мер административного принуждения, то необходимо ввести критерий, по которому они должны быть отделены. По нашему мнению, в определённые понятия «административный проступок» целесообразно ограничить меры административного принуждения только наказаниями.

Законодательно закреплено определение, согласно которому административным правонарушением признаётся противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность (ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ) [3].

Определяя административное правонарушение, указывают, прежде всего, на определённое общественное поведение, направленное на нарушение установленных норм и правил, что в свою очередь наделяет его отрицательным оттенком [4, с. 20]. Так, А. П. Шергин говорит о том, что, прежде всего, правонарушение – это одна из форм поведения людей, не отвечающая требованиям правовых норм [5, с. 23].

Вообще учёные выделяют несколько общеобязательных признаков, присущих административному правонарушению, как деянию (действию или бездействию):

1) общественная вредность;

2) противоправность, заключающаяся в совершении деяния, нарушающего нормы права. Эти нормы могут принадлежать как административному, так и другим отраслям права. Основное то, что они обеспечиваются институтом административной ответственности путём применения административных наказаний;

3) за совершение этого деяния (действия или бездействия) предусмотрено применение административной санкции;

4) виновность. Причём учёными отмечается, что вина является обязательным признаком правонарушения. Поэтому отсутствие вины исключает признание деяния административным проступком, даже при его формальной противоправности [6, с. 274].

Исследователи, учитывая негативную функцию аномальных общественных правоотношений, получивших проявление в административных правонарушениях, сгруппировали последние так:

1) нарушение принципов, форм и методов государственного управления;

2) нарушение компетенции исполнительно-распорядительных органов, общественных и других организаций, которым делегированы государственно-властные полномочия;

3) нарушение субъективных прав и обязанностей граждан [7, с. 89].

Учитывая это, административное правонарушение рассматривается как система деликтных правоотношений, в процессе развития которых нарушаются объективное и субъективное административное право [7, с. 91].

Исследования многих учёных, посвящённые в той или иной степени административному правонарушению (проступку), в основном сосредотачивались на его отграничении от уголовного проступка. Так, в своё время законодательное определение административного правонарушения (проступка), закреплённое в ст. 7 Основ законодательства об административных правонарушениях, подверг критике А. Е. Лунев, указывавший на формальность определения административного проступка,

поскольку в законе нет прямого определения того, что проступок является общественно опасным деянием [8, с. 20].

Учёные отмечают, что общественная опасность присуща всем правонарушениям. И преступления, и административные правонарушения, и дисциплинарные проступки и гражданские правонарушения являются в известной степени общественно опасными действиями. Различие между ними состоит только в степени этой опасности.

Существует несколько взглядов учёных на эту проблему. Первая группа вообще исключает общественную опасность из числа признаков административного проступка [9, с. 288], вторая группа считает возможным рассматривать и распространять данный признак как на преступления, так и на административные проступки (усматривая лишь степень общественной опасности) [8, с. 45]; третьи считают, что проступки могут быть общественно опасными, а могут и не быть таковыми [2, с. 73], четвёртые усматривают в проступках только общественную вредность [10, с. 177-178]; другие авторы общественную вредность, как и общественную опасность, вообще не рассматривают как обязательный признак административного проступка [11, с. 11-12]; и последняя группа авторов считает, что акцент на степени опасности или вредности проступка не много даёт лицу, применяющему правовую норму, в установлении факта административного правонарушения [12, с. 53]. Последнее утверждение считается нам верным, поскольку главным критерием отграничения выбран оценочный признак, который может по-разному трактоваться как самими исследователями (что, кстати, иллюстрируют научные работы), так и субъектами правоприменения. Вообще, необходимо учитывать существование двух главных аспектов:

1. Законодательный аспект (необходимость отграничения преступлений и административных правонарушений (проступков) на стадии разработки новых правовых норм, включение в существующие нормы законодательных новелл, то есть при законодательном закреплении соответствующего деяния (или бездействия) как уголовно или административно наказуемого).

2. Правоприменительный аспект (решение уполномоченным органом вопроса о виде правой нормы, которую он применит к

конкретному правонарушителю за совершение противоправного деяния, и избрание соответствующего наказания).

В данном случае разграничение осуществляется по следующей схеме: если действие или бездействие подпадают под действие Уголовного кодекса РФ, то, конечно, при отсутствии обстоятельств, предусмотренных соответствующими статьями УК, лицо должно быть подвергнуто уголовной ответственности. То же и с применением административной ответственности. Если же, несмотря на противоправность деяния, ответственность за его совершение не предусмотрена законодательными актами Украины, то оно является лишь правонарушением без признаков наказуемости.

Вопрос же отграничения административного правонарушения от преступления встаёт перед уполномоченными органами только, если соответствующее действие или бездействие с объективной стороны имеет признаки и административного проступка, и преступления. В таком случае следует принимать во внимание квалификационные признаки, такие как сумма ущерба, вызванные правонарушением, повторность, системность, особенность предмета правонарушения и т.д.

Проведенное исследование показало, что в большинстве научных работ по проблематике административного правонарушения уделено внимание отграничению именно преступлений и административно-уголовных правонарушений, не сосредотачивая внимание на внутриотраслевом обособлении административного правонарушения и проступка.

Общественные изменения и развитие правовой науки побуждали учёных и практиков к более тщательному анализу и отмежеванию таких правовых категорий, как административное правонарушение и административный проступок.

По мнению Д. М. Овсянко, все правонарушения делятся на преступления и деликты (проступки). Проступки могут быть административными, дисциплинарными и служебными [13, с. 131]. Однако приведенное разграничение, опять же, фактически сводит в одну категорию проступок и административное правонарушение.

Сторонники отграничения этих правовых категорий отмечают, что административное правонарушение – это любое нарушение норм административного права. Хочется заметить, если ограничить административные проступки только нормами административного

права, то автоматически нужно выделять в отдельную категорию неправомерное поведение, направленное на нарушение экологического законодательства, антимонопольного, налогового и т.п. В противном случае, нужно также дополнительно определять, что понимается под нормами административного права.

Относительно административного проступка его определяют как нарушение соответствующих правовых отношений или отношений, урегулированных другими социальными нормами, за которое законодательством предусмотрено административное наказание [14, с. 173].

Учитывая приведенное, можно сделать вывод, что одним из главных признаков, по которому среди широкого круга административных правонарушений вычёркивается именно административный проступок, является предвидение возможности применения административного наказания за совершённое деяние. Хотя логичнее было бы исходить из той позиции, что вид деяния, характер нарушенных правоотношений должен определять наказание, а не наоборот.

По нашему мнению, отграничение проступка и правонарушения возможно провести не только по критерию предусмотренного наказания, но и по содержанию самого деяния и правоотношений, на которые он направлен.

Исходя из позиции нормирования определённого круга общественных отношений, любое нарушение установленных правил является правонарушением. Одновременно определённые правоотношения рассматриваются государством как нуждающиеся в защите в силу их важности в общественной жизни.

С учётом последствий (как материальных, так и нематериальных), которые влекут за собой несоблюдение установленных правил, определённый круг правоотношений может регулироваться с помощью их участников, по их инициативе, то есть функции контроля над соблюдением правовых норм возлагаются на субъектов этих правоотношений с учётом принципа равенства (характерным примером является гражданское правоотношение). В то же время государство обеспечивает соблюдение равенства и законности в решении определённых вопросов между субъектами таких правоотношений с помощью судебной ветви власти, которая является независимой, специально уполномоченной структурой применения принудительных мер к

правонарушителям на основании законодательства. Но меры всё же принудительны, и применяются государственным органом по делам, возбуждённым по инициативе равноправных субъектов.

Отдельно выделяются правонарушения, которые направлены не столько на частные взаимоотношения, сколько на публичные, так что их совершение тем или иным образом может повлиять на установившуюся систему общества. Нормальное существование публичных правоотношений обеспечивается и контролируется государством в лице его уполномоченных органов. Хочется обратить на это внимание именно потому, что обеспечение и контроль надлежащим соблюдением установленных правил в этом случае осуществляется по инициативе государства. Совершение нарушения публичных правовых норм инициирует ответную реакцию государства в интересах всего общества.

Среди круга публичных правонарушений можно выделить правонарушения, проступки и преступления.

Отмежевываются они не только по степени опасности, но и по составу, совокупности установленных законом субъективных и объективных признаков. То есть фактически нарушение – это действие или бездействие, совершение которого приводит к нарушению правовой нормы. При наличии в этом действии (бездействии) четырёх составляющих элементов (субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона) правонарушение приобретает признаки проступка или преступления, являющегося основанием для применения наказания, предусмотренного санкцией нарушенной правовой нормы. Таким образом, преступления и проступки различаются не столько по наличию составных элементов, поскольку как первые, так и последние имеют схожие внутренние конструкции, сколько по содержательному наполнению этих элементов, наличию определённых признаков.

Ограничивая преступление от проступка, Д. Н. Бахрах отмечал, что состав проступка – это логическая конструкция, правовое понятие о нём, отражающее существенные свойства реальных явлений, в частности определённых антиобщественных явлений. Законодатель не создаёт признаков проступков, а только отбирает из них существенные, отличные и конструирует составы. Логическая конструкция закрепляется в праве и становится обязательной. Список закреплённых в ней признаков – нужное и

достаточное условие для классификации деяния как административного проступка. Реальное деяние только тогда считается проступком, когда оно содержит все названные законом признаки, отсутствие хотя бы одного из них означает отсутствие состава в целом [2, с. 17]. Учитывая это, некоторые авторы определяют административный проступок как предусмотренное законом общественно вредное деяние или бездействие, совершённое конкретным лицом в определённом месте при определённых условиях и характеризующееся признаками, присущими только данному деянию [15, с. 13].

Учитывая проведенный анализ, можно сделать вывод о том, что административный проступок отмежевывается от нарушений общественных отношений, охраняемых нормами административного права, по совокупности определённых характерных признаков, образующих его состав, закреплённых законодателем в соответствующих законах. В соответствии с этим предлагаем законодательно закрепить следующее определение административного проступка. Административный проступок – это деяние (действие или бездействие), характеризующееся совокупностью правовых признаков, закреплённых законом, присущих только ему, направленное на нарушение административных правоотношений или отношений, охраняемых нормами административного права, за совершение которых предусмотрено применение административного наказания.

Вопрос состава административного проступка довольно основательно освещался многими учёными. Результатами их исследований является подробная характеристика каждого из четырёх составляющих элементов, другие сосредотачивают внимание на классификации составов административных проступков [16].

Так, В. А. Печеницын говорит о том, что в зависимости от разных обстоятельств, характеризующих объект и объективную сторону, конкретные проступки одного и того же вида могут различаться между собой. Он выделяет три вида состава проступков:

а) основной или простой – содержит элементы с признаками смягчения или отягощения общественной вредности проступка;

б) квалифицированный – в нём указываются признаки, повышающие общественную вредность проступка, за это, соответственно, предусмотрена более строгая санкция;

в) со смягчающими обстоятельствами (привилегированный состав) [15, с. 47].

Учитывая взаимосвязь и взаимообусловленность таких правовых явлений, как административный проступок, административное наказание, административная ответственность, считаем необходимым законодательно закрепить понятие административного проступка как единственного основания привлечения к административной ответственности. Выделить административный проступок из определённого круга антиобщественных деяний (действия или бездействия) можно по следующим характерным признакам. Во-первых, по совокупности законодательно очерченных правовых признаков, присущих именно этому деянию (действию или бездействию). Во-вторых, предполагаемостью наказуемости. Таким образом, разграничить административные правонарушения, не являющиеся наказуемыми, и проступок (наказуемое правонарушение), за совершение которого предусмотрено применение административного наказания.

Реформирование административного законодательства должно осуществляться путём оптимизации сложного механизма применения административных наказаний, приведения правовых норм в соответствие с положениями Конституции и действующих законов. Это в первую очередь гарантирует надлежащий уровень соблюдения государством в лице его уполномоченных органов задекларированных прав и свобод граждан и юридических лиц, а с другой стороны, обеспечит эффективное применение правовых норм к правонарушителям. Ведь чёткость и ясность освещения составов административных проступков, видов административных наказаний, оснований их применения способствует правильной трактовке правовых норм и обеспечению адекватности и постоянства (применение правовых норм в соответствии с законодательными актами без дополнительных разъяснений уполномоченных органов).

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Основанием применения административных наказаний

является совершение административного правонарушения. Мы поддерживаем позицию учёных о необходимости разграничить административные правонарушения и административные проступки как правовые категории. Проступок отграничивается от нарушений общественных отношений, охраняемых нормами административного права (административных правонарушений), прежде всего, по совокупности законодательно очерченных правовых признаков, присущих именно этому действию (действию или бездействию), и предполагаемости наказуемости. Таким образом, можно выделить административное правонарушение, не являющееся наказуемым, и проступок (наказуемое правонарушение), за совершение которого предусмотрено применение наказания.

Список использованных источников

1. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя –3-е изд. – Москва : Изд-во политической литературы, 1972. – 496 с. – Текст : непосредственный.
2. Бахрах, Д. Н. Административная ответственность / Д. Н. Бахрах. – Пермь, 1966. – 193 с. – Текст : непосредственный.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.02.2023).
4. Севрюгин, В. Е. Понятие правонарушения (проступка) по административному законодательству / В. Е. Севрюгин. – Москва, 1988. – 52 с. – Текст : непосредственный.
5. Шергин, А. П. Научное обеспечение борьбы с административными правонарушениями (Третьи Лазаревские чтения) / А. П. Шергин. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 23.
6. Административное право Российской Федерации : учебник для студентов вузов, обучающихся по спец. «Правоведение» / А. П. Алехин, А. А. Кармолицкий, Ю. М. Козлов; МГУ им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ЗЕРЦАЛО, 1998. – 671 с. – Текст : непосредственный.

7. Юсупов, В. А. Теория административного права / В. А. Юсупов. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 160 с. – Текст : непосредственный.

8. Лунев, А. Е. Административное правонарушение и административная ответственность / А. Е. Лунев. – Текст : непосредственный // Социалистическая законность. – 1981. – № 3. – С. 20.

9. Петров, Г. И. Советское административное право / Г. И. Петров. – Ловов, 1960. – 304 с. – Текст : непосредственный.

10. Ключниченко, А. П. Пьянство и административная ответственность / А. П. Ключниченко. – Киев, 1975. – 127 с. – Текст : непосредственный.

11. Лазарев, Б. М. Административная ответственность / Б. М. Лазарев. – Москва : Московский рабочий, 1976. – 64 с. – Текст : непосредственный.

12. Лазарев, В. В. Новое законодательство об административных правонарушениях и его применение / В. В. Лазарев, Л. Л. Попов. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1986. – № 3. – С. 53.

13. Овсянко, Д. М. Административное право / Д. М. Овсянко. – Москва : Юрист, 1999. – 444 с. – Текст : непосредственный.

14. Государственное управление / под общ. ред. В. Б. Аверьянова. – Киев, 1999. – 238 с. – Текст : непосредственный.

15. Печеницын, В. А. Состав административного проступка и его значение в юрисдикционной деятельности органов внутренних дел / В. А. Печеницын. – Харьков, 1988. – 58 с. – Текст : непосредственный.

16. Серегин, А. В. Административная ответственность за нарушение общественного порядка / А. В. Серегин. – Москва, 1968. – 107 с. – Текст : непосредственный.

РАЗДЕЛ 3

**Теория и история права и государства; история правовых учений;
международное публичное право; международное частное право**

УДК 342.4

DOI 10.5281/zenodo.10183836

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

БРОВАРЬ А. В.,
д-р ист. наук, доцент,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»;

ЗАГОРОДНИЙ В. В.,
аспирант,
ДГУЮ Минюста России,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье рассматриваются проблемы развития конституционного права Японии в послевоенный период по развитию внешней политики. Официально утверждается что Япония исключительно миролюбивое государство и внешняя политика стабильна, и её направления не менялись с конца XX века, но действия властей Японии вступают с этим утверждением в противоречия.

Ключевые слова: Япония, конституционное регулирование внешней политики, Силы самообороны, статья 9 Конституции Японии, доктрина Ёсида

THE EVOLUTION OF LAW IN JAPAN'S FOREIGN POLICY: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

BROVAR A. V.,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
FSBEI HE «DonSU»;

ZAGORODNIY V. V.,
postgraduate student,
FSBEI HE «DSUJ»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article considered with the problems of the development of the constitutional law of Japan in the post-war period on the development of foreign

policy. It is officially stated that Japan is an exceptionally peace-loving state and its foreign policy is stable, and its directions have not changed since the end of the twentieth century, but the actions of the Japanese authorities contradict this statement.

Keywords: Japan, constitutional regulation of foreign policy, Self-Defense Forces, Article 9 of the Constitution of Japan, Yoshida doctrine

Постановка задачи. Статья посвящена исследованию проблемы эволюции внешней политики Японии в сфере изменения статьи Конституции и действующего законодательства. В работе проанализированы характерные особенности в сфере внешней политики приводится анализ по реформированию послевоенных вооружённых сил Японии и создания Сил самообороны в период с XX по XXI вв. Анализируются причины и предпосылки изменения внешней политики после 2001 года, а также потенциальные риски для государств граничащих с Японией.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы, посвящённые конституционным основам внешней политики японского государства, структуре его отдельных институтов и определению их правовой природы, рассматриваются в основном в учебной литературе без выделения проблемных вопросов. Отдельные научные исследования системы права внешней политики Японии использованные в процессе исследования, содержатся в работах таких авторов, как Э. В. Молодякова, Д.В. Стрельцов, Н. В. Стапран, А. В. Торкунов. Однако исследование по отходу от доктрины Ёсида и переход на доктрину Абэ, до настоящего времени не было проведено.

Актуальность статьи. В данной исследовательской работе авторы раскрывают особенности эволюции внешней политики Японии в XX-XXI вв. Приводится ретроспективный анализ внешней политики в сфере национальной безопасности и вооружённых сил Японии, отмечается неразрывная связь различных поколений правительств, которая преследует прагматичную цель — восстановление субъектности во внешней политике и защиту собственных национальных интересов. Особенностью является то, что после Второй мировой войны это было сложно осуществить по целому ряду факторов. Исходя из внешнеполитических действий Японии на международной арене, можно предположить, что японское правительство преследуя данную цель, не ставит во внимание фактор времени и при этом активно развивает нормативную базу.

Цель статьи определить правовую природу развития внешней политики, её специальные признаки, а также особенности конституционной нормы относящейся к внешней политики государства.

Изложение основного материала исследования. Одной из наиболее влиятельных стран мира является Япония. Данная страна занимает рейтинг одной из пяти крупнейших экономик мира и давно заявляет свои претензии на право называться полноценным актором мировой политики не только в сфере экономики. Зарождение подобной тенденции началось с «открытия» Японии остальному миру и реформации Мэйдзи. Япония наиболее активно развивалась с начала XX века и достигла своего пика 30-х годов, когда Министерство иностранных дел Японии в 1934 году выступило с заявлением о том, что «Япония несёт единоличную ответственность за поддержание мира в Восточной Азии», с последующим развязыванием агрессивной войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее — АТР) в период Второй мировой войны. Подобная экспансия прекратилась только разгромом Квантунской армии Советским Союзом и капитуляцией Японии в 1945 году перед США и союзниками. Итогом стало то, что страну обязали расформировать вооружённые силы, сделав её страной, у которой в Конституции закреплён запрет на создание собственной армии.

В девятой статье Основного закона Японии говорится, что «... сухопутные, морские и воздушные силы, а также другой военный потенциал никогда не будут сохранены. Право государства на ведение войны не будет признано». В той же Конституции, в Главе 10 «Верховный закон», устанавливается приоритет Конституции в системе национального права, это означает, что никакие другие законы не могут противоречить ей. В случае противоречия конституционным нормам, законы или иные государственные акты «не имеют законной силы» [1].

Таким образом, государство под внешним давлением «запретило самому себе развязывать» т. н. агрессивные войны. Анализируя внешнеполитические действия Японии, следует отметить, что развязанная война против Китая в начале XX века не носила статус войны, юридических действий по объявлению войны Япония не проводила. К таким инцидентам относятся – Мукденский, где японская армия аннексировала Маньчжурию; Шанхайский – ввод войск в город; и на мосту Лугоу, за которым

последовало полномасштабное внедрение на территорию Китая – в этих случаях использовался *Casus belli*. В первом – взрыв полотна железной дороги (КВДЖ), с последующим вводом войск для защиты собственности и устранения угрозы как имуществу, так и гражданам Японии; во втором – принуждение к принесению извинений за убийство японского буддийского монаха; в третьем – исчезновение японского солдата вблизи пригорода Пекина. Исходя из конституционных полномочий Императора, который имел право во внешнеполитических действиях объявлять и завершать войну, и милитаризированного Кабинета министров, при этом война не объявлялась. Проводились крупномасштабные военные операции с последующей аннексией китайской территории, но без соответствующих юридических процедур. Бои на Халхин-Голе также не сопровождались дипломатическими нотами к советским дипучреждениям. Уже тогда Япония не использовала термин «война», хотя это и было предусмотрено 13 статьёй Основного закона. Появившаяся же в послевоенной Конституции статья 9 является недееспособной изначально. Положения этой статьи, не получили реализации на практике, нормативно-правовая база не раскрывалась в иных конституционных актах или законах, но при этом принимались акты прямо противоположного содержания.

После вступления в силу 03 мая 1947 года Конституции, исходя из диспозиции Главы 2, никаких вооружённых формирований, у страны развязавшей войну в АТР, не должно быть. При этом в начале Корейской войны (1950-1953 гг.) премьер-министр Японии, выступая в поддержку агрессивным действиям США и режима Ли Сын Мана, официально заявил, что Япония предоставит свои военные силы и необходимые ресурсы. Подобные действия подпадают под определение соучастия в агрессии против корейского государства и таким образом противоречат духу конституционной нормы, закрепившей пацифизм во внешней политике.

Начиная с 1952 года в стране появились Национальные силы безопасности, трансформировавшиеся в 1954-м в Силы самообороны, закрепившие свой статус юридическим путём, приняв Закон о силах самообороны № 165 от 1954 года. Таким образом сформированы военные структуры, которые готовы вести т. н. оборонительную войну. По сути, Япония воспользовалась коллизией в собственной же конституции, ведь запрещает она именно наступательную войну, а не защиту от внешнего врага.

Пробелы в законодательстве провоцируют создание юридической фикции в нормах права.

На протяжении последующих лет Япония при поддержке США начала полноценное восстановление вооружённых сил. Основой для развития стал Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности между США и Японией (1960 г.), закрепивший обязательства по взаимной обороне, точнее, зафиксировавший военный союз в АТР [2]. Первым шагом – заявлением о собственных боевых возможностях, стал «Смотр огневой мощи Фудзи» – крупнейшие учения Сил самообороны Японии с боевой стрельбой, ставшие ежегодными, которые открыто для общественности начали проводиться с 1966 года. Японское правительство, соблюдая международные ограничения по ведению активных боевых действий, не принимало участия в создании Договора Коллективной Защиты Юго-Восточной Азии (СЕАТО), но оказывало США в войне дипломатическую, политическую и материальную помощь. Территория островного государства использовалась, как и в предыдущей войне, для переброски войск участников договора. Подобные ограничения обуславливались активной дипломатической деятельностью СССР. Например, 17 февраля 1966 г. Советское правительство направило памятную записку правительству Японии, указав на несовместимость официальных высказываний японских представителей о мирном урегулировании вьетнамской проблемы и фактического участия в американской интервенции.

На протяжении последующих 70-80-х годов XX века японское государство всё ещё декларировало пацифистические лозунги (закреплённые в доктрине Ёсида), но при этом активно наращивало военный потенциал, и только с ослаблением СССР Япония начала активную фазу по «возвращению» к статусу великой державы. Одним из таких шагов стала активная дипломатическая работа по реформированию состава СБ ООН. Аргументами выступали ВВП и экономическое влияние в мире. Следует указать, что от данной идеи государство не отказалось и по сегодня, в мае 2022 года во время визита в Токио Президент США Дж. Байден поддержал реформу СБ ООН и включение в его состав Японии.

Стапран Н.В. анализируя изменения во внешней политике указывает, что заявление японского премьер-министра, получившее название «Доктрина Фукуда» (1977 г.), окончательно сформировало и закрепило миролюбивый курс Японии [3]. Автор

указывает, что провозглашённые приоритеты и идеалы Японией исполняются по сей день. Исходя из того, что вышеуказанная работа была подготовлена в 2010 году нельзя согласиться с автором. Действительно, в 90-х годах прошедшего века премьер-министры (основные субъекты во внешней политике японского государства) Мураяма Т., Хасимото Р., Обути К. и Мори Ё. придерживались на дипломатическом уровне достаточно миролюбивой политики, постепенно наращивая политическое присутствие в международных отношениях и организациях, миротворческой деятельности ООН, но занимали выжидательную позицию по отношению к России, последний из перечисленных даже был награждён орденом Дружбы В.В. Путиным. Однако ситуация изменилась кардинальным образом с приходом к власти в 2001 году лидера одной из старейших политических сил Либерально-демократической партии Японии (далее - ЛДПЯ) Коидзуми Д., который начал новый этап во внешней политике государства - усиление влияния Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Как указано в работе «Япония: некоторые аспекты внешней политики на пороге XXI века» просуществовавшая конституционная система более чем 50 лет заставляла граждан приходить к убеждению о необходимости преобразований в государственном строе. Япония превратилась в экономическую сверхдержаву, она вплотную подошла к новым возможностям и задачам. Ситуация была истолкована ЛДПЯ, как готовность общества к новой ступени развития государства в АТР. Данный исторический контекст объясняет почему в конце 90-х годов Япония приступила к масштабным реформам государственного права [4].

Среди прочих приоритетов во внешней политике Японии встали вопросы о развивающемся Китае (спорные территории), уже не пользующейся протекцией СССР (в результате прекращения его деятельности) КНДР – ядерная программа и к России (о «возвращении северных территорий»). При этом, начиная с 2001 года Япония принимала участие в войне в Афганистане, направив туда 160 военнослужащих и оказывала тыловую поддержку странам участникам военной операции «Несокрушимая свобода». В 2003 году японский военный контингент был направлен в Ирак, при этом данные действия были совершены без надлежащего

разрешения ООН. Подобные действия также противоречат духу Конституции Японии.

В последующем, отсутствие реакции ООН, как главного гаранта послевоенного мира, и поддержка со стороны военно-политического партнёра привели к первой попытке изменения Основного закона Японии. В ноябре 2005 года было выдвинуто предложение о внесении изменений в Конституцию, согласно которым предполагалось придание Силам самообороны статус военной организации. На следующий год правительство одобрило законопроект о придании оборонной службе статуса министерства. С 2006 года поднимается всё чаще вопрос об отказе от ст. 9 Конституции. Таким образом, фактически фиктивная статья конституции изменила бы сущность Японии в формально-юридическом смысле.

С 2009 года японские военнослужащие самостоятельно участвуют в операции по противодействию пиратам у побережья Африканского Рога. Как указывает ТАСС, японское государство построило опорный пункт в Джибути площадью в 12 га. и направило эсминец Морских Сил самообороны Японии и два патрульных самолёта [5].

Одной из позиций японского внешнеполитического ведомства, является пункт 51 Главы VII Устава ООН о праве «на индивидуальную или коллективную самооборону» [6]. О коллективной самообороне и возможности вести активную военную деятельность писал Стрельцов Д.В. в работе «Япония: новая политика национальной безопасности», где указывает на очередную манипуляцию – признание права на коллективную самооборону призвано решить проблему применения оружия и участия в боевых операциях не только в случае прямого нападения или при непосредственной угрозе, при этом не меняя Основной закон. Также он подчёркивает, что «... введение в активный оборот права на коллективную самооборону фактически подразумевает отказ Японии от исключительно оборонительного характера её военной доктрины» [7]. Подобные действия не находят отклика у СБ ООН, но находят активную поддержку со стороны США, вплоть до сегодняшнего дня, что подтверждает Совместное заявление США и Японии от 13 января 2023 г., а с недавних пор и со стороны Республики Корея [8; 9].

Дело Коидзуми, по реформированию японского законодательства, продолжил ещё один лидер ЛДПЯ, сторонник

новой Японии Абэ С. При его поддержке в июне 2013 г. был создан Совет национальной безопасности Японии, а в последующем был увеличен в 2014 году военный бюджет страны на 2,2%, а также увеличен кадровый состав армии. Последующая работа, по влиянию Японии и усилению её военного потенциала, против государств, с которыми у страны Восходящего солнца есть открытые вопросы, привела к созданию Quad (четырёхсторонний диалог по вопросам безопасности с участием США, Австралии, Японии и Индии). Особый интерес вызывает то, что в составе участников иного оборонного альянса – AUKUS в составе участников есть Австралия, таким образом формируется пояс из государств, которые в своих геополитических противниках видят и Российскую Федерацию, тем самым угрожая её территориальной целостности.

Мотивируя началом СВО на территории Украины в 2022 году японское правительство инициирует принятие нового пакета «оборонных» документов. Как пишет The Japan times – в декабре 2022 года Япония заложила основу для политики в области обороны и безопасности страны на долгие годы, сигнализируя о том, что Токио сейчас более чем когда-либо готово избавиться от некоторых послевоенных ограничений на свои вооружённые силы. Правительство премьер-министра Кисиды Ф. после месяцев дебатов внесло изменения в три ключевых документа по безопасности, изложив новую жёсткую позицию в регионе, где Китай продолжает наращивать свои военные силы вблизи Тайваня, ядерные и ракетные угрозы Северной Кореи остаются непрекращающимися, а «кровавое вторжение» России в Украину вызвало опасения, что другие страны в Азии могут пострадать [10]. При этом «миролюбивая» Япония направляет на Украину малоразмерные БПЛА, которые можно применять в военных целях, а также другие виды вооружения. [11].

Таким образом, мы можем проследить что внешнеполитическая доктрина Ёсиды сменились милитаристскими доктринами Абэ и Кисиды, где катализаторами стали усиление КНР в АТР и военно-политическая активность России с 2014 года. Отдельно следует подчеркнуть влияние конституционных изменений в России в 2020 году. Статья Конституции РФ 67.1 «Территория Российской Федерации» фактически поставила точку в территориальном вопросе Курильских островов, на которые претендовала Япония.

Мировой кризис ускорил процесс милитаризации Японии, однако первые шаги в этом направлении были сделаны ещё при Абэ С., считает старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО О. Парамонов. Так же он подчеркнул, что правительство Японии 16 декабря 2022 года объявило о крупнейшем наращивании военной мощи со времён Второй мировой войны. Масштабный пятилетний план предусматривает вложения в Силы самообороны Японии в размере 320 млрд. долларов США. Реализация программы сделает японский военный бюджет третьим в мире после США и КНР [12].

Японии, в настоящее время эксплуатируя тему Специальной военной операции Российской Федерации в отношении Украины, запустила новый этап милитаризации, а по факту это продолжение длительной стратегии, которую поддерживала и развивала ЛДПЯ на протяжении нескольких десятилетий.

Выводы по проведённому исследованию и направление дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблематике). Результаты анализа Конституции и законодательной базы Японии, действий правительства Японии в области национальной безопасности и военного строительства позволяют утверждать, что действующие в настоящее время нормы обеспечивают функционирование и постоянное наращивание Сил самообороны Японии. Основными направлениями внешней политики и военного законодательства, необходимого для гарантированного обеспечения национальной безопасности в условиях неблагоприятного развития военно-политической обстановки в регионе, «вынуждают» действовать правительство Японии искать способы в национальном и международном праве в обход статьи 9 Конституции. Изложенный выше анализ указывает на намерения Японии превратиться в будущем в великую державу с собственными национальными интересами не только в АТР, которые могут быть подкреплены военным контингентом, в частности могут влиять на соседние государства и претендовать на спорные территории КНР и РФ. Вступление Японии в военные союзы, поставка оружия и боеприпасов создаёт напряжённость в АТР регионе и может повлечь негативные изменения во внешней политике Японии. Данное развитие Японии необходимо учитывать при формировании концепции внешней политики РФ в изменяющейся международной обстановке.

Список использованных источников

1. Конституция Японии. — Текст : электронный // Официальный сайт Кабинета Министров Японии сайт кабинета министров Японии. – URL: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (дата обращения: 14.03.2023).
2. Treaty of mutual cooperation and security between Japan and the United states of America. – Текст : электронный // Официальный сайт Министерства иностранных дел Японии. – URL: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html>. (дата обращения: 18.03.2023).
3. Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. Проекта Э. В. Молодякова. — М. АИРО-XXI. 2010 — 284 с.
4. Япония: некоторые аспекты внешней политики на пороге XXI века. - М: МАКС Пресс, 2003. - 216 с.
5. В противовес Китаю? Япония обдумывает открытие первой постоянной военной базы за рубежом. Официальный сайт ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5674777> (дата обращения: 14.03.2023).
6. Устав Организации объединённых наций. – Текст : электронный // Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 11.03.2023).
7. Стрельцов Д.В. Япония: новая политика национальной безопасности / Д.В. Стрельцов. // Ассоциация японоведов. Электронный журнал. – URL: http://www.japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=418&Itemid=66 – (дата обращения: 13.08.2023).
8. Совместное заявление Соединённых Штатов и Японии 13 января 2023 г.. — Текст : электронный // Официальный сайт Кабинета Министров Японии сайт кабинета министров Японии. – URL: https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/documents/2023/_00001.html (дата обращения: 14.01.2023) – Загл. с экрана.
9. Юн говорит, что шаги Японии по укреплению обороны трудно остановить. // Официальный сайт газеты Ёнхап. – URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230111005651315> (дата обращения: 14.01.2023).
10. Япония одобряет капитальный ремонт обороны в условиях резкого изменения политики // Официальный сайт The Japan times. –

URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2022/12/16/national/japan-dramatic-defense-shift/?utm_source=pianoDNU&utm_medium=email&utm_campaign=72&pnespid=57_Wg9UL5vTd_rKz_QDyp.wH9xUb.SIvgl0oABsq70eVDi_YykdxQaqw0sAmSYs.S8Ad.w (дата обращения: 16.07.2023).

11. События в авиации за 4–6 августа. — Текст : электронный // Официальный сайт Федерального агентства новостей. – URL: https://riafan.ru/23577636-sobitiya_v_aviatsii_za_4_6_avgusta_makedoniya_otpravil_kievu_su_25_azimuth_uvelichil_passazhirooborot (дата обращения: 14.07.2023) – Загл. с экрана.

12. Востоковед Парамонов рассказал, зачем Япония резко увеличивает военный бюджет. Официальный сайт Федерального агентства новостей. – URL: https://riafan.ru/23811461-vostokoved_paramonov_rasskazal_zachem_yaponiya_rezko_uvelichivaet_voennii_byudzhet (дата обращения: 14.06.2023).

УДК 34.04

DOI 10.5281/zenodo.10184376

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

**ДРЕМОВА А. В.,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
ДГУЮ Минюста России,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье рассматриваются исторические периоды формирования образовательного права как самостоятельной отрасли, совокупности норм, закрепленных в различных по своей юридической силе актах, анализируется нормативная база регулирования образовательных отношений на различных этапах функционирования отечественного государства. Предпринимается попытка периодизации становления и развития образовательного права с учетом различных классификационных критериев, таких, как исторический этап существования государственно-правовой действительности, источник закрепления норм, регулирующих образовательные отношения, и др. Исследование исторического пути нормативного регулирования образовательных отношений позволяет выявить тенденцию развития данного государственно-правового института,

своевременно устранить негативные факторы, сопровождающие этот процесс, а также обеспечить эффективное нормативно-правовое регулирование образовательных отношений в России.

Ключевые слова: правовое регулирование, образовательное право, историко-правовой анализ, этапы становления, образовательные отношения

EDUCATIONAL RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

**DREMOVA A. V.,
Senior Lecturer at the Department
of Civil Law Disciplines,
FSBEI HE «DSUJ»
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article examines the historical periods of the formation of educational law as an independent branch, a set of norms enshrined in acts of varying legal force, and analyzes the regulatory framework for regulating educational relations at various stages of the functioning of the domestic state. An attempt is made to periodize the formation and development of educational law, taking into account various classification criteria, such as the historical stage of the existence of state legal reality, the source of consolidation of norms regulating educational relations, etc. The study of the historical path of normative regulation of educational relations allows us to identify the development trend of this state-legal reality. legal institution, timely eliminate the negative factors accompanying this process, and also ensure effective legal regulation of educational relations in Russia.

Keywords: legal regulation, educational law, historical and legal analysis, stages of formation, educational relations

Постановка задачи. Путь правового регулирования образовательных отношений в России имеет многовековую историю. Такая тенденция обусловлена, прежде всего тем, что правовое регулирование общественных отношений, входящих в сферу образовательной государственно-властной деятельности, обеспечивает эффективное и своевременное решение государственных задач.

Нормотворческая (в том числе законодательная) деятельность всегда образует первоначальный этап правового регулирования, к которому относятся также реализация правовых норм и правоприменение [1].

Обзор последних исследований и публикаций. Проблематике исследования образовательных отношений в России уделяли внимание в своих работах, в частности, Борзилова Л.В., Гусева А.А., Дорохова Г.А., Керимов Д.А., Кутько В.В., Матушанский Г.У., Овчинников А.В., Сырых В.М., Ягофаров Д.А. и другие.

Актуальность статьи. Правотворческая деятельность является одной из основополагающих сфер реализации государственных задач, выполняет функцию регулирования, упорядочения общественных отношений путем формирования правовых норм. Правотворчество является основой функционирования механизма правового регулирования. Не являются исключением и образовательные правоотношения, которые выступают объектом регулирования, нормотворческой деятельности различных государственно-властных структур.

Цель статьи заключается в исследовании историко-правового аспекта образовательных отношений в Российской Федерации.

Изложение основного материала исследования. Согласно действующему законодательству, образование – это объединенный единой целью процесс обучения и воспитания, приносящий пользу государству, обществу, семье и личности, а также система приобретенных знаний, умений, навыков, ценностей, опыта, компетенций определенной сложности для удовлетворения интеллектуальных, духовных, моральных, нравственных, творческих и профессиональных потребностей и развития, а также удовлетворение образовательных потребностей и интересов [2].

С точки зрения законотворческой деятельности наиболее продуктивным является XIX век, поскольку именно в этот период была сформирована и впоследствии усовершенствована законодательная база отечественного общего образования. Однако справедливости ради отметим, что предпосылки законодательного регулирования образовательных отношений возникли в более ранний период [3].

Важным этапом развития на Руси образования и просвещения стало книгопечатанье. Особенностью данного периода является отсутствие образовательных учреждений, практически отсутствовали и учебные заведения. Однако, несмотря на это, в стране имелись грамотные люди, развивалась самобытная культура и традиции. Анализ дореволюционной литературы позволяет

сделать вывод о достаточно низком уровне образования населения нашей страны в исследуемый период [4].

XVI-XVII века ознаменованы развитием так называемой концепции «народного образования» [5]. Для второй половины XIX века было характерно в целом негативное отношение к созданию воскресных школ и различных других образовательно-просветительских учреждений для народа, что было отражено в докладной записке Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

25 июня 1863 г. были утверждены Правила, в соответствии с которыми учреждались публичные лекции и литературные чтения в крупных городах. Положение о начальных училищах от 14 июля 1864 г. разрешало открывать воскресные школы. Основной целью последних было предоставить начальные знания и навыки для обоих полов низших сословий, которые не имели возможности посещать образовательные учреждения ежедневно. Однако обучение представителей мужского пола проходило отдельно от женского.

Анализ развития образовательных отношений в XIX веке осложняет отсутствие статистических данных в этой области. Поэтому можно лишь частично восстановить картину состояния просветительской и образовательной деятельности среди населения страны. Несмотря на несомненные успехи в области внешкольного образования, следует констатировать все еще большой разрыв между реальными потребностями общества и существующей системой образования и просвещения. Такая ситуация во многом обусловлена наличием правительственных ограничений в организации внешкольной работы. Зимой 1895-1896 гг. в Москве прошел II Всероссийский съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию, на котором также рассматривались вопросы обеспечения учебного процесса, воспитательной и просветительской работы. Должное внимание вопросам образования и просвещения было уделено и на торгово-промышленном съезде, прошедшем в 1896 г. в Нижнем Новгороде.

Для середины 1890-х гг. характерна тенденция массовой демократизации внешкольного образования. В конце 1890-х - начале 1900-х гг. повсеместно открываются классы для рабочих в воскресных школах, библиотеки, аудитории для народных чтений и другие подобные учреждения, построенные на средства

фабрикантов и промышленников, бесплатные для граждан. Если во внешкольной просветительской работе наблюдались хотя бы незначительные положительные изменения, то в отношении повышения грамотности, образования взрослых таких шагов не предпринималось вовсе. Только к середине XIX в. ряд видных деятелей того времени, таких как, например, Белинский В.Г., Пирогов Н.И., Толстой Л.Н. и др., стали публично высказывать свое мнение о данной проблеме.

В конце XIX в. на средства различных благотворительных обществ и частных лиц открываются частные библиотеки, библиотеки при школах и бесплатные читальни, первая из которых была открыта в Москве в 1885 г. и носила имя И.С. Тургенева [6].

Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. показала весьма печальную картину: из 126 млн опрошенного взрослого трудоспособного населения грамотными оказались всего 21,1 %. Такая ситуация требовала принятия срочных мер, направленных на повышение общекультурного уровня населения страны.

Система образовательных учреждений для взрослого населения была представлена прежде всего воскресными школами, которые существовали в основном в городах. Их деятельность регулировалась Положением о начальных народных училищах от 25 мая 1874 г. [7]. Второй разновидностью учреждений, входивших в систему образовательных организаций для взрослых, являлись воскресные и вечерние курсы. Они действовали на основании Положения о городских училищах 1872 г. Особенностью данных учреждений было то, что занятия в них проходили в свободное от работы время. Третий тип образовательных учреждений для взрослых составляли дополнительные классы при церковноприходских школах, открывавшиеся с разрешения архиереев. Такие классы действовали на основании Правил от 13 июня 1884 г. и отличались достаточно обширным набором изучаемых дисциплин, в некоторых из них изучались даже иностранные языки.

Следующим элементом системы образовательных учреждений были земские повторительно-дополнительные классы, открытые в Воронежской, Тамбовской, Тверской и многих других губерниях. Основная задача подобных заведений оставалась прежней – повышение грамотности и образованности взрослого работающего населения. Также некоторые авторы в качестве самостоятельного

элемента системы образовательно-просветительских учреждений выделяют обычные школы, поскольку они играли значительную роль в повышении уровня образованности населения страны [8].

Характеризуя в целом XIX век, можно констатировать, что основы реформирования системы отечественного образования были заложены еще Екатериной II. Отличительным признаком данного периода является заимствование зарубежного опыта, интеграция в европейское образовательное пространство. Главным достижением реформаторской деятельности в XIX веке можно считать создание национальной системы образования. Был разработан и систематизирован массив нормативно-правовых актов в сфере образования и просвещения, частично ликвидированы сословные ограничения в обучении.

Победа Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. не внесла существенных изменений в осуществление внешкольной учебно-просветительской работы, однако некоторые улучшения все же имелись. Революционные события 1905-1907 гг. вынудили правительство отменить ряд ограничительных мер в сфере внешкольной просветительской деятельности. Согласно изданному в апреле 1905 г. Циркуляру отменяется ранее введенная «временная мера» по установлению полномочий Министерства внутренних дел по утверждению уставов всех вновь создаваемых обществ, в том числе занимавшихся образовательной и просветительской деятельностью. В 1906-1907 гг. появляется новый тип просветительских учреждений – народные университеты, открывавшиеся в крупных городах.

Советский период нормативного регулирования образовательных отношений весьма многогранен и в некоторых вопросах даже противоречив, поскольку существование цензуры, например, заметно тормозило развитие образовательного процесса, а последующая либерализация общественных отношений не сразу дала свои положительные плоды в сфере просвещения и образования. На основе ретроспективного анализа можно разграничить определенные этапы развития образовательного права и законодательства в общем контексте становления российской правовой системы.

Так, А.В. Овчинников выделяет следующие периоды развития и регулирования отечественных образовательных отношений:

- 1) зарождение и генезис отечественных этнических традиций

образовательной деятельности на основе педагогической культуры и педагогических наработок различных наций, населявших территорию России (IX-XII вв.);

2) духовно-нравственный период образовательной политики единого централизованного Русского государства. Основной характеристикой данного периода можно назвать нормативное закрепление ценностей и острая необходимость повышения культурного уровня населения, на которую обратило внимание даже государство (XIV-XVII вв.);

3) симбиоз правовых традиций России и западной модели организации школьного образовательного процесса. Законодательное закрепление некоторых новшеств, заимствованных в зарубежных странах (XVIII в.);

4) период реформирования отечественных образовательных отношений. Несомненным достижением данного этапа является бурная законодательная деятельность, результатом которой стало создание единой нормативной базы регулирования системы образования (XVIII- XIX вв.).

5) развитие и закрепление на государственном уровне, принципов, идей и ценностей образования, воспитания и просвещения подданных Российской империи (XIX - начало XX вв.) [9].

По нашему мнению, рассмотренная периодизация отражает специфику развития и законодательного регулирования отечественных образовательных отношений, однако нуждается в дополнении, поскольку охватывает временной промежуток до начала XX века, обходя вниманием советскую и современную эпоху.

В связи с этим целесообразным считаем выделять следующие этапы:

1) досоветский период (с IX по начало XX вв.) характеризуется законодательной работой, в результате которой закрепляются основные принципы и задачи образовательно-просветительской деятельности, частично устраняются сословные ограничения в образовании, начинает формироваться целостная иерархическая система образования в стране;

2) советский период (с 1917 г. по 1991 г.) ознаменован масштабным реформированием системы образования. Происходит формирование новых видов образовательных учреждений и

системы органов управления деятельностью образовательных учреждений. Создается новая концепция государственной образовательной политики, направленная на постепенное преодоление классовых противоречий;

3) постсоветский или современный период (с 1992 г. по настоящее время) характеризуется заимствованием зарубежного опыта, реформированием системы образования, интеграционными процессами.

Заслуживающей внимания является периодизация, предложенная Г.У. Матушанским и Л.В. Борзиловой. По их мнению, следует выделять следующие этапы развития и нормативного регулирования образовательных отношений:

1) допетровская эпоха (XIX-XVII вв.) характеризуется прежде всего тем, что образование носило элитарный характер, к этому процессу допускались немногие. Типичными формами образовательно-воспитательной работы были индивидуальное обучение, а также преобладание прикладных наук с возможностью применения полученных знаний в практической деятельности;

2) период абсолютизма (XVIII - начало XIX вв.) имел следующие черты: сословный характер образовательного процесса, формирование особого слоя педагогов, осуществлявших учебно-просветительскую деятельность на профессиональной основе, интеграция в европейское образовательное пространство путем заимствования зарубежных наработок в сфере обеспечения образовательного процесса; зарождение науки как особой профессиональной сферы накопления знаний, разработки новых концепций и теорий; учреждение университетов;

3) буржуазная монархия (середина XIX - XX вв.) характеризуется формированием слоя интеллектуальной элиты, сохранением сословно-избирательного подхода к образованию, государственный контроль и государственное регулирование образовательного процесса;

4) советская республика (1917-1931 гг.) – формирование государственной идеологии, обязательное подчинение ей всего учебного процесса; вводится новый термин «трудовое воспитание», совместное обучение лиц женского и мужского пола, полное исключение из учебных программ религиозно-ценностной составляющей, планирование учебного процесса, разработка образовательных программ;

5) государственно-партийный социализм (1931 - начало 60-х гг.) – разработка единой системы принципов образовательно-воспитательного процесса; унификация образовательных программ, единообразие и безальтернативность их содержания; коллективный, недифференцированный подход к учебной работе;

б) кризис социализма (1960-90-е гг.) создание разветвленной сложной бюрократической системы управления образованием, зарождение концепции мультикультурности и антиидеологизированности образовательного процесса [10].

По нашему мнению, данную периодизацию следует дополнить современным этапом развития отечественной системы регулирования отношений в сфере образования. Современный этап российской образовательной системы можно условно именовать интеграционным. Основной задачей его являлось вхождение в единое образовательное пространство, провозглашенное Болонской декларацией. Российская образовательная система, как это неоднократно отмечалось крупными международными экспертами, является одной из самых развитых образовательных систем в мире. Основная цель присоединения России к болонскому образовательному процессу заключалась в заимствовании положительного европейского опыта с одновременным сохранением традиций и опыта отечественного образовательного процесса [11].

Появление болонского процесса как явления в мировом образовательном пространстве связывают с 1999 г., когда министры образования 29 европейских государств подписали Болонскую декларацию. Цель болонского движения заключается в приведении систем высшего образования, входящих в болонское пространство стран, к гармонизации и согласованию.

Для создания единого образовательного пространства системы высшего образования стран-участниц болонского процесса должны быть приведены в соответствие друг с другом, необходимо создать систему сопоставимых степеней, разработать систему зачетных единиц, развивать экономическую мобильность, преодолевая препятствия, мотивировать и стимулировать европейское сотрудничество в обеспечении качества оказания образовательных услуг.

Следует отметить, что Министерство науки и высшего образования России подтвердило намерение выйти из Болонского процесса и отдать приоритет созданию собственной системы образования, сообщили в пресс-службе ведомства.

«К Болонской системе надо относиться как к прожитому этапу. Будущее за нашей собственной уникальной системой образования, в основе которой должны лежать интересы национальной экономики и максимальное пространство возможностей для каждого студента», - заявил глава Министерства образования и науки РФ В. Фальков [12].

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Подводя итог, отметим, что отечественное регулирование образовательных отношений прошло долгий путь, результатом которого стала в целом согласованная иерархическая система нормативно-правовых актов, закрепляющая базовые понятия, принципы, формы и иные основополагающие категории осуществления образовательно-воспитательной деятельности в Российской Федерации. Однако продолжающаяся образовательная реформа свидетельствует, что необходима дальнейшая законотворческая работа, достижение согласования федерального и регионального законодательства в сфере образования, а также научное обоснование и разработка концепции государственной образовательной политики.

Безусловно, каждый из этапов имеет свои особенности, поэтому их комплексное изучение, как представляется, позволит максимально полно выявить особенности законодательной регламентации отечественного образовательного процесса, обозначить положительный опыт нормативного регулирования в свете продолжающейся в Российской Федерации образовательной реформы.

Список использованных источников

1. Нашиц А. Правотворчество : Теория и законодат. техника / Пер. с рум. И. Фодор ; Под ред. чл.-кор. АН СССР Д.А. Керимова и д-ра юрид. наук А.В. Мицкевича ; Послесл. чл.-кор. АН СССР Д.А. Керимова. – М.: Прогресс, 1974. - 256 с.

2. Об образовании: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ // СЗ РФ. - 2012. - № 53 (ч. 1). - Ст. 7598.

3. Дорохова Г.А. Теоретические проблемы совершенствования законодательства о народном образовании : дисс. ... доктора юридических наук : 12.00.02. / Дорохова Галина Александровна. – М., 1982. - 410 с.

4. Дорохова Г.А. Законодательство о народном образовании : Теорет. пробл. совершенствования / Г.А. Дорохова ; отв. ред. И.Л. Бачило. – М.: Наука, 1985. - 157 с.

5. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права / В.М. Сырых. – М.: Центр образовательного законодательства Минобразования России, 2002. – 340 с.

6. Ягофаров Д.А. Нормативно-правовое обеспечение образования : правовое регулирование системы образования : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим специальностям (ОПД.Ф.02 - Педагогика) / Д.А. Ягофаров. – М.: ВЛАДОС-Пресс, 2008. - 399 с.

7. Сапаргалиев Г.С. Основания возникновения правоотношений в области народного образования / Г.С. Сапаргалиев // Известия Казахской ССР. Серия «Общественные науки». - 1992. - № 4. – С. 81-89.

8. Сапаргалиев Г.С. Отношения по воспитанию и обучению - предмет правового регулирования / Г.С. Сапаргалиев // Советское государство и право. - 1987. - № 8. – С. 121-126.

9. Овчинников А.В. Образовательное право и законодательство в дореволюционной России / А.В. Овчинников // Образование и общество. – 2010. - № 6 (65). – С. 87-91.

10. Борзилова Л.В. Правовые основы регулирования высшего образования в Российской Федерации / Л.В. Борзилова, Г.У. Матушанский // Вестник Казанского государственного энергетического университета. - 2009. - № 3. – С. 98-108.

11. Гусева А.А. Исторические аспекты правового регулирования образовательных отношений в России / А.А. Гусева, В.В. Кутько // Научные ведомости. Серия : Философия. Социология. Право. - 2018. - Том 43. - № 4. – С. 701-707.

12. Минобрнауки подтвердило намерение выйти из Болонского процесса. - [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://ria.ru/20220524/minobrнауки-1790485575.html>.

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМ ПОНЯТИИ ДОПИНГА И АНТИДОПИНГОВЫХ ПРАВИЛ

ЛАПИДУС О. С.,
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»;

ТИТОВ А. Н.,
канд. юрид. наук, доцент,
доктор философии в области права,
адвокат,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Статья посвящена рассмотрению юридического понятия допинга и антидопинговых правил. Проанализированы нормы международных и российских нормативно-правовых актов, а также доктринальные мнения о допинге, в результате чего авторы пришли к выводу о том, что содержащиеся в них определения допинга являются неполными, и предлагают свою версию понятия допинга. Действующие в мире и Российской Федерации антидопинговые правила фактически объединяют понятия «допинг» и «нарушение антидопинговых правил». По мнению авторов, справедливость такого подхода весьма спорна, поскольку с точки зрения общей теории права неверно смешение понятий, определяющих какой-либо предмет и деяние. Разделение данных понятий представляется целесообразным для верной юридической квалификации.

Ключевые слова: международное спортивное право, антидопинговое законодательство, Всемирный антидопинговый кодекс, допинг, антидопинговые правила

ON THE QUESTION OF THE LEGAL CONCEPT OF DOPING AND ANTI-DOPING RULES

LAPIDUS O. S.,
Senior Lecturer at the Department
of Constitutional and International Law,
FSBEI HE «DonSU»;

TITOV A. N.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Doctor of Philosophy in Law,
Advocate,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article is devoted to the consideration of the legal concept of doping and anti-doping rules. The norms of international and Russian legal acts, as well

as doctrinal opinions on doping, are analyzed, as a result of which the authors came to the conclusion that the definitions of doping contained in them are incomplete, and offer their own version of the concept of doping. The anti-doping rules in force in the world and in the Russian Federation actually combine the concepts of «doping» and «violation of anti-doping rules». According to the authors, the validity of this approach is very controversial, since from the point of view of the general theory of law, the confusion of concepts that define any object and act is incorrect. The separation of these concepts seems appropriate for correct legal qualification.

Keywords: international sports law, anti-doping legislation, World Anti-Doping Code, doping, anti-doping rules

Постановка задачи. В последние годы вопрос применения спортсменами допинга стоит довольно остро для Российской Федерации. Мировой скандал, в который была втянута наша страна, повлек отстранение как известных отечественных спортсменов от участия в крупнейших соревнованиях, так и спортивных федераций от процесса организации таких соревнований. На Олимпиаде в Пхеньчхане российская национальная сборная была лишена права выступать под государственным флагом и исполнять гимн Российской Федерации. Вопрос о приглашении российских спортсменов на Олимпиаду в Париже до сих пор не решён. До настоящего времени не восстановлена аккредитация российской антидопинговой лаборатории и не восстановлено членство Всероссийской федерации лёгкой атлетики в Международной легкоатлетической ассоциации.

Обзор последних исследований и публикаций. Отдельным аспектам проблематики допинга и допинговых правил уделяли внимание такие учёные: С. В. Алексеев, И. М. Амиров, П. И. Бадалова, А. С. Байменова, С. Е. Битюкова, А. В. Жеребченко, Е. В. Кечатов, Е. С. Крылова, В. В. Кухарук, А. Е. Милин, А. А. Мохов, Д. В. Пешков, М. А. Родин, Е. В. Саунина, В. В. Сумина, А. В. Холопов, А. В. Чеботарев и др. В то же время применение установленных международных и национальных правовых норм относительно ответственности в данной сфере вызывает множество нареканий.

Актуальность статьи. Отстранение от участия в международных соревнованиях национальных сборных, массовая дисквалификация высококлассных атлетов, запрет на проведение международных состязаний в России - это далеко не полный перечень мер, применяемых к Российской Федерации международными спортивными организациями. В настоящее время

обсуждаются вопросы пересмотра антидопинговой национальной доктрины, изменения российского законодательства, направленного на ужесточение ответственности не только за применение допинга в спорте, но и за склонение к такому применению, распространение запрещённых препаратов среди спортсменов и тренеров. В силу изложенных обстоятельств вопрос о юридической ответственности спортсменов, тренеров и иных лиц за нарушение антидопинговых правил представляется особенно актуальным, что невозможно без установления юридического понятия допинга и антидопинговых правил.

Цель статьи заключается в исследовании юридического понятия допинга и антидопинговых правил.

Изложение основного материала исследования. Юридическое определение допинга в спорте весьма важно, поскольку, как показывает практика спортивного арбитража, от этого во многом зависит квалификация деяний спортсменов и тренеров. Кроме того, любое явление, влияющее на юридическую квалификацию действий субъекта, должно быть определено с точки зрения теории права.

Как верно отмечает С. В. Алексеев, попытки дать определение допингу предпринимались с самого начала правового регулирования Олимпийского движения, причём проблема допинга остаётся одной из центральных в этом движении [1, с. 501]. К тому же определение зачастую изменялось под воздействием внешних факторов.

Международный олимпийский комитет в 1972 г. дал следующее определение допинга: «Допингом является приём или использование чужеродных для организма веществ в любой форме или физиологических веществ в ненормальных количествах и вводимых ненормальными методами здоровым людям с исключительной целью обеспечить искусственное и нечестное увеличение достижений в соревнованиях. К допингам должны быть отнесены различные психологические воздействия, направленные на повышение спортивных результатов» [2]. Впервые термин «допинг» был использован для обозначения стимуляторов, которые использовались пловцами на соревнованиях в Амстердаме в 1865 г. [1, с. 621] Современная медицинская энциклопедия указывает, что допинг - это вещество, временно усиливающее физическую и психическую деятельность организма и запрещённое для применения спортсменами во время соревнований [3].

По мнению С. В. Алексеева, «допинг в спорте - это запрещённые фармакологические препараты, методы и процедуры, используемые с целью стимуляции физической и психической работоспособности и достижения благодаря этому высокого спортивного результата» [4, с. 620].

А. В. Холопов и В. В. Сумина указывают, что «допинги - это лекарственные препараты, которые применяются спортсменами для искусственного, принудительного повышения работоспособности в период учебно-тренировочного процесса и соревновательной деятельности. В зависимости от вида спорта они могут обладать совершенно различными и даже противоположными фармакологическими действиями: от психостимулирующего до транквилизирующего, от мочегонного до кардиотропного влияния». Исследователи замечают, что по вопросу о дефиниции понятия допинга «до сих пор нет единого мнения», при этом определяют его как «биологически активное вещество, способы и методы искусственного повышения спортивной работоспособности, которые оказывают побочные эффекты на организм и для которых имеются специальные методы обнаружения» [5].

С. Е. Битюкова и М. А. Родин считают наиболее полным определением допинга, данное Международным конгрессом по спортивной медицине в Страсбурге (1965 г.): «Допинг - это введение в организм человека любым путём вещества, чуждого этому организму, какой-либо физиологической субстанции в ненормальном количестве или какого-либо вещества неестественным путём для того, чтобы искусственно и нечестно повысить результат спортсмена во время выступления на соревнованиях» [6, с. 15]. Однако и с такой дефиницией сложно согласиться, поскольку в ней не отражены запрещённые методы, которые не являются веществами; вместе с тем не каждое вещество, введённое в организм спортсмена, «чуждо» для него (например, т.н. «кровавый допинг», когда спортсмену вводится его же кровь, сложно отнести к чужеродным). Таким образом, данное определение также нельзя назвать полным.

Статья 26 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте» определяет допинг как нарушение антидопингового правила, в том числе использование или попытку использования субстанции и/или метода, включённых в перечни субстанций и/или методов, запрещённых для использования в

спорте [7]. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ в ст. 230.1 устанавливает ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и/или методов, запрещённых для использования в спорте, т. е. можно сделать вывод, что он определяет допинг как «субстанции и/или методы, запрещённые для использования в спорте» [8]. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ в ст. 6.18 определяет допинг как «запрещённую субстанцию и/или запрещённый метод, используемые независимо от согласия спортсмена» [9].

Определение допинга закреплено и в специальных актах антидопинговых организаций, регламентирующих процедуру борьбы с допингом. Так, Всемирный антидопинговый кодекс Всемирного антидопингового агентства (далее – Кодекс ВАДА) в ст. 1 и 2.1 определяет допинг как «совершение одного или нескольких нарушений антидопинговых правил, приводимых в ст. ст. 2.1-2.11 настоящего кодекса» [10], т. е. допинг определяется законом ещё и как действие - «совершение одного или нескольких нарушений».

Согласно указанным статьям, к нарушениям антидопинговых правил относятся:

- 1) наличие запрещённой субстанции, или её метаболитов, или маркеров в пробе, взятой у спортсмена;
- 2) использование или попытка использования спортсменом запрещённой субстанции или запрещённого метода;
- 3) уклонение, отказ или неявка на процедуру сдачи проб;
- 4) нарушение порядка предоставления информации о местонахождении;
- 5) фальсификация или попытка фальсификации в любой составляющей допинг-контроля;
- 6) обладание запрещённой субстанцией или запрещённым методом;
- 7) распространение или попытка распространения любой запрещённой субстанции или запрещённого метода;
- 8) назначение или попытка назначения любому спортсмену в соревновательном периоде запрещённой субстанции или запрещённого метода, или назначение или попытка назначения любому спортсмену во внесоревновательном периоде запрещённой субстанции или запрещённого метода, запрещённых во внесоревновательный период;

9) соучастие или попытка соучастия со стороны спортсмена или иного лица (помощь, поощрение, способствование, подстрекательство, вступление в сговор, сокрытие или любой другой вид намеренного соучастия или попытка соучастия);

10) запрещённое сотрудничество;

11) действия спортсмена или иного лица с целью воспрепятствовать предоставлению или отомстить за предоставление соответствующим органам информации о нарушении.

Указанное определение дублируется в Общероссийских антидопинговых правилах, утверждённых Приказом Минспорта России от 24 июня 2021 года № 464 [11].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в действующих международных и национальных антидопинговых правилах нет единого всеобъемлющего определения допинга в спорте. В связи с этим следует согласиться с А. В. Чеботаревым, который полагает, что допинг необходимо рассматривать в широком и узком смыслах [12, с. 769].

Таким образом, в узком смысле допинг - это вещество, употребляемое спортсменом или введённое животному, принимающему участие в соревнованиях по соответствующим видам спорта, и обладающее специфическими фармакологическими свойствами, способными повысить психофизические показатели организма и улучшить спортивный результат.

В широком смысле следует определить допинг исходя из требований норм Кодекса ВАДА, где допингом считается не только вещество, но и методы, а также маскировка запрещённого препарата другими, недопинговыми средствами и действия с целью воспрепятствовать предоставлению или отомстить за предоставление соответствующим органам информации о нарушении.

В качестве примера приведём упомянутый выше «кровавый допинг»: в период отдыха между соревнованиями и в период отличного самочувствия спортсмен сдаёт свою кровь, которая замораживается; затем, когда в процессе интенсивных физических нагрузок у спортсмена падает уровень гемоглобина крови (что влечёт упадок сил), ему переливают его же ранее взятую кровь с нормальным уровнем гемоглобина. Указанный метод влечёт улучшение физического состояния спортсмена и запрещён

антидопинговыми правилами, поскольку даёт спортсмену преимущество перед другими атлетами и влияет на улучшение его спортивного результата, при том, что никакого инородного запрещённого вещества в организме спортсмена нет. Так, К. Альцинович верно замечает: «Допинг кровью заключается в том, что спортсмену вводится его собственная кровь, полученная за несколько недель до соревнования, кровь донора или кровезаменяющий препарат. Естественно, введение дополнительного объёма красных кровяных телец в организм способствует улучшению его выносливости» [13].

Итак, исходя из изложенного, допинг можно определить как природное или синтетическое вещество или метод, выявляемые специализированным учреждением и запрещённые Всемирной антидопинговой организацией к использованию в спорте под угрозой наказания, употребляемые спортсменом или используемые в отношении животного с целью влияния на спортивный результат, а также любое деяние, отнесенное Кодексом ВАДА к нарушению антидопинговых правил.

Таким образом, действующие в мире и Российской Федерации антидопинговые правила фактически объединяют понятия «допинг» и «нарушение антидопинговых правил». Справедливость такого подхода весьма спорна, поскольку с точки зрения общей теории права неверно смешение понятий, определяющих какой-либо предмет и деяние. Разделение данных понятий представляется целесообразным для верной юридической квалификации.

При этом, несмотря на то, что нормативно-правовые акты национального или международного уровня, регулирующие отношения в сфере борьбы с допингом в спорте, используют понятие «антидопинговые правила», ни один из этих актов не даёт определения антидопинговых правил как таковых.

Несмотря на наличие Общероссийских антидопинговых правил (далее – ОАП), основным документом, устанавливающим ответственность за употребление допинга в РФ, остаётся Кодекс ВАДА. Кроме того, отдельные правила поведения спортсмена могут устанавливаться и Международными стандартами, например, Международным стандартом по тестированию и расследованиям, вступившим в силу 1 января 2023 г. [14], а также Международным стандартом «Запрещённый список» [15], где перечислены все запрещённые в спорте субстанции и методы.

Полагаем, что понятие «антидопинговые правила», используемое в действующих нормативно-правовых актах Российской Федерации, нарушение которых влечёт для работника (спортсмена, тренера) наступление юридической ответственности, более ёмко, нежели определённое в ОАП.

Под «антидопинговыми правилами» понимается не единый документ как таковой, а совокупность международных и национальных актов, устанавливающих определённые правила поведения для противодействия допингу. По своей сути понятие «антидопинговые правила» является собирательным, и ОАП – его часть.

Такая точка зрения находит подтверждение в п. 24 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 24.11.2015 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров», где указано, что антидопинговые правила содержатся, в частности, в Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО на 33-й сессии в Париже 19.10.2005 и ратифицированной Федеральным законом от 27.12.2006 № 240-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте», во Всемирном антидопинговом кодексе, принятом Всемирным антидопинговым агентством 05.03.2003 в Копенгагене и включённом в добавление 1 к названной Конвенции, а также в Общероссийских антидопинговых правилах, утверждённых Приказом Министерства спорта РФ от 18.06.2015 № 638, и в Порядке проведения допинг-контроля, утверждённом Приказом Министерства спорта, туризма и молодёжной политики РФ от 13.05.2009 № 293 [16]. Поправку необходимо сделать лишь в той части, что сегодня действует новый Кодекс ВАДА и приняты новые Общероссийские антидопинговые правила. Международные стандарты отдельно не указываются в цитируемом Постановлении от 24.11.2015 № 52, поскольку они являются неотъемлемой частью Кодекса ВАДА.

Важный правовой институт в антидопинговых правилах - институт терапевтического использования (или терапевтического исключения, далее – ТИ), который называют «легальным допингом». Возможность получения разрешения на ТИ запрещённых веществ предусмотрена ст. 4.4. Кодекса ВАДА, а также п. 6.3 ОАП. Суть данного института состоит в том, что в

определённых случаях спортсмен может обратиться с просьбой о выдаче ему разрешения на использование запрещённых веществ, когда его жизни и здоровью угрожает опасность, и применять данные допинговые препараты в качестве лекарственных. Например, многие скандинавские лыжники имеют диагноз бронхиальная астма и запрашивают ТИ на использование ингаляторов с запрещённым бронхорасширяющим веществом. Перед стартом такой спортсмен вдыхает допинг для предотвращения одышки во время забега. С точки зрения спортивной медицины, этот атлет уже имеет преимущество перед другими за счёт запрещённого препарата, но он не будет считаться допингером, так как имеет ТИ. Выдаче такого разрешения должны предшествовать глубокий анализ ситуации в целом и оценка уровня опасности в каждом конкретном случае. Статья 4.4.2 Кодекса ВАДА предписывает, что спортсмены международного уровня (выступающие на международных соревнованиях) обращаются за получением такого разрешения в Международную спортивную федерацию по виду спорта, а спортсмен национального уровня (выступающий на национальных соревнованиях) получает это разрешение через национальное антидопинговое агентство. На практике данным институтом часто злоупотребляют, что подрывает авторитет спортивных соревнований. Для предотвращения злоупотреблений необходимо более тщательно подходить к выдаче разрешений на применение ТИ среди спортсменов.

Что касается российских антидопинговых правил, то Россия Федеральным законом от 27.12.2006 № 240-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте» [17] ратифицировала данную Конвенцию и, следовательно, распространила международные нормы антидопинговых правил на внутригосударственные спортивные отношения. Ввиду ратификации нормы Кодекса ВАДА действуют на территории РФ, причём, согласно ст. 23.2.2 Кодекса ВАДА, практически все разделы Кодекса применяются в неизменном виде. Отметим, что согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ [18], международные договоры РФ являются частью её правовой системы и обладают большей юридической силой по отношению к российским законам. Именно по данной причине в России действуют все без исключения международные антидопинговые акты.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной

проблеме). Таким образом, допинг можно определить как природное или синтетическое вещество или метод, выявляемые специализированным учреждением и запрещённые Всемирной антидопинговой организацией к использованию в спорте под угрозой наказания, употребляемые спортсменом или используемые в отношении животного с целью влияния на спортивный результат, а также любое деяние, отнесенное Кодексом ВАДА к нарушению антидопинговых правил.

Под «антидопинговыми правилами» понимается не единый документ как таковой, а совокупность международных и национальных актов, устанавливающих определённые правила поведения для противодействия допингу.

Действующие в мире и Российской Федерации антидопинговые правила фактически объединяют понятия «допинг» и «нарушение антидопинговых правил». Справедливость такого подхода весьма спорна, поскольку с точки зрения общей теории права неверно смешение понятий, определяющих какой-либо предмет и деяние. Разделение данных понятий представляется целесообразным для верной юридической квалификации.

Список использованных источников

1. Алексеев, С. В. Олимпийское право = Olympic law : правовые основы олимпийского движения : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям 03050 «Юриспруденция» и 032101 «Физическая культура и спорт», научным специальностям 12.00.03, 12.00.10, 12.00.14, 13.00.04 / С. В. Алексеев ; М-во образования и науки Российской Федерации, Московская гос. юридическая акад. им. О. Е. Кутафина. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 687 с. – Текст : непосредственный.

2. Doping. Lausanne: Medical Commission International Olympic Committee, 1972. – Текст : электронный. - URL: https://library.olympics.com/Default/doc/SYRACUSE/54431/doping-comite-international-olympique-commission-medicale-international-olympic-committee-medical-co?_lg=en-GB.

3. Медицинская энциклопедия. – Текст : электронный. - URL: https://gufo.me/dict/medical_encyclopedia.

4. Алексеев, С. В. Международное спортивное право = International sports law : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям 030500

«Юриспруденция» и 032101 «Физическая культура и спорт» / С. В. Алексеев ; под ред. П. В. Крашенинникова. – Москва : ЮНИТИ, 2008. – 894 с. – Текст : непосредственный.

5. Холопов, А. В. Допинг в спорте / А. В. Холопов, В. В. Сумина. – Текст : электронный // Электронный научно-методический журнал Омского государственного аграрного университета. - 2017. - Спецвыпуск № 3. - URL: <http://e-journal.omgau.ru/index.php/spetsvypusk-3/36-spets>.

6. Битюкова, С. Е. Проблемы антидопингового законодательства в Российской Федерации / С. Е. Битюкова, М. А. Родин. – Текст : непосредственный // Сборник статей VII Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий форум 2015». - Москва, 2015. - С. 15.

7. О физической культуре и спорте : Федеральный закон от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ. – Текст : электронный. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. – Текст : электронный. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=427418&dst=100001#wB N86MTCg5uDjOTI>.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. – Текст : электронный. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

10. Всемирный антидопинговый кодекс Всемирного антидопингового агентства: вступил в силу с 1 января 2021 года. – Текст : электронный. - URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/2021_vsemirnyy_antidopingovyuy_kodeks.pdf.

11. Общероссийские антидопинговые правила: утверждены Приказом Минспорта России от 24 июня 2021 года № 464 – Текст : электронный. - URL: mezhdunarodniy_standart_po_testirovaniyu_i_rassledovaniyam_2023_2023-01-11_08-43-22.pdf.

12. Чеботарев, А. В. Теоретические аспекты антидопинговых правил в международном и национальном регулировании / А. В. Чеботарев. – Текст : непосредственный // Правоведение. - 2018. -Т. 62. - № 4. - С. 765-778.

13. Альцинович, К. Допинг кровью / К. Альцинович. – Текст : электронный. - URL: <https://www.rostmaster.ru/lib/diet/diet-0025.shtml>.

14. Международный стандарт по тестированию и расследованиям. – Текст : электронный. - URL: [Mezhdunarodnyi_standart-po-testirovaniyu-i-rassledovaniyam-2023.pdf](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189315/).

15. Запрещённый список // Официальный сайт РУСАДА. – Текст : электронный. - URL: <https://rusada.ru/documents/prohibited-list>.

16. О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров : Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.11.2015 г. № 52. – Текст : электронный. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189315/.

17. О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте : Федеральный закон от 27.12.2006 г. № 240-ФЗ. – Текст : электронный. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64829/.

18. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – Текст : электронный. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

УДК (341.231.14:342.72/.73)-043.5

DOI 10.5281/zenodo.10185046

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

**МАТВИЕНКО Е. А.,
канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и
истории государства и права,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская федерация**

Важнейшим условием эффективности системы обеспечения и защиты прав человека и гражданина является тесное взаимодействие международного и внутригосударственного права, основной целью которых является формирование и нормативное закрепление единых норм и правил, которые отражают концептуальную значимость прав человека и гражданина. В статье проведён анализ основных направлений

взаимодействия и гармонизации международной и национальной правовых систем в сфере прав и свобод человека.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, национальное право, внутригосударственное законодательство, имплементация норм, международная система права, правовой статус личности

INTERACTION OF DOMESTIC AND INTERNATIONAL LAW IN MATTERS OF ENSURING HUMAN RIGHTS

**MATVIENKO E. A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of
the Department of Theory and History of
State and Law,
FSEI HPE «DonSU»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The most important condition for the effectiveness of the system of ensuring and protecting human and civil rights is the close interaction of international and domestic law, the main purpose of which is the formation and normative consolidation of uniform norms and rules that reflect the conceptual significance of human and civil rights. The paper analyzes the main directions of interaction and harmonization of international and national legal systems in the field of human rights and freedoms.

Keywords: human and civil rights and freedoms, national law, domestic legislation, implementation of norms, international system of law, legal status of the individual

Постановка задачи. Политика любого современного государства должна быть направлена, в первую очередь, на соблюдение презумпции неотъемлемости прав и свобод человека и гражданина. Выдающимся документом в истории человечества, ознаменовавшим новый исторический виток в научном осмыслении категории прав, выступает Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. Особенностью данного документа является его исключительный характер, предопределяющий приоритетность прав и свобод человека, утверждающий их незыблемость и неотчуждаемость. При этом декларация прав человека ООН нашла своё отражение в текстах национальных конституций, что свидетельствует о значимости документа как для развития внутригосударственного законодательства, так и для усовершенствований действующих

или создания новых международных правовых актов, исходным началом которых выступают права человека как высшая ценность. Так, положение «человек, его права и свободы – высшая ценность» получило своё закрепление в основном законе государства – Конституции Российской Федерации (далее – РФ), что подчёркивает значение реализации и осуществление защиты указанного института в условиях постоянных изменений цивилизационного и геополитического характера. Правовая политика государства в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина должна предопределять цель государственной деятельности, заключающейся в выработке многоплановых, но в то же время универсальных для глобального общества, направлений взаимодействия различных субъектов, объектов, организаций, их согласованной деятельности в рассматриваемой сфере. Как справедливо отмечает Яценко О.В., «...в процессе глобализации прав человека тормозящим звеном может быть искажённое представление об их сущности в общественном сознании, неверное истолкование и понимание, порождающие противоречивость между знаниями, чувствами и действиями людей, что отрицательно сказывается на процессе реализации как на государственном, так и на международном уровне» [1]. Для того, чтобы исключить указанные отрицательные явления в интерпретации истинной природы прав человека, необходима согласованность научной и правовой мысли как национального, так и международного сообщества по вопросам понимания истинных стандартов в области прав человека. Такой исследователь, как Спесивов Н. В. указывает на то, что «...стандарты в области прав человека являются собирательной категорией, которая аккумулирует и отражает состояние права в обществе на определённом этапе исторического развития» [2, с. 265]. Поэтому крайне важен постоянный мониторинг вопросов и позиций различных деятелей в данной области, что актуализирует проблемы гармонизации норм внутригосударственного и международного права в спектре рассматриваемой сущностной проблемы.

Актуальность. Права человека как основополагающий фактор существования социального правового государства выступают важнейшим элементом государственной и правовой жизни общества. Государство может претендовать на признание его правовым только в том случае, если провозгласило гражданские,

социальные и политические права человека в своей конституции или законодательных актах, а также обеспечило правовой режим неукоснительного соблюдения прав и свобод человека и гражданина; «правовое государство – это государство, в котором реально функционирует режим связанности власти с правами и свободами человека и гражданина, которое юридически обязано защищать и гарантировать эти права и свободы» [3].

И такая связанность должна поддерживаться не только на внутригосударственном, но и на международном уровне, что даёт основания говорить о внутреннем единстве и согласованности системы прав и свобод человека. Взаимодействие внутригосударственного и международного права должно быть обусловлено общей траекторией плана их взаимного развития, выбора единой цели усовершенствования действующих механизмов защиты прав и свобод человека, что должным образом повлияет на гармонизацию правовых систем.

Принцип взаимодействия закреплён в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, норма которой гласит, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы [4]. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Таким образом, Конституция РФ урегулировала место международных норм в правовой системе России, что предопределяет основы соотношения международного и национального права.

В свою очередь, ключевым направлением современной мировой системы должно выступать формирование и нормативное закрепление единых норм и правил, которые отражают концептуальную значимость прав человека и гражданина, а также должную систему реализации законных интересов личности.

Анализ последних исследований и публикаций. Рассматриваемая тема выступает дискуссионной в разрезе различных отраслей права. В частности, вопросы взаимодействия и взаимовлияния внутригосударственного и международного права освещались в трудах специалистов в области теории права и государства, конституционного права, международного права и т. д. В частности, можно отметить следующих научных деятелей,

которые внесли весомый вклад в исследуемую нами тему: С. С. Алексеев, Б. Л. Аненко, А. Н. Балалев, Г. М. Даниленко, В. Н. Дурденевский, В. А. Каланда, Ю. М. Колосов, Е. А. Коровин, О. Е. Кутафин, М. Н. Марченко, Н. И. Матузов, Ю. А. Тихомиров, В. А. Туманов, Г. И. Тункин, Е. Т. Усенко, Н. А. Ушаков и другие.

Наряду с вышеперечисленными авторами стоит отдельно отметить исследователей, чьи труды посвящены конкретным вопросам реализации международно-правовых актов о правах человека в российском законодательстве: Л. Б. Алексеева, В. М. Жуйков, В. А. Карташкин, И. И. Лукашук и другие.

Исключая тот факт, что на данный момент существует огромное количество работ и дискуссий по данному вопросу, в правовом дискурсе нельзя считать рассматриваемую проблему полностью решённой, что повышает интерес к разработке новых рекомендаций на базе сложившихся мнений и идей.

Целью статьи выступает комплексный теоретико-правовой анализ основных направлений взаимодействия и гармонизации международной и национальной правовых систем в сфере соблюдения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина.

Изложение основного материала исследования. Как внутригосударственное, так и международное право по своей правовой природе выступают динамическими явлениями, то есть они подвержены постоянным изменениям их принципов и норм с учётом особенностей развития общественных отношений в конкретный период времени. При этом, как отмечает Карташкин В. А. «...это влияет на характер взаимодействия международного и внутригосударственного права и превращает вопрос об их соотношении в целом и в области прав человека, в частности, в острейшую теоретическую и практическую проблему» [5, с. 14]. Особую актуальность этот вопрос приобретает в настоящее время с учётом существующих проблем обеспечения стратегической стабильности в условиях значительного обострения международной обстановки и межгосударственных отношений.

Исходя из этих положений, сближение международного и национального права выступает приоритетной задачей как для отдельных государств, так и для всего мирового сообщества в целом, так как указанные правовые системы не могут быть обособлены друг от друга и функционировать вразрез.

По утверждению Анваровой Д. А. «...в некоторых государствах именно нормы международного права являются главной составляющей внутригосударственного законодательства и наделены большей юридической силой, что при расхождении с национальным законодательством даёт им приоритет их использования» [6, с. 327].

Стоит отметить, что именно в процессе международной коммуникации происходит усиление взаимосвязи международного и национального права. Достижение данного контакта возможно лишь при увеличении числа заключённых между государствами договоров, что и будет результатом достижения консенсуса по вопросам регулирования ключевых общественных отношений и ориентированным видением тех или иных правовых явлений. При этом, важным процессом на уровне внутригосударственного права выступает имплементация международно-правовых норм в национальное законодательство как результат совместной организационно-правовой деятельности государств. По данному поводу справедливой является точка зрения Курносова Т. И., в соответствии с которой «...международно-правовые нормы создают правоотношения только между субъектами международного права, а не между субъектами внутреннего права» [7, с. 204]. Указанное мнение подтверждает факт неспособности самостоятельного достижения государством, как субъектом международного права, имплементации норм международного права на национальном уровне, в связи со сложностью реализации механизма осуществления данной процедуры самостоятельными усилиями. По мнению С. Г. Дзыбовой, это отражает «углубление взаимодействия национального общества с мировым сообществом» [8, с. 181]. Самым ярким примером имплементации целого ряда основополагающих норм в сфере прав и свобод человека, бесспорно, является Конституция РФ. Посредством норм этого важного документа международного права, а именно положения Всеобщей декларации прав человека и Пактов о правах, которые входят в национальную правовую систему, расширяется законодательная база РФ по вопросам обеспечения прав и свобод человека и гражданина, раскрывая их содержание, формы реализации и ограничения с учётом сохранения национальной идентичности.

Помимо процесса имплементации, в научной литературе связующим звеном на пути воздействия и взаимодействия правовых систем отмечают особенности выстраивания внешней политики и дипломатии государств, которые определяют общие направления, а также способы, формы и методы деятельности государства в сфере международных отношений. В условиях обострения современных глобальных проблем мировой политики важным элементом на арене внешнеполитической деятельности государств выступает гуманитарная дипломатия, которая обладает рядом специфических принципов, основу которых составляют гуманность, беспристрастность, а также принцип уважения и защиты прав и свобод человека. При этом, вопросы обеспечения прав и свобод занимают особое место в иерархии политических ценностей, которые не должны идти вразрез с другими политическими соображениями государств, поэтому вопросы выработки механизмов защиты и реализации гарантированных прав и свобод приобретают особую значимость для осуществления своей деятельности современными политическими элитами.

Таким образом, благодаря существенным особенностям демократии государств, осуществляется процесс воздействия внутригосударственного права на сущность и содержание норм международного права посредством специфики выстраивания внутренней и внешней политики. В результате этого международным правом заимствуются наиболее прогрессивные идеи и взгляды из национальных правовых систем для построения своих правовых предписаний, что является ключевым условием для гармоничного развития мирового порядка. Несмотря на то, что российским правом установлен приоритет международного права над внутригосударственным, в свою очередь, национальное право оказывает ощутимое влияние на нормы международного права, в том числе и по вопросам реализации политики защиты и соблюдения прав и свобод человека и гражданина с учётом современной практики правоприменительных органов российского государства.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок по данной тематике. Таким образом, рассмотрев вопрос соотношения внутригосударственного права и норм международного права в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина, можно сделать вывод о неразрывной связи

между данными системами. Для России как правового социального государства важным аспектом реализации своей правозащитной деятельности выступает осмысление ключевых категорий правового статуса личности и включённую в него реализацию основных прав и свобод человека. Перед государствами стоит особая задача в создании таких условий существования человека, которые не просто отвечают правовым предписаниям «на бумаге» как национального, так и международного права, но и на деле реализуются и обеспечиваются государственными структурами и международными институтами. При этом важно учитывать, что концепт прав и свобод человека, а также механизм контроля за их соблюдением не являются статическими и подвергаются постоянным изменениям под воздействием происходящих глобализационных процессов, что, в свою очередь, вынуждает современное общество и государство, подстраиваясь под них, менять основные направления своей деятельности. Исходя из этого, важно отметить позицию В. Д. Зорькина, который определяет «...роль права в гармоничном сочетании национальных и глобальных интересов при очевидной необходимости, с одной стороны, осуществлять постоянную корректировку национального законодательства в соответствии с международно-правовыми стандартами, которые признаны в соответствующих международных договорах, с другой – отстаивать в законодательстве новые специфические национальные интересы, которые соответствуют закреплённым в законодательстве коренным национальным интересам» [9, с. 316]. Таким образом, данная позиция отражает ту идеальную концепцию взаимодействия, которая должна осуществляться в современном глобальном обществе для достижения политической общности, стабильности развития государств и реализации основополагающих принципов в сфере поощрения и защиты прав человека.

Список использованных источников

1. Яценко, О. В. Концептуальная значимость прав человека и гражданина в национальном и международном праве / О. В. Яценко // Вестник ТИУиЭ. – 2020. – № 1 (31). – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-znachimost-prav-cheloveka-i-grazhdanina-v-natsionalnom-i-mezhhdunarodnom-prave> (дата обращения: 12.10.2023). – Загл. с экрана.

2. Спесивов, Н. В. Сущность международных стандартов прав человека / Н. В. Спесивов // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 1(64). – С. 265-267. – EDN VSMCMJ. – Текст : непосредственный.

3. Правовое ограничение государственной власти как необходимое условие конституционной стабильности. – Текст : электронный // Специализированный ежемесячный журнал «ЮРИСТ». – 2010. – № 4. – URL: <https://journal.zakon.kz/207844-pravovoe-ogranichenie-gosudarstvennoj.html?ysclid=Int3dxvr7r420736843> (дата обращения: 12.10.2023). – Загл. с экрана.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) Текст : электронный // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведён в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru).

5. Карташкин, В. А. Права человека: соотношение и взаимодействие международного и внутригосударственного права / В. А. Карташкин // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 4. – С. 14-34. – EDN WHMEGN. – Текст : непосредственный.

6. Анварова, Д. А. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в области защиты прав и свобод человека / Д. А. Анварова // Молодой учёный. – 2022. – № 49 (444). – С. 327-329. – Текст : непосредственный.

7. Курносова, Т. И. Понятие и способы имплементации норм международного права в национальное законодательство / Т. И. Курносова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 4 (53). – С. 203-209. – EDN UJLQQT. – Текст : непосредственный.

8. Дзыбова, С. Г. Общие закономерности имплементации норм международного права в национальное законодательство / С. Г. Дзыбова // Вестник Адыгейского государственного

университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – № 1. – С. 180-185. – EDN LIMKDZ. – Текст : непосредственный.

9. Шадже, А. М. Проблемы имплементации международных норм о правах человека в национальное законодательство / А. М. Шадже // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2015. – № 2 (158). – С. 312-317. – EDN UIHSIN. – Текст : непосредственный.

УДК 340.12:316.343-054.5
DOI 10.5281/zenodo.10185206

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТРУКТУРЫ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ПАВЛЕНКО П. И.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация.

В статье делается акцент на проблеме определения дефиниции «субъектный состав гражданского общества», а также на включении различных социальных групп в структуру субъектного состава гражданского общества. Автором рассматриваются и анализируются идеи, мысли, суждения и взгляды как о теоретическом представлении понятия «субъектный состав гражданского общества», так и о практическом наполнении субъектного состава различными элементами в виде социальных групп, общественных формирований и движений, политических партий и других социальных институтов. Сделан вывод относительно определения субъектного состава гражданского общества, его структуры и критериев классификации.

***Ключевые слова:** гражданское общество, субъектный состав гражданского общества, социальные группы, общественные формирования и объединения*

PROBLEMATIC ASPECTS OF DETERMINING THE STRUCTURE OF THE SUBJECT COMPOSITION OF CIVIL SOCIETY

PAVLENKO P. I.,
Candidate of Legal Sciences Associate Professor of
the Department of Theory and
History of State and Law
FSBEI HE «DonSU»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article focuses on the problem of defining the definition of "the subject composition of civil society", as well as on the inclusion of various social groups in the structure of the subject composition of civil society. The author examines and analyzes ideas, thoughts, judgments and views on both the theoretical representation of the concept of "the subject composition of civil society" and the practical filling of the subject composition with various elements in the form of social groups, social formations and movements, political parties and other social institutions. The conclusion is made regarding the definition of the subject composition of civil society, its structure and classification criteria.

Keywords: civil society, the subject composition of civil society, social groups, public formations and association

Постановка задачи. Постановку задачи, по мнению автора, следует начинать с определения дефиниции «субъектный состав гражданского общества», так как будет формироваться теоретическая основа как для понимания гражданского общества вообще, так и для понимания характерных особенностей субъектов, которые могут и должны стать субъектами гражданского общества. Следующий проблемный вопрос касается определения широкого круга субъектов, которые при определённых обстоятельствах и в определённый период времени должны стать действующими субъектами гражданского общества с нормативно определённым статусом. Также требует разрешения как в этой работе, так и в последующих, проблема определения категорий, типов и(или) видов субъектов с учётом многообразия общества по количественному, профессиональному и географическому критериям.

Актуальность. На протяжении многих десятилетий проблема становления, развития и функционирования гражданского общества является весьма актуальной как для западной, так и для

отечественной науки. Данная проблема привлекает своей важностью и значимостью российских исследователей не только в сфере государственного строительства или социологии, а и в сфере теории государства, политологии, политической социологии, теории и философии права и других наук. Актуальным на сегодняшний день является исследование субъектного состава гражданского общества в теоретической плоскости, поскольку субъекты являются важным составным элементом гражданского общества, определяющим вектор развития гражданского общества на современном этапе. Важно отметить и практическую значимость данного вопроса, поскольку деятельность субъектов гражданского общества может выявить огромное множество социальных связей, показать уровень общественного сознания, представить круг проблем в социальном, экономическом, идеологическом, образовательном, медицинском и других секторах, а также определить уровень взаимодействия с органами государственной власти.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросам исследования гражданского общества и его субъектного состава посвящены работы многих отечественных учёных, таких как: Аврутин Ю. Е., Бобылёв А. И., Грачёв В. С., Искаков И. Ж., Лысенко Г. В., Матузов Н. И., Нагаева С. К., Ситников А. В., Струсь К. А., Филатов С. Б. и др.

Цель статьи – провести исследование и анализ полученной информации для формирования теоретической и практической социально-политической и правовой мысли относительно определения, формирования и функционирования субъектного состава современного гражданского общества.

Изложение основного материала. Приступая к исследованию и анализу проблемы субъектного состава гражданского общества, следует отметить, что до настоящего времени ни западными, ни российскими ведущими учёными не предложен единый подход к пониманию дефиниции «субъект гражданское общество», к формированию общего определения, которое бы отображало особенности данного термина. Чаще всего учёными, которые вовлечены в процесс исследования гражданского общества, предлагается широкий спектр многообразных субъектов, которые, по их мнению, при определённых условиях могут быть субъектами гражданского общества. Стоит также отметить, что эти

определённые условия не всегда подвергаются определению и анализу, а исследователи только ограничиваются представлением круга субъектов, формирующих гражданское общество.

Так, автором данной научной статьи в 2020 г. в рамках работы Республиканской научно-практической конференции «Государство. Гражданское общество. Политические элиты: История. Теория. Современность» проводимой Донбасской юридической академией, представлялись разнообразные точки зрения западных и российских учёных относительно этих субъектов гражданского общества. Среди них можно выделить: мнение представителя американской социологии Д. Белла, включающего в субъектный состав добровольные ассоциации, церкви и общины (сообщества) [13]; взгляды на субъектный состав Л. Ломаски, включающего в его структуру семью, друзей, соседей, клубы, образовательные и филантропические организации [15]; суждения американского теоретика У. Кимлики о том, что церкви, семьи, союзы, этнические ассоциации, кооперации, группы по окружающей среде, ассоциации соседей, группы поддержки и партии должны стать основой при создании гражданского общества [14].

Однако, учитывая существенные различия в развитии западного и российского гражданского общества, наибольший интерес, по мнению автора, вызывают исследования специфики именно российского общества отечественными учёными. Российский политолог Никитина Е. С., поддерживая её западных коллег, относит к субъектам семью, но также и различные кооперации, ассоциации, хозяйственные корпорации, общественные организации, профессиональные, творческие, спортивные, этнические, конфессиональные и др. объединения [11, с. 145]. Специалисты в сфере конституционного права Казанник А. И. и Костюков А. Н. к субъектам гражданского общества относят широкий спектр субъектов, таких как: личность; семья; частные предприятия и хозяйственные организации; экономические ассоциации и объединения; профсоюзы; местное сообщество; социальные группы и слои населения, средний класс; религиозные организации; общественные объединения; политические партии; политические и общественные движения; независимые СМИ [8, с. 167].

Грачёв В. С. – специалист в сфере конституционного права, рассуждая о структуре гражданского общества и субъектах отмечает, что действительно разные исследователи включают в

структуру общественные объединения, в том числе партии, негосударственные организации труда, предпринимательства, воспитания, образования, культуры, средств массовой информации и т. п., но игнорируют отдельного человека (индивида, личность), что, по мнению учёного, противоречит самой идее гражданского общества [2].

Кроме мнений теоретиков вызывают интерес суждения по данной проблеме практикующих юристов. Так, начальником отдела прокуратуры Краснодарского края Каиновым А. С. предлагается включить в структуру гражданского общества элементы, которые он называет не субъектами, а институтами. Среди них практик выделяет: местное самоуправление; объединения на основе членства; ситуационные институты гражданской инициативы; институты непосредственного принятия решений; ассоциации; средства массовой информации; публичные мероприятия (например, митинги, демонстрации и др.); фонды, центры, советы по вопросам гражданского общества; смешанные институты (общественные палаты); семья [5, с. 9]. Практик-социолог, научный сотрудник института социологии РАН и ведущий специалист фонда «Общественное мнение Климов И. А. также отходит от категории «субъекты гражданского общества» и предлагает использовать термин «акторы» и их субъектность в рамках гражданского общества [6]. Этой же точки зрения придерживается специалист-историк, канд. ист. наук Лысенко Г. В., которая также отмечает важность определения субъектности акторов и определяет характерные особенности субъектности [9, с. 136].

Именно эти характерные особенности, по мнению автора данной статьи, могут стать теоретическим фундаментом в определении дефиниции «субъекты гражданского общества» и установлении принадлежности различных субъектов к субъектному составу гражданского общества.

Как отмечает Лысенко Г. В., к характерным чертам субъектности можно отнести:

1. Особенности *самоидентификации акторов, образующих сообщество*, идентификацию членов сообщества. При этом идентичность выполняет функции интеграции, мобилизации и легитимации. Самоидентификация действительно важна в рамках общества, поскольку показывает наличие индивидуального субъективного мнения, суждения и взгляда на то или иное событие (явление) в общественной жизни, а также определяет место и роль

субъекта в обществе и стимулирует к установлению связей и отношений между субъектами. Самоидентификация также актуальна, так как затрагивает не только социальный, но и психологический аспект индивида, социальной группы и общества в целом.

2. *Внутригрупповая солидарность* как перераспределение ответственности. Индивид ответственен за целостность группы, а группа отвечает за индивида. Данная особенность важна для понимания социальной природы гражданского общества, распределения социальных ролей, понимания актуальности и значимости функций и задач, стоящих перед обществом, принятие ответственности за принятые решения.

3. Наличие *институционализованного статуса и организационной оформленности*, каналов эффективного взаимодействия субъектов социального пространства как в системе горизонтальных, так и вертикальных связей. Здесь необходимо понимать как роль субъектов (институтов, акторов), так и государства в фиксации, определении и закреплении на нормативно-правовом уровне статуса субъекта, его прав, свобод, возможностей, а также ответственности применительно к статусу другого субъекта, общества в целом или государства. Интересы субъекта и вектор его деятельности, зафиксированные в уставных документах и положениях, должны стать инструментом в реализации его институционализованного статуса.

4. Наличие *стабильного постоянного состава участников сообщества*, а также *наличие/отсутствие лидера(ов)*, берущих на себя ответственность за существование группы, при этом лидер(ы) и группа связаны сложной системой взаимодействий. Лидер или большинство лидеров должны понимать, осмысливать и выражать интересы группы как внутри её, так и за её пределами. В мнении, взглядах и действиях лидера(ов) должна выражаться персонификация процессов и взаимодействий субъекта гражданского общества.

5. *Осознанность целей, интересов и способность организационной структуры их реализовывать*. Как уже отмечалось при рассмотрении третьей характерной особенности, цели и интересы должны быть не только зафиксированы в уставных документах, но и осознаны субъектным составом социальной группы. Основные цели и интересы должны представлять собой сформировавшийся результат интеллектуальной, творческой и

практической деятельности по выявлению и решению проблемы. По мнению автора данного исследования, они должны представлять мнение всего сообщества социальной группы или его большинства [9, с. 136-137].

Кроме представленного, целесообразно включить и другие характерные особенности, которые будут участвовать в формировании дефиниции субъекты гражданского общества. К таким особенностям следует отнести: активность в поиске и нахождении решений проблем и задач; организация и осуществление деятельности в открытом и легальном виде; проявление добровольности и свободы при формировании субъекта; установление каналов связи и отношений с представителями государственной власти для решения социально-экономических вопросов, задач и др.

На основании вышеизложенного и с учётом различных мнений относительно структуры субъектного состава гражданского общества можно представить авторское мнение определения «субъектный состав гражданского общества».

Субъектный состав гражданского общества – это совокупность активных социально-общественных образований (институтов, акторов), формирующихся и функционирующих на основе самоидентификации, солидарности и добровольности, имеющих легальный институционализированный статус и организационную стабильную форму, действующих в своих интересах и взаимодействующих с органами государственной власти в социально-экономической сфере с целью реализации этих интересов. Данное определение не является аксиомой, оно может быть значительно доработано, особенно в части, которая предусматривает действие субъектов в своих интересах, но не определяет полный спектр интересов и механизм их реализации. При этом могут возникнуть вопросы в части взаимодействия с государственным аппаратом. Остаются открытыми вопросы о механизме и степени взаимодействия и, возможно, о социально-экономической сфере, которая может быть расширена за счёт других сфер жизнедеятельности общества.

Однако, по мнению автора данного исследования, представленное определение можно считать универсальным, поскольку оно формирует общетеоретическое видение субъектного состава гражданского общества, не перегружено отдельными деталями и частными особенностями и оставляет возможность для

большинства социальных групп и образований войти в структуру субъектного состава. Вместе с тем, данный термин также может и ограничивать доступ для некоторых субъектов, которые отдельными учёными считаются составляющими субъектами гражданского общества.

Как уже отмечалось, ряд российских учёных причисляет множество участников в социальной, политической, экономической, идеологической, национально-культурной сферах жизни общества к субъектам гражданского общества. В отношении одних субъектов такие суждения и высказывания смотрятся вполне закономерно и логично. Так, например, не должно вызывать сомнений то, что частные предприятия и хозяйственные организации, экономические ассоциации и объединения, профсоюзы, религиозные организации, общественные объединения, политические партии, политические и общественные движения, средства массовой информации должны рассматриваться как полноправные субъекты гражданского общества. В то же время все эти субъекты должны, по мнению автора исследования, активно отстаивать свои права, свободы и интересы, действовать на принципах солидарности, добровольности и легальности, а также иметь определённую стабильную структуру, предполагающую долговременное функционирование субъекта. Только при наличии этих требований данные субъекты гражданского общества могут считаться таковыми.

Кроме того, в работах учёных, исследующих данную проблематику, прослеживаются размышления о вхождении или невхождении таких популярных социальных акторов как человек (гражданин) и семья. В силу текстуальной ограниченности данного научного исследования, предлагается не освещать детально обозначенную проблематику, но вместе с тем обратить внимание на некоторые суждения отдельных исследователей.

Как уже отмечалось, кандидат наук, доцент Грачёв В. С. в своей работе «Структура гражданского общества, его субъекты и правовые институты» подчёркивает, что невключение в число субъектов гражданского общества отдельного человека противоречит самой идее гражданского общества, т. к. ещё в эпоху Просвещения, во времена формирования идеи гражданского общества, был определён треугольник «общество – личность – государство», в котором интересы и права личности ставятся выше

всего остального [2, с. 42]. Логичной и прагматичной является точка зрения доктора философских наук, профессора Даллакяна К.А. В работе «Личность как институт гражданского общества и правового государства», в которой он подчёркивает, что именно личность, а не человек или индивид имеет социальное содержание. Личность, по мнению учёного, является социальной реализацией сущности человека, мерой самореализации его сущности в социальной жизни. Личность, как считает профессор, является не просто элементом, но и важнейшим социальным институтом правового государства и гражданского общества. Рассмотрение личности как социального института предполагает её анализ как субъекта интернализации и экстернализации, то есть и того, что возникает в результате социализации внутри общества [3, с. 38-40]. Таким образом, личность может выступать субъектом гражданского общества только в виде социального института, показывающего не только особенности личности и ценностную систему общества, но и определяющего место и роль в обществе, а также социальные связи и отношения.

В отношении другого субъекта – семьи также имеется достаточно большое количество рассуждений о том, какое место семья занимает в гражданском обществе и какую роль играет в процессе становления и развития общества. В российском научном сообществе в проблеме взаимоотношения семьи и гражданского общества сформировались несколько подходов, описывающих их связь [7, с. 29].

1. Семья как предпосылка становления гражданского общества. В данном подходе гражданское общество рассматривается как социальная организация людей с целью упорядочения бытия определённого этноса. Полис выступает первой исторической формой такого гражданского общества, а семья, род и соседская община – это протоформы, которые предшествовали полису [4, с. 64].

2. Семья как посредник между индивидуальным субъектом (человек, личность, индивид) и коллективным (государство, общество). Представители этого подхода предлагают рассматривать промежуточное положение семьи, а также её способность влиять на формирование гражданского общества [12, с. 155-156].

3. Семья как институт гражданского общества. Семья совместно с политическими, социальными и экономическими

объединениями, религиозными образованиями, негосударственными учреждениями и СМИ образуют систему гражданского общества. Утверждается, что именно «в семье происходит первичная социализация человека, закладываются модели поведения...» [5, с. 10].

4. Семья как общность, отличная от гражданского общества. Семья в этом подходе определяется как общность, основанная на родственных и кровнородственных связях. Вместе с тем, отношения между членами семьи отличаются от межиндивидуальных отношений в гражданском обществе [10, с. 281]. Семья гипотетически может рассматриваться в качестве «естественно-человеческой предпосылки» гражданского общества, что сближает данную концепцию с первым подходом.

Подводя итог, следует отметить, что наиболее логичным является именно первый подход. Независимо от того, что он выделяет исторический фактор построения гражданского общества как основной, он вместе с тем также затрагивает социально-общественный фактор, определяет семью как социальный исток, первоначало, предпосылку, как институт, формирующий одновременно и индивидуальную, и социальную сущность. В этой концепции следует принять тезис о том, что семья является социальным институтом, который влияет на склонность человека к гражданской активности: создаёт основу для социальной осведомлённости и способствует воспитанию активных граждан, а также закладывает ценности и модели поведения, в целом способствующие гражданской активности.

Таким образом, личность и семья являются важными социально образующими институтами, которые выступают истоками в формировании субъектов гражданского общества, определяют сущность и характер субъектов. Однако, по мнению автора исследования, не являются субъектами, входящими в субъектный состав гражданского общества, поскольку подвержены эмоциональному всплеску в поведенческом аспекте, смене активного состояния на пассивное, ситуативному изменению мнений, взглядов, интересов и целей. Кроме того, интересы личности и семьи нередко носят закрытый, индивидуальный характер, что не предполагает их вынесение и рассмотрение на уровне крупных социальных групп, общества в целом или государства. Процесс определения социальных проблем и нахождения путей их решения данными институтами носит

индивидуализированный, персонифицированный характер и не предполагает развитие в рамках гражданского общества.

На этапе определения субъектного состава гражданского общества, учитывая многообразие уже представленных субъектов, возникает необходимость их классификации или типологизации по форме, сфере деятельности, содержанию, численности, заинтересованности и другим категориям. Установление критериев классификации и видов субъектов даст в теоретическом плане наиболее чёткое представление о структуре гражданского общества, а в практическом плане, с помощью нормативных актов, установить уровень взаимодействия субъектов для решения наиболее важных проблем и задач.

Одним из наиболее популярных, по мнению Баринова П. С. и Катомина В. А., является институциональный подход [1, с. 29], согласно которому субъекты можно классифицировать по сфере и специфике осуществляемой ими деятельности. Согласно данному критерию следует выделить следующие виды:

– субъекты гражданского общества в политической сфере (политические партии, общественно-политические организации и движения);

– субъекты гражданского общества в социально-экономической сфере (общественные организации, общественные движения, социальные учреждения, органы местного самоуправления (сообщества), учреждения образования, общественные фонды, домохозяйства, финансовые компании, банковские учреждения);

– субъекты гражданского общества в духовной и культурной сферах (церковь (религиозные организации, конфессиональные объединения), учреждения культуры (театры, музеи, библиотеки, выставочные центры), творческие ассоциации, специализированные объединения и кружки, фан-клубы и сообщества);

– субъекты гражданского общества в информационной сфере (средства массовой информации, информационные центры, информационные фонды, центры анализа информации, информационные агентства);

– субъекты гражданского общества в производственной сфере (предприятия, частные компании, профессиональные союзы);

– субъекты гражданского общества в сфере услуг (компании, предоставляющие финансовую помощь, учреждения и

организации, оказывающие юридическую помощь, медицинские центры, транспортные компании, учреждения общественного питания, салоны красоты и т. п.).

Следующий критерий классификации может быть определён по территориальному признаку. В соответствии с этим признаком субъектов необходимо классифицировать на такие виды: районного, городского, регионального и государственного значения (предприятия, организации и учреждения, объединения и формирования, осуществляющие деятельность, определяющие сферу интересов и целей в определённых административно-территориальных границах).

Третий критерий классификации может быть определён по количественному показателю субъекта гражданского общества. Субъекты, согласно данному критерию, могут быть представлены в трёх видах:

1) малочисленные субъекты (количественный показатель индивидов, входящих в структуру коллектива, не превышает 1 тысячу человек);

2) субъекты средней численности (количественный показатель индивидов, входящих в структуру коллектива, в границах от 1 до 100 тысяч человек);

3) многочисленные субъекты (количественный показатель индивидов, входящих в структуру коллектива, превышает 100 тысяч человек).

Определение видов субъектов по второму и третьему критерию скорее имеет нормативно-регулятивное значение, поскольку позволяет чётко нормативно регламентировать статус субъектов и расширять возможности в зависимости от их влияния на определённой территории и количественного показателя участников.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Сегодня, как показывают многочисленные исследования, проблема формирования, развития и функционирования является актуальной и значимой. Многие теоретики и практики проводят аналитическую работу по изучению сущности, признаков, принципов и составных элементов общества. Определение структурного состава гражданского общества и его элементов, как было показано, также актуально и требует постоянной детальной исследовательской

работы. Определение субъектного состава, его структура и классификация в будущем может быть доработана с учётом практической деятельности общественных объединений и формирований, а также, с учётом новых современных теорий, концепций и идей относительно гражданского общества.

Список использованных источников

1. Баринов, П. С. Институты гражданского общества: общетеоретический аспект / П. С. Баринов, В. А. Катомина // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 2(34). – С. 24-31. – Текст : непосредственный.

2. Грачёв, В. С. Структура гражданского общества, его субъекты и правовые институты / В. С. Грачёв // Закон и право. – 2019. – № 1. – С. 41-42. – Текст : непосредственный.

3. Даллакян, К. А. Личность как институт гражданского общества и правового государства / К. А. Даллакян // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 2(92). – С. 37-43. – Текст : непосредственный.

4. Доманов, В. Г. Исторические формы существования гражданского общества / В. Г. Доманов // Философия права. – 2008. – № 6(31). – С. 64-68. – Текст : непосредственный.

5. Каинов, А. С. Структура гражданского общества / А. С. Каинов // Юридическая наука. – 2015. – № 4. – С. 9-13. – Текст : непосредственный.

6. Климов, И. А. Респонсивность власти как фактор социальной мобилизации. – Текст : электронный. – URL: [hse.ru>data/216/030/1226/Респонсивностьвласти.doc](https://hse.ru/data/216/030/1226/Респонсивностьвласти.doc) (дата обращения: 22.08.2023).

7. Ковба, Д. М. Российская семья в контексте деятельности организаций гражданского общества / Д. М. Ковба // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. – 2021. – № 6. – С. 27-33. – Текст : непосредственный.

8. Конституционное право: университетский курс: [учебник : в 2 т.] / С. В. Арбузов и др.]; под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2016. – 478 с. – Текст : непосредственный.

9. Лысенко, Г. В. О субъектах гражданского общества в современной России / Г. В. Лысенко // Власть. – 2011. – № 6. – С. 136-140. – Текст : непосредственный.

10. Нерсисянц, В. С. Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов. – Москва : Издательская группа НОРМА – ИНФРА • М, 1999. – 552 с. – Текст : непосредственный.

11. Никитина, Е. С. Особенности и основные этапы становления гражданского общества в России / Е. С. Никитина // Власть. – 2010. – № 12. – С. 145-148. – Текст : непосредственный.

12. Усова, Д. О. Развитие гражданского общества и ценностных ориентиров семьи / Д. О. Усова // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. – 2014. – № 2. – С. 155-158. – Текст : непосредственный.

13. Bell D. American Exceptionalism Revised: The Role of Civil Society // Public Culture. – 1989. – № 95. – P. 38-56.

14. Kimlicka W. Politics in the Vernacular. Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship. – Oxford, 2001. – P. 296.

15. Lamasky L. E. Classical Liberalism and Civil Society. In: Alternative Conceptions of Civil Society. Op. Cit. – P. 64.

УДК 34.01

DOI 10.5281/zenodo.10200580

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

СУРОВЦЕВА А. А.,

канд. экон. наук, доцент кафедры

гражданского и предпринимательского права;

НАДВОРНАЯ А. А.,

старший преподаватель кафедры гражданского и

предпринимательского права

ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,

Донецк, Донецкая Народная Республика,

Российская Федерация

В статье рассмотрены современные научные концепции (теории) правопонимания, такие как идеологическая (аксиологическая), или естественно-правовая; нормативная (позитивистская); социологическая.

***Ключевые слова:** право, правопонимание, концепция, идеологический, нормативный, социологический подходы*

PROBLEMS OF LEGAL UNDERSTANDING IN RUSSIAN SCIENCE

SUROVTSEVA A. A.,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the department of
civil and business Law;

NADVORNAYA A. A.,
Senior lecturer of the department of
civil and business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article discusses modern scientific concepts (theories) of legal understanding, such as ideological (axiological), or natural law; normative (positivist); sociological.

Keywords: law, legal understanding, concept, ideological, normative, sociological approaches

Постановка задачи. На современном этапе развития государства и права, когда осуществляется в активной фазе реформирование и изменение концептуальных подходов к общественному бытию, важной научной проблемой является определение чётких ориентиров правопонимания. Коренные изменения, которые произошли на постсоветском пространстве в течение последних двух десятилетий, существенно повлияли на «право» как само явление, составляющие объект исследования общетеоретической юриспруденции.

Актуальность. На сегодняшний день правопонимание в юридической науке имеет множество трактовок, благодаря которым раскрываются все стороны этого важнейшего общественного явления. Сама сущность права выражается в следующих формах, таких как:

– правовые реалии, т. е. те общеобязательные нормы, законы, деятельность судебных и иных правовых институтов с которыми человек сталкивается в реальной жизни;

– сложные социальные образования, которые имеют особые и масштабные подсистемы в обществе, обладающие особым характером и логикой. К такой подсистеме можно отнести, например, государство, искусство или мораль;

– явление мировоззренческого порядка, т. е. проявление жизни человека как разумного существа.

Это обуславливает необходимость не только высшего уровня познания и понимания права, изучения его новых связей, но и пересмотра определённых устоявшихся подходов и представлений.

Обзор последних исследований и публикаций. Некоторые современные российские учёные проблему правопонимания развивают с позиций интегративного подхода (В. Н. Карташов, Р. А. Ромашов, В. А. Сапун). При этом среди многообразия мнений выделяется трактовка права В. И. Крусса, предпочитающего не отождествлять себя ни с одним из названных типов правопонимания и формулирующим так называемое конституционное правопонимание, показывающее, «каким может быть современное право, какое оно есть и как необходимо относиться к этому праву, решая праксиологическую задачу». Оригинальную интерпретацию права даёт и А. В. Поляков, понимающий его как коммуникацию, «не как абстрактное предписание (волю, приказ, норму), а как то, что возникает лишь через процедуру согласования и понимания с «обобщённым Другим» (социальным Другим)». Наконец, с обоснованием материалистического правопонимания выступает В. М. Сырых, по мнению которого только этот подход, показывающий процесс восхождения от объективного права к действительному праву, способен дать ответ на вопрос, что есть право [1].

Целью статьи является исследование содержания терминов «правапонимание» и понятие «право», их синонимичность и определение типов правопонимания, которые очерчивают эталон юридического познания права, а также уместно установить значимость правопонимания и основные направления его развития.

Изложение основного материала исследования. Учитывая вышеуказанное, необходимо подчеркнуть, что для решения этой важной дискуссионной юридической проблемы современности, то есть установления сущности, содержания права, охваченного понятием «правапонимание», введён правовой термин «тип правопонимания», под которым понимается основанный на особенностях методологии права познания философско-юридический подход обоснования понятия права, закономерностей его происхождения, сущности, форм (источников) выражения, взаимоотношений с государством. По этому критерию современная общетеоретическая юриспруденция выделяет указанные типы правопонимания как юридическое и легистское. Здесь целесообразно конкретизировать, что основные типы

правопонимания, по мнению учёных, подразделяются на: юридический (jus) – природно-правовая модель правопонимания, либертарно-юридический подход и легистский (позитивистский) (lex) – модель радикального позитивизма, современные аналитические и нормативистские концепции позитивизма.

Многочисленные трактовки определения права разрабатывались ещё в древние времена. Придерживаясь мнения многих авторов, их можно разделить на две большие группы, основанные на принципах естественного права и материального права. Можно встретить и три категории классификации, в таком случае добавляется философские аспекты права.

Естественно-правовая теория исходит из того, что помимо реального права, создаваемого государством, существует естественное право, стоящее над ним и построенное на идеях свободы, морали, справедливости и неотъемлемых естественных правах человека. Основатель теории реального права, критикуя доктрину естественного права, утверждает, что право – это норма, созданная государством для удовлетворения человека. В реальном праве на смену эмпирическим аспектам приходят ментальные, абстрактные и рациональные.

Право представляет собой совокупность законов и иных нормативных актов, принимаемых или санкционируемых органами государственной власти и местного самоуправления, основанное на принципах справедливости, в целях удовлетворения интересов народа, проживающих в Российской Федерации или на её отдельных территориях, обеспечения жизнедеятельности демократического общества и безопасности государства, исполнение которых является добровольным, а при отсутствии добровольности будут применяться меры принудительного характера.

«Узконормативное» определение сводится к представлению, что право, как система норм, в которой все представления установлены и санкционированные самим государством, т. е. своего рода это как нормы, обеспечивающиеся принудительной силой государства.

Обращение к «широкому» пониманию права свидетельствует, с одной стороны, о полном или частичном противоречии «узкого» право понимания существующей концепцией права, а с другой – о том, что, как подтверждает история развития юриспруденции, на самом деле идёт непрерывный поиск нового и выработка

оптимального определения идей о праве, наиболее адекватно отражающего реальную правовую действительность.

Под парадигмами понимаются общие для определённой части научного сообщества теоретико-методологические основания научных исследований, гарантирующие единство и внутреннюю согласованность научных изысканий. Общепринято понимать, что тип правовопонимания имеет образ права, характеризуемый совокупностью наиболее общих теоретических признаков права и наиболее общих признаков практического (ценностного) к нему отношения.

Опираясь на классификации российских правоведов, типы правовопонимания в современной научной литературе рассматриваются с позиции юридического и философского подходов, которые основываются на характеристике соотношения должного и сущего [2].

Общим для различных суждений о понимании права является интеграция принципов естественного права, нормативного права, социологии и других теорий права. Действительно, право – это система общеобязательных норм, важный правовой регулятор общественных отношений, выражающий согласованную волю различных групп общества и выступающий в качестве меры свободы и ответственности (регулятора) за их поступки и поведение.

Современные научные концепции (теории) правовопонимания можно свести к трём подходам: идеологический (аксиологический), или естественно-правовой; нормативный (позитивистский); социологический.

Идеологический (аксиологический), или естественно-правовой подход, к пониманию права. Согласно этой концепции, исходной формой бытия права является общественное сознание. Право – это не тексты закона, а система представлений (понятий) об общеобязательных нормах, правах, обязанностях, запретах, естественных условиях их возникновения и осуществления, порядке и формах защиты, существующая в общественном сознании и ориентированная на нравственные ценности.

Естественный закон, по мнению сторонников этой концепции, возник из самой природы человека и потому принадлежит всем людям вообще и каждому отдельному индивидууму. Она вечна и неизменна, не зависит от государства и написанного государством закона, а исторически предшествует ему. Его истоки лежат во

всеобщей справедливости и вечной истине. К естественным правам относятся: право на жизнь, честь, достоинство, право на частную собственность, на противостояние тирану, право на насильственную смену тоталитарной власти и т. д.

В зависимости от источника формирования естественного права различают следующие доктрины:

- неотомизм – естественное право получено от Бога;
- неогегельянство – естественное право возникает из гармонии объективного разума и самой идеи права;
- неокантианство – естественное право возникает из чистой идеи;
- феноменологическая доктрина обосновывает, что естественное право возникает из правовых ценностей;
- экзистенциализм – обосновывает возникновение естественного закона из самого существования абстрактного человека;
- герменевтика – характеризует возникновение естественного права из исторического правопонимания.

Нормативный подход к пониманию права. Согласно этому подходу, нормы права отличаются от других социальных норм следующими признаками:

- нормы права регулируют и защищают важнейшие общественные отношения и социальные ценности с позиций интересов общества, государства и личности. Эти отношения определяются гражданским обществом и государственной властью;
- нормы права, в отличие от других социальных норм, формально выражены в системе действующих нормативных правовых актов (в законах). Они носят характер формальных юридических документов. Другие правила могут существовать в устной или письменной неформальной форме;
- нормы права, официально установленные или санкционированные государством. Другие социальные нормы не устанавливаются государством, хотя государство заинтересовано в поддержке многих прогрессивных социальных норм;
- нормы права, в отличие от других социальных норм, в целом обязательны для всех участников общественных отношений, поскольку являются официальными правилами поведения и деятельности, и государство применяет принуждение в случае их несоблюдения;

– нормы права защищены государственными органами от нарушений, в отличие от других социальных норм. Государство применяет или может применить санкции за их нарушение;

– нормы права устанавливают юридические права и обязанности участников общественных отношений или официальное правовое положение граждан, организаций, государства; другие социальные нормы могут регулировать моральные, политические, религиозные и другие права и обязанности,

– нормы права выражаются только в определённых правовых формах (законы, постановления, указы, распоряжения, общеобязательные решения) и действуют во времени, пространстве и по отношению к определённым субъектам. Другие социальные нормы не имеют таких признаков.

Социологический подход к пониманию права. Законодательные акты, которые не реализуются, не применяются в реальной жизни, перестают быть правом, отмирают и становятся «мёртвым законом». Живое право – это нормы, которые закреплены в законодательных актах, понятны населению и действуют, реализуются в конкретных правоотношениях. Без реализации законы так и остаются «макулатурой» или историческими памятниками права.

Закон является антитезой правонарушений, а правонарушения не ограничиваются нанесением ущерба тому или иному кодексу или закону. Правонарушения причиняют вред и представляют общественную опасность для реальных материальных и духовных ценностей общества, государства и народа.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в обществе бывают случаи, когда законы не принимались, а правоотношения формировались на основе морали, соглашений, договоров, сознания и т. д.

Таким образом, правоотношения могут существовать в обществе и без законодательных актов. Эти правоотношения могут существовать также на основе обычного права, прецедентного права, договорного права, религиозного права (там, где существует система религиозного права).

Выводы. Право является наиболее эффективным регулятором общественной, цивилизованной и государственной жизни, а также социальных отношений, важнейшей социальной, культурной и

нравственной ценностью, мерой свободы и ответственности личности.

Право может иметь и естественный характер, как совокупность субъективных прав, свобод и обязанностей людей и организаций, возникающих в результате вступления людей в экономические, политические, торговые, семейные и иные общественные отношения. Естественное право может быть формализовано и закреплено в законодательных актах после деятельности правотворческих органов. Закон, созданный государством, иногда называют позитивным, объективным правом, поскольку он не зависит от воли конкретного человека. Право, которое сводится к конкретным правам, свободам и обязанностям гражданина, предприятия, организации и государства, называется субъективным правом [3].

Решающее значение этого понятия или типа правопонимания в научном плане обусловлено научно-познавательным статусом и значением правового понятия в рамках целостной, системно обоснованной, разработанной и организованной правовой теории. Если понятие права – это сжатая правовая теория, то правовая теория – это расширенная (воплощённая) правовая концепция.

Список использованных источников

1. Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной научной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 года в Российской академии правосудия / под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. М. Сырых и канд. юрид. наук М. А. Заниной. (2-е издание) – Москва: РАП, 2010. – URL: [pravoponimanie_cut.pdf](#). – Текст: электронный.

2. Нерсесянц, В. С. Из истории правовых учений: два типа правопонимания / В. С. Нерсесянц. – Текст: непосредственный // Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания. – Москва: Изд-во ИГиП АН СССР, 1978. – С. 18-29.

3. Ромашов, Р. А. Интегральная юриспруденция и энциклопедия права: историко-методологический анализ / Р. А. Ромашов. – Текст: непосредственный // Правоведение. – Санкт Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. – № 3. – С. 105-120.

РАЗДЕЛ 4

**Гражданское право; гражданско-процессуальное право;
предпринимательское право; семейное право; наследственное
право; налоговое право; бюджетное право; земельное право;
нотариальное право; хозяйственное право**

УДК 347.957

DOI 10.5281/zenodo.10184042

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ

**ДЕРБИШЕВА О.А.,
преподаватель кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин,
Донецкий филиал Волгоградской
Академии МВД РФ,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье рассматривается кассационная инстанция как суд надзорной инстанции по законодательству Российской Федерации не только в гражданском и арбитражном процессе. Исследуется институт срока подачи кассационной жалобы, представления в гражданском, арбитражном судопроизводстве, который урегулирован различным образом, где полагаем данную необоснованность.

Ключевые слова: кассация, процессуальная реформа, сплошная кассация, гражданский процесс, представление

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE SUPERVISORY AUTHORITY UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**DERBISHEVA O.A.,
Lecturer of the Department
of State and Civil Law Disciplines,
Donetsk branch of Volgograd
Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article considers the cassation instance as a court of supervisory instance under the legislation of the Russian Federation not only in civil proceedings, but also in arbitration and criminal proceedings. The main provisions of the procedural reform in the field of cassation proceedings are

considered. Proposals for amendments to the procedural legislation have been developed.

Keywords: cassation, procedural reform, continuous cassation, civil process, performance

Постановка задачи. Значительные изменения в правила гражданского судопроизводства в судах кассационной инстанции были внесены Федеральным законом от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ [6], однако некоторые положения требуют разъяснения. Кроме того, требует реформирования институт срока подачи кассационных жалоб, представления для обеспечения надлежащего времени для судебной защиты.

Актуальность статьи. Кассационная инстанция как суд надзорной инстанции по законодательству РФ обеспечивает возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений. В данной статье предложено унифицировать институт срока подачи кассационных жалоб, представления для обеспечения надлежащего времени для судебной защиты в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Рассмотрены основные положения процессуальной реформы в сфере кассационного производства. Разработаны предложения по внесению изменений в процессуальное законодательство.

Анализ последних исследований и публикаций. Кассационную инстанцию как суд надзорной инстанции по законодательству РФ, а также особенности кассационного производства рассматривали С. А. Абдулаева, А. Баранникова, М. Б. Гамзатов, Н. М. Кострова, Б. В. Мельник и др., однако тема требует дальнейшего изучения.

Цель данной статьи – проанализировать кассационную инстанцию как суд надзорной инстанции по законодательству РФ. Также целью данной работы является разработка мер по совершенствованию кассационной инстанции в процессуальном законодательстве.

Изложение основного материала исследования. В соответствии со ст. 23.1 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [7] кассационный суд общей юрисдикции является федеральным судом общей юрисдикции, действующим в пределах территории соответствующего судебного кассационного округа. В Российской Федерации действуют всего девять кассационных

судов общей юрисдикции в пределах территорий, соответствующих судебным кассационным округам.

Относительно арбитражных кассационных судов стоит отметить следующее. В соответствии со ст. 24 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [8] Арбитражные суды округов являются судами по проверке в кассационной инстанции законности вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов субъектов Российской Федерации и арбитражных апелляционных судов. Всего в России действуют 10 арбитражных судов. Непонятна логика законодателя – почему кассационных судов общей юрисдикции действует 9, а арбитражных – 10. Целесообразно было бы создать равное количество кассационных судов для обеспечения доступа к правосудию.

А. Баранникова подчёркивает, что требования к содержанию кассационных жалоб, представления и прилагаемых к ним документов реформированы в рамках процессуальной реформы аналогично соответствующим изменениям в апелляционном производстве и в гражданском процессе. Дополнительно, согласно п. 6 ч. 2 ст. 378 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), в кассационной жалобе, представлении нужно указывать основания обжалования постановлений суда с доводами, указывающими на нарушения, допущенные судами, аргументируя их ссылкой на нормативно-правовые акты и материалы дела. При этом если ранее действовавшая редакция указанной статьи ограничивала поводы для обжалования существенными нарушениями судами норм материального и процессуального права, повлиявшими на исход дела, то в настоящий момент обоснование подачи кассационной жалобы, представления несоответствием выводов суда, указанных в обжалуемом постановлении, обстоятельствам дела [2, с. 75]. Следовательно, возможно подача кассационной жалобы, если суд просто нарушил требования формальной логики, а не только процессуальные и материальные нормы.

Б. В. Мельник отмечает, что до 1 октября 2019 года обращение с кассационной жалобой, представлением в Президиум областного и равного ему суда не могло непосредственно повлечь рассмотрение дела по существу в кассационной инстанции в виду

существования единоличного судебного фильтра, что создало ограничение конституционного права на судебную защиту [5, с. 269]. Введение после процессуальной реформы института сплошной кассации в гражданском процессе способно значительно повлиять на систему исправления судебных ошибок, что приведёт к повышению уровня гарантированности допуска к правосудию, является продвижением на пути к унификации процессуального законодательства, к которому стремится законодатель. Однако деятельность судей кассационных судов общей юрисдикции усложнится, поскольку они будут вынуждены рассматривать большое количество дел, по этой причине высокая нагрузка может сказаться на качестве судебной защиты, что отразится на правах заинтересованных лиц. При большом количестве кассационных жалоб (представлений прокуроров) также возможно применение формального подхода к рассмотрению жалоб без тщательного изучения обстоятельств дела [5, с. 275].

Институт сплошной кассации подвергается критике не только в гражданском судопроизводстве, но и в уголовном. Стоит отметить, что сплошная кассация означает, что жалоба подаётся в суд на оспариваемое решение, и кассационное рассмотрение дела осуществляется без предварительного решения судьи кассационного суда о передаче жалобы в кассационную инстанцию для рассмотрения в судебном заседании. Эта конструкция похожа на апелляционный пересмотр дела. С одной стороны, облегчается возможность пересмотра судебного решения, с другой – несколько девальвируется принцип правовой определённости, поскольку исключительная стадия уголовного судопроизводства начинает приобретать характеристики обычной стадии судебного процесса [10]. Полагаем, что никакой судебной инстанции либо стадии судебного производства не стоит придавать характер исключительности, поскольку в первую очередь должны быть соблюдены интересы сторон и дело разрешено в рамках действующих процессуальной процедуры и правовых норм, с правильной логикой вынесения решения.

Институт сплошной кассации не предполагает, что будут рассмотрены любые кассационные жалобы, при их подаче требуется соблюсти определённые процессуальные требования. В соответствии с ч.ч. 1, 2 ст. 378 ГПК РФ [3] вопрос о принятии кассационной жалобы, представления к производству

кассационного суда общей юрисдикции решается судьёй единолично в срок 5 дней со дня их поступления с делом в суд кассационной инстанции. Если же кассационная жалоба или кассационное представление поданы без соблюдения требований, установленных ст.ст. 376-378 ГПК РФ, то судья или оставляет кассационную жалобу, представление без движения, или возвращает кассационную жалобу, представление в порядке, установленном ст.ст. 378.2 и 379.1 ГПК РФ.

В соответствии с п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» «направление или вручение другим лицам, участвующим в деле, копий кассационных жалобы, представления и приложенных к ним документов (ч. 6 ст. 378 ГПК РФ) может подтверждаться квитанцией об отправлении заказного письма, отчётом об отправлении письма на адрес электронной почты, указанный этими лицами и имеющийся в материалах дела, распиской и т.п., которые должны содержать сведения о том, какие именно документы были направлены другим лицам, участвующим в деле. Отсутствие в приложенных к жалобе документах копии доверенности или иного документа, удостоверяющего полномочия представителя, а также документа о наличии у представителя высшего юридического образования либо учёной степени по юридической специальности в случаях, предусмотренных статьёй 49 ГПК РФ, не является основанием для оставления жалобы без движения при наличии копий таких документов в материалах дела.

Если кассационная жалоба, представление поданы с нарушением требований, установленных статьёй 378 ГПК РФ, судья кассационного суда общей юрисдикции устанавливает срок для устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления их без движения (части 1 и 2 статьи 378.2 ГПК РФ).

При решении вопроса о продолжительности срока оставления кассационной жалобы, представления без движения следует учитывать время, необходимое для устранения упомянутых обстоятельств, а также время на отправку и доставку почтовой корреспонденции исходя из территориальной удалённости лиц,

участвующих в деле» [9]. Как видим, не предполагается рассмотрение любой жалобы по определению.

По этому поводу в литературе справедливо отмечается, что возбуждение кассационного производства по новым правилам осуществляется на основе принципа сплошной кассации, который заключается в представлении на рассмотрение всех поступающих кассационных представлений или жалоб, которые формально соответствуют требованиям, установленным ст. 378 ГПК РФ.

Можно с удовлетворением отметить, что в кассационном суде общей юрисдикции больше нет пресловутой стадии проверки, в ходе которой судья единолично, без информирования лиц, участвующих в деле, и без проведения слушания выносил решение об убедительности доводов жалобы (представления) и, если были доводы, не показавшиеся ему убедительными, то смог отказаться в передаче их для рассмотрения в кассационный суд. Указанный этап был лишён каких-либо процессуальных гарантий, указывающих на точность рассмотрения жалобы и защиту от судебного произвола, поскольку в действительности не было даже уверенности в том, что судьба жалобы каждый раз решалась судьёй, а не его помощником [4].

Поскольку судья кассационного суда не выносит решения по вопросу о том, есть ли основания для кассационного обжалования судебного акта суда низшей инстанции в кассационный суд для рассмотрения по существу, все жалобы подлежат рассмотрению. Подача кассационной жалобы в кассацию также изменила процедуру подачи жалобы в кассацию: она подаётся как в кассационный суд, так и в суд первой инстанции, который после проведения мероприятий по подготовке дела к рассмотрению судом, которые проводятся в течение трёх дней с даты поступления жалобы в суд, направляет кассационную жалобу, поданную вместе с делом в соответствующий кассационный суд (ч. 1 ст. 377 ГПК РФ).

Введение сплошной кассации и создание организационно обособленных кассационных судов общей юрисдикции от нижестоящих судов гарантировало большую независимость и объективность в процессе рассмотрения дел, пересмотра дела, снижению рисков регионального влияния на деятельность судей [4].

Как было отмечено, институт срока подачи кассационной жалобы в суд кассационной инстанции в гражданском, арбитражном и уголовном судопроизводстве урегулирован

различным образом. В соответствии с ч. 1 ст. 376 ГПК РФ «кассационная жалоба, представление могут быть поданы в кассационный суд общей юрисдикции в срок, не превышающий трёх месяцев со дня вступления в законную силу обжалуемого судебного постановления». Относительно арбитражного процесса стоит отметить следующее, согласно ч. 1 ст. 276 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) «кассационная жалоба может быть подана в срок, не превышающий двух месяцев со дня вступления в законную силу обжалуемых судебного приказа, решения, постановления арбитражного суда...» [1]. В свою очередь, наибольший срок кассационного обжалования предоставляется ч. 4 ст. 401.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: «Кассационная жалоба, представление, подлежащие рассмотрению в порядке, предусмотренном статьями 401.7 и 401.8 настоящего Кодекса, могут быть поданы в течение шести месяцев со дня вступления в законную силу приговора или иного итогового судебного решения, а для осужденного, содержащегося под стражей, – в тот же срок со дня вручения ему копии такого судебного решения, вступившего в законную силу» [11].

Из такой логики законодателя следует, что самыми сложными для рассмотрения являются уголовные дела, затем следуют гражданские, и самые лёгкие – дела, рассматриваемые в рамках арбитражного процесса, потому даётся больше времени для подачи кассационной жалобы в уголовном производстве. Однако это не так, в рамках любого судебного производства возможно рассмотрение дел различной степени сложности. Полагаем, что данный институт должен быть унифицирован.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, в рамках кассационного производства в судах кассационной инстанции необходима унификация положений о сроках подачи кассационной жалобы, представления.

По мнению автора, требуется создание дополнительного десятого суда кассационной инстанции общей юрисдикции по примеру арбитражных кассационных судов.

Разработаны следующие предложения по внесению изменений в гражданское процессуальное законодательство и арбитражное

процессуальное законодательство. Необходимо изложить ч. 1 ст. 276 АПК РФ и ч. 1 ст. 376.1 ГПК РФ в следующих редакциях:

«АПК РФ Статья 276. Срок подачи кассационной жалобы

1. Кассационная жалоба может быть подана в срок, не превышающий шести месяцев со дня вступления в законную силу обжалуемых судебного приказа, решения, постановления арбитражного суда, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом».

«ГПК РФ Статья 376.1. Срок подачи кассационной жалобы, представления

1. Кассационная жалоба, представление могут быть поданы в кассационный суд общей юрисдикции в срок, не превышающий шести месяцев со дня вступления в законную силу обжалуемого судебного постановления».

Список использованных источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022). – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 04.12.2022).

2. Баранникова, А. Новые правила апелляции и кассации в гражданском процессе / А. Баранникова. – Текст : непосредственный // Государство, право и правоприменительная практика: современные вызовы: Сборник научных трудов IX Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов Юридического института Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. Сер. «Трибуна молодых учёных» / под общей редакцией О. А. Заячковского. – Калининград, 2022. – С. 70-76.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022). – Текст : электронный. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=289442#08062585850630912> (дата обращения: 04.12.2022).

4. Кострова, Н. М. Производство в кассационном суде общей юрисдикции (первая кассация) / Н. М. Кострова, С. А. Абдулаева, М. Б. Гамзатов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 4. – Текст : электронный. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvo-v-kassatsionnom-sude-obschey-yurisdiktsii-pervaya-kassatsiya> (дата обращения: 04.12.2022).

5. Мельник, Б. В. Сплошная кассация в контексте процессуальной реформы гражданского процесса / Б. В. Мельник. – Текст : непосредственный // Modern Science. – 2021. – № 6-1. – С. 269-276.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019). – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312093/ (дата обращения: 04.12.2022).

7. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022). – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/14b20baeebed84df84822ba63c6bcd5a490a5305/ (дата обращения: 04.12.2022).

8. Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022). – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6510/fdc0651d2c042e18b995448bf15dcb655d2aa1c9/ (дата обращения: 04.12.2022).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». – Текст : электронный. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400837493/> (дата обращения: 04.12.2022).

10. Стельмах, В. Ю. Правовая природа кассационного пересмотра приговора, понятие сплошной и выборочной кассации / В. Ю. Стельмах // ЮП. – 2020. – № 3 (94). – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-kassatsionnogo-peresmotra-prigovora-ponyatie-sploshnoy-i-vyborochnoy-kassatsii> (дата обращения: 04.12.2022).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 21.11.2022). – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 04.12.2022).

УДК 347.78.04

DOI 10.5281/zenodo.10184905

ПРОБЛЕМАТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА НА АУДИОВИЗУАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

КРЮЧКОВА К. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского и
предпринимательского права,
ФГБОУВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье исследуются особенности правового статуса субъектов авторского права на аудиовизуальное произведение. Выделяются основные проблемы правового статуса субъектов авторского права на аудиовизуальное произведение, а также формируют предложения относительно решения выявленных проблем.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, правовой статус, субъекты авторского права, аудиовизуальное произведение

THE PROBLEM OF DETERMINING THE LEGAL STATUS OF COPYRIGHT SUBJECTS IN AN AUDIO-VISUAL WORK

KRIUCHKOVA K. A.,
Senior Lecturer of the Department of
Civil and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

Features of the legal status of subjects of copyright in the audiovisual work the study contains features of legal status of subjects of copyright in the audiovisual work. The study authors determine the basic problems of legal status of subjects of copyright in the audiovisual work and form proposals for solving the problems identified.

Keywords: intellectual property, copyright, legal status, the subjects of copyright, audiovisual work

Постановка задачи. Процесс производства и использования и защиты аудиовизуальных произведений имеет сложную правовую систему. Гражданско-правовые, трудовые и авторские

правоотношения, которые сопровождают процесс создания и использования аудиовизуальных произведений, тесно связаны между собой и требуют тщательного правового анализа. Особенностью является то, что каждый новый творческий проект является уникальным и характеризуется своими признаками. Один или группа сценаристов, использования ранее созданных объектов авторского права, режиссер и его полномочия, комбинация нескольких авторских правомочностей у одного лица, правоотношения с техническим персоналом и актерской группой и другие большие и мелкие детали в совокупности создают огромное количество вариаций, для которых невозможно произвести единственный алгоритм.

Актуальность. На сегодняшний день большое количество авторов выпускает различные аудио и видео произведения, используя при этом различные технические средства, музыкальные группы, а также другие различные механизмы. Зачастую, при сотрудничестве возникают споры по поводу принадлежности авторских прав на те или иные произведения.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематика правового статуса субъектов аудиовизуального произведения сегодня является довольно распространенной как среди учёных, так и среди практикующих юристов. Относительно этого в первую очередь следует назвать труды таких авторов, как: Анисимов А. П., Козлова М. Ю., Рыженков А. Я., Долинская В. В. И других.

Целью исследования является выявление особенностей гражданско-правовых отношений при участии субъектов авторского права на аудиовизуальное произведение на основе сравнительного анализа некоторых норм законодательства зарубежных стран и международных договоров, а также обобщения и формулировки предложений, направленных на совершенствование гражданско-правового регулирования отмеченных отношений и действующего законодательства в соответствии с общепринятыми мировыми стандартами.

Изложение основного материала исследования. Рассматривая тему правового регулирования отношений по поводу создания, использования и защиты аудиовизуального произведения, как объекта интеллектуальной собственности, следует обратить внимание на кинематографическое произведение, которое включает у себя аудиовизуальное произведение.

Кинематографическое произведение - это произведение любой длительности или произведение на любом носителе, в частности художественные кинематографические произведения, мультипликационные и документальные фильмы, который отвечает положениям, которые регулируют кинопроизводство и действует на территории каждой из соответствующих сторон, и предназначен для демонстрирования в кинотеатрах.

Кинематографическое произведение является сложным по своей природе объектом авторского права и включает ряд результатов интеллектуальной и творческой деятельности. Его составные элементы могут быть условно разделены на две группы: те, которые могут быть отделены от целого кинопроизведения, и объекты-элементы, которые отделяться от целого кинопроизведения не могут по своей природе.

Свойство самостоятельности объектов-элементов влияет на режим их использования. В случае, когда любой объект-элемент можно выделить из кинопроизведения и такое выделение части из целого позволяет его самостоятельное использование, тогда единственным владельцем прав интеллектуальной собственности на него должен считаться лишь его творец. Для установления другого режима при использовании этого составного элемента (использование не за основной целью, не для создания собственно кинофильма, а для другого приложения) необходимо признать договор как единственное основание для такого использования.

В исследовании уделяется внимание отдельному объекту кинематографического произведения, который может быть отделен от него, а именно – аудиовизуальному произведению.

Относительно субъектного состава прав на аудиовизуальное произведение Всемирная конвенция об авторском праве говорит, что авторами аудиовизуального произведения являются:

- а) режиссер-постановщик;
- б) автор сценария и(или) текстов, диалогов;
- в) автор специально созданного для аудиовизуального произведения музыкального произведения с текстом или без него;
- г) художник-постановщик;
- д) оператор-постановщик [1].

Кроме того, одно и то же физическое лицо может сочетать две или больше из приведенных авторских функций.

Определение авторов фильма содержится в различных международных нормативно-правовых актах, в которых отмечается, что автором фильма является физическое лицо, собственный труд которого определяет творческий замысел и(или) способы его реализации в фильме [2].

Также следует отметить, что направления творческой деятельности детализируются таким образом:

1) собственный труд физического лица должна определять творческий замысел;

2) собственный труд авторов должен определять способы реализации творческого замысла в фильме [3].

К первой группе авторов, которые определяют творческий замысел в аудиовизуальном произведении, можно отнести автора сценария и режиссёра-постановщика, а также художника-постановщика, которые уже воплощают творческий замысел в реальность.

Исходя из того, что аудиовизуальное произведение является результатом творческих совместных усилий всех работников, и в этом заключается сложность, которая обуславливает возникновение особенностей в установлении правового статуса субъектов, которые участвуют в его создании. Как следствие – надел этих субъектов определенными правами. При этом следует учитывать и то, что статус субъектов авторского права на аудиовизуальное произведение должен определяться определенными критериями:

1) характером творческих взносов;

2) основаниями возникновения права на аудиовизуальное произведение;

3) содержанием прав на аудиовизуальное произведение [4].

При анализе и сравнении норм законодательства зарубежных стран относительно аудиовизуального произведения можно выявить три подхода относительно выяснения круга лиц, которые считаются авторами этого произведения).

Первый подход заключается в установлении системы «авторского права на фильм», в соответствии с которой владельцем авторского права на фильм является его изготовитель (Великобритания, США) [5].

Второй подход заключается в установлении системы, в которой фильм рассматривается как общее произведение нескольких авторов, которые делают свой художественный взнос в

его создание. Эта система требует от изготовителя получения полномочий авторов фильма относительно использования их творческих взносов в созданный фильм (Российская Федерация) [6].

Третий подход заключается в отступлении прав на аудиовизуальное произведение по закону. Аудиовизуальное произведение при этом подходе признается общим произведением нескольких авторов, при этом законодательство предусматривает заключение договора изготовителя с авторами (Франция) [7].

Анализируя аудиовизуальное произведение как объект интеллектуальной собственности, которая состоит из нескольких элементов, следует обратить внимание на целесообразность применения традиционного института соавторства как совместной творческой деятельности субъектов аудиовизуального произведения.

Как правило, выделяются два вида соавторства: делимое и неделимое. При неделимом соавторстве его сущность заключается в общем труде двух или больше авторов, которая направлена на создание единственного произведения. В аудиовизуальной сфере все авторы, организаторы и производители тоже хотят создания единственного произведения. За своей целью неделимое соавторство и деятельность из создания аудиовизуального произведения сбегаются [7].

В то же время следует согласиться с Михайленко, что само по себе сочетание произведений в процессе их использования соавторства не создает. Если коллективное произведение представляет неделимое целое, то соавторам принадлежит лишь единственное неделимое авторское право на коллективное произведение. Если же коллективное произведение состоит из частей, которые имеют самостоятельное значение, то при отсутствии соглашения между соавторами каждый из них является носителем авторских прав на созданную им часть произведения. В этом случае авторское право каждого из соавторов на созданную им части коллективного произведения осуществляется им самостоятельно и независимо от других соавторов [8].

Применение практики зарубежных государств о неделимом соавторстве относительно аудиовизуальных произведений также не может быть применена. При неделимом соавторстве произведение представляет единственный неразрывный объект, части которого нельзя выделить из него, как единого целого, а также невозможно их использовать отдельно. В фильме, напротив, элементы, которые

входят в состав аудиовизуального произведения, могут использоваться отдельно от целого произведения. Поэтому применение традиционного института соавторства к аудиовизуальным произведениям не является оправданным и не отвечает сущности отношений, которые складываются в процессе их создания.

Как известно, кроме распределения исключительных прав интеллектуальной собственности на первобытные и производные, существует распределение их на первичные и вторичные. В отличие от распределения прав на первобытные и производные, где критерием такого распределения является зависимость прав от наличия предшественников, критерием распределения прав интеллектуальной собственности на аудиовизуальные произведения на первичные и вторичные является момент возникновения этих прав во времени. Возникновение первобытных и производных имущественных прав может хронологически не сбегаться. Например, при выполнении договора заказа на создание сценария или в случае съема аудиовизуального произведения штатным режиссером студии-производителя у заказчика и в студии возникают первичные имущественные права, но они являются производными от первобытного права авторства, поскольку в силу закона или договора хронологически возникают первыми именно у заказчика и работодателя. Все другие права, которые хронологически возникают как права интеллектуальной собственности после возникновения первичных, - вторичны [9].

Распределение прав интеллектуальной собственности на первобытные и производные, на первичные и вторичные имеет практическое значение. На этой системе базируются правоотношения по поводу экономического обороту исключительных (имущественных) прав на аудиовизуальное произведение.

Если первобытные права закрепляют авторство как предпосылку возникновения исключительных имущественных прав и являются статичными, то производные и вторичные права отображают динамику экономического обороту аудиовизуальных произведений и исключительных прав на них [10].

Существование соавторства в аудиовизуальной сфере невозможно потому, что для его возникновения необходим общий однородный творческий труд всех соавторов при создании однородного произведения искусства. Такой однородности при

создании аудиовизуального произведения не существует. При его создании рождается не однородный объект, а разноплановые произведения и другие результаты творческой деятельности, что органично входят в состав единственного, но другого объекта авторского права. Такое соучастие творцов разных видов искусств является коллективным творчеством, а произведение, рожденное таким сотрудничеством, является коллективным произведением.

Введение в законодательство понятия коллективного произведения способно решить вопрос относительно того, кому принадлежит авторское право на аудиовизуальное произведение в целом. Признание аудиовизуального произведения коллективным даст возможность установить авторское право на него в целом. Таким образом, авторами и первобытными владельцами авторских прав на аудиовизуальное произведение в целом станут его создатели.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. В отношениях, которые складываются по поводу использования отдельных составных элементов аудиовизуального произведения в других отраслях ведения хозяйства, вне данного аудиовизуального произведения, авторы этих элементов выступают самостоятельно, независимо от других творцов фильма. Таким образом, аудиовизуальное произведение как коллективное имеет единственного автора в виде коллектива авторов, который имеет личное и исключительное (имущественное) право на аудиовизуальное произведение в целом.

Список использованных источников

1. Анисимов А. П., Козлова М. Ю., Рыженков А. Я. Гражданское право. Особенная часть. Учебник для СПО. В 2-х томах. Том 1. - М. : Юрайт, 2019. - 352 с.
2. Аюшеева И. З., Богданова Е. Е., Булаевский Б. А. Гражданское право. Учебник. В 2 томах. Том 1. - М.: Проспект, 2020. - 440 с.
3. Белов В. А. Гражданское право. В 4 томах. Том 3. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы. В 2 книгах. Книга 1. Формы отношений принадлежности вещей. Учебник. - М. : Юрайт, 2017. - 320 с.
4. Булаевский Б. А. Гражданское право. Сроки. Исковая давность. Учебное пособие для бакалавров. - М. : Проспект, 2019. - 80 с.

5. Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Гражданское право. М.: Норма, Инфра - М., 2015. - 608 с.
6. Долинская В. В. Гражданское право. Основные положения. Учебное пособие. М.: Проспект, 2017. 112 с.
7. Карпычев М. В., Хужин А. М. Гражданское право. Учебник. В 2 томах. Том 2. - М. : Форум, Инфра-М, 2016. - 560 с.
8. Михайленко Е. М. Гражданское право. Общая часть. Учебник и практикум для вузов - М. : Юрайт, 2020. - 416 с.
9. Радько Т. Н. Основы гражданского права. Учебное пособие - М. : Проспект, 2016. - 16 с.
10. Юкша Я. А. Гражданское право. В 2 частях. Часть 2. Учебное пособие - М.: РИОР, 2018. - 232 с.

УДК 347.3

DOI 10.5281/zenodo.10185149

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

МАТЮШАЙТИСЬ Н. В.,

**канд. юрид. наук, доцент, доцент
кафедры административного права;**

ПИКЕЛЬНАЯ М. А.,

магистрант группы ЮРм-23з-1

кафедры гражданского и

предпринимательского права

ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,

Донецк, Донецкая Народная Республика,

Российская Федерация

В статье анализируется защита имущественных прав несовершеннолетних. Установлены имущественные права несовершеннолетних. Выявлены особенности распоряжения вкладом и денежными средствами несовершеннолетнего. Определены особенности наследования несовершеннолетними и заключения ими сделок с недвижимостью. Сформированы предложения по внесению изменений в гражданское и семейное законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: Донецк, ДНР, несовершеннолетние лица, имущественные права, имущественные интересы

PROTECTION PROPERTY RIGHTS OF MINORS

MATYUSHAITIS N.V.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the department of administrative law;

PIKELNAYA M. A.,
graduate student of the group YURm-23z-1
of the Department of Civil and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article analyzes the protection of property rights of minors. The property rights of minors are established. The peculiarities of disposition of the deposit and monetary funds of a minor are revealed. The peculiarities of inheritance by minors and conclusion of real estate transactions by them are determined. Proposals for amendments to the civil and family legislation of the Russian Federation are formed.

***Keywords:** Donetsk, DNR, minors, property rights, property interests*

Актуальность. На сегодняшний день проблема прав детей и их защиты стала одной из наиболее обсуждаемых в мировом контексте. Это обусловлено изменением семейных ценностей, возникновением вопросов о конфиденциальности усыновления и суррогатного материнства, ростом явления ранней эмансипации, а также усложнением гражданско-правовых отношений и многими другими факторами. Права несовершеннолетних становятся все более зависимыми от широкого спектра социально-политических факторов, и динамичные изменения во взглядах на семью и детство в мировом сообществе требуют пересмотра традиционных подходов, существовавших ранее.

Существующие нормы, регулирующие как имущественные, так и неимущественные права детей, не всегда соответствуют современным общественным отношениям. Судебная и правоприменительная практика указывает на то, что права детей, включая те, которые подпадают под юрисдикцию гражданского и семейного законодательства, по-прежнему нарушаются. Проблемой является отсутствие единообразия в применении норм семейного и гражданского права в вопросах обеспечения эффективной защиты имущественных прав детей, таких как право на доход, право на жилье, право на предпринимательскую деятельность и другие.

Постановка задачи. Государство признает детство значимым этапом в жизни человека и считает приоритетной государственную политику в интересах детей. Тем не менее, на данный момент, вопросы правового регулирования отношений, связанных с охраной и защитой имущественных прав детей, требуют глубокого исследования на новом уровне, учитывая практику применения современных семейных и жилищных законов. Некоторые аспекты, связанные с реализацией имущественных прав детей и механизмами их защиты, все еще нуждаются в должном законодательном урегулировании и научном обосновании.

Анализ последних исследований и публикаций. В научной литературе похожую проблематику в своих работах исследовали такие ученые и научные деятели, как Л.Н. Дегтярёва, Г.Г. Михалева, Б.Ю. Тихонова, С.Т. Гаврилов, А.В. Зыряева, В.И. Абрамов, Н.В. Витрук, Н.В. Бутылина и др.

Цель статьи заключается в анализе существующих правовых механизмов, а также в разработке рекомендаций и решений, направленных на укрепление и эффективную защиту имущественных интересов несовершеннолетних.

Изложение основного материала исследования. Существующее семейное законодательство не раскрывает определение имущественных интересов детей, что порождает разночтения в их интерпретации судами.

Согласно статье 60 СК РФ, ребенок имеет следующие имущественные права:

1. Право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи.
2. Право собственности на доходы, имущество, полученное в дар или наследство, а также на другое имущество, приобретенное за счет ребенка.
3. Право владения и пользования имуществом родителей при совместном проживании, при условии взаимного согласия ребенка и родителей [1].

Так, согласно ст. 60 СК РФ, ребенок имеет право на алименты. Деньги, выделяемые в качестве алиментов, считаются собственностью ребенка и должны использоваться на его нужды и образование. Эти средства передаются родителям или их заменяющим лицам (усыновителям, опекунам, попечителям, приемным родителям).

Соглашения о выплате алиментов на несовершеннолетних детей могут заключаться родителями, усыновителями или опекунами от имени детей, не достигших 14 лет, согласно ст. 99 СК РФ и ст. 28 ГК РФ [2].

В соответствии со ст. 60 СК РФ, ребенок имеет право на владение и пользование имуществом родителей при совместном проживании и при взаимном согласии.

Согласно ст. 842 ГК РФ, вклад в пользу несовершеннолетнего может вносить не только сам несовершеннолетний, но и другие лица. Права вкладчика возникают у несовершеннолетнего, как только он выражает намерение использовать эти права, например, предъявляя первый запрос в банке на основе этих прав.

Когда другие лица вносят вклад в пользу несовершеннолетнего, последний может впоследствии распоряжаться этими средствами в соответствии с условиями, установленными статьей 26 ГК РФ. Это означает, что несовершеннолетний может распоряжаться денежными средствами при наличии письменного согласия его законных представителей (родителей, усыновителей или опекунов) и только в случае, если условия договора между вкладчиком и банком позволяют это делать до достижения им совершеннолетия или признания полной дееспособности.

С началом специальной военной операции семьи участников специальной военной операции, в том числе несовершеннолетние дети, приобретают новые имущественные права. Согласно Указам Президента РФ В.В. Путина от 3 марта 2022 № 98, от 6 июня 2022 № 996 и Указу Министерства обороны РФ от 14 июля 2023 № 518, такие семьи в случае гибели участника специальной военной операции получают единовременные президентские выплаты.

При обсуждении вопросов компенсации участников специальной военной операции существует установленная система, в рамках которой назначенные средства распределяются между членами семьи. В этом случае, для несовершеннолетнего создается банковский счет на его имя, на который начисляются денежные средства, равные с другими членами семьи. Для распоряжения такими средствами, зачисленными на счет несовершеннолетнего до его совершеннолетия, требуется получить разрешение у органа опеки по месту регистрации несовершеннолетнего. Чтобы распорядиться средствами с таких счетов, необходимо

предоставить в орган опеки документы, подтверждающие сделку, не нарушающую права ребенка. Эти сделки могут включать в себя операции, связанные с приобретением долевой или частной собственности на имя несовершеннолетнего. Для подтверждения сделок с недвижимостью требуется подготовка нотариального предварительного договора о купле-продаже, в котором указываются сроки и условия сделки. Также допускаются банковские операции, такие как перевод средств на вклады, но без права снятия средств с таких счетов.

Выводя общую картину, можно сказать, что несовершеннолетний имеет возможность управлять своими финансами, включая право на распоряжение ими путем завещания, при условии соблюдения норм, регулирующих дееспособность несовершеннолетних, и с сохранением характера завещания как личной и независимой сделки, касающейся управления своим имуществом или его частью после смерти. На наш взгляд, следует рассмотреть возможность предоставления несовершеннолетним, достигшим 14 лет, права оформлять завещания в отношении имущества, которым они обладают и которым они имеют право управлять самостоятельно в соответствии с положениями статьи 26 ГК РФ.

Защита имущественных прав несовершеннолетних является важным аспектом семейного и гражданского законодательства. Сущность этой защиты заключается в обеспечении интересов и прав несовершеннолетних в отношении их имущества. Несовершеннолетние лица, как правило, не обладают полной дееспособностью и не могут защищать свои законные интересы самостоятельно [3, с. 77].

Законодательство Российской Федерации предоставляет механизмы для защиты имущественных прав несовершеннолетних, включая право на алименты, право на наследство, право на собственность, доходы и имущество. Эти права могут быть осуществлены через законных представителей несовершеннолетних, таких как родители, усыновители, опекуны, или другие лица, обязанные заботиться о благополучии ребенка. Защита имущественных прав несовершеннолетних также включает в себя установление правил и ограничений в отношении сделок, касающихся их имущества. Это направлено на предотвращение возможных злоупотреблений и защиту интересов

несовершеннолетних от нежелательных юридических последствий. Система защиты имущественных прав несовершеннолетних также предусматривает меры по учету и регулированию жилищных прав детей, устанавливая правила владения и пользования жильем, особенно в случае совместного проживания с родителями.

Так, например, имущественные интересы несовершеннолетних в контексте сделок, связанных с управлением недвижимым имуществом по условиям доверительного управления или опеки, а также сделок о продаже недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетним гражданам или гражданам, признанным ограниченно дееспособными, обязаны быть нотариально заверены. Это требование направлено на обеспечение дополнительной защиты интересов несовершеннолетних и лиц с ограниченной дееспособностью при осуществлении сделок с недвижимым имуществом [4, с. 86].

Согласно пункту 2 статьи 30 Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», сделки, связанные с управлением недвижимым имуществом по условиям доверительного управления или опеки, а также сделки о продаже недвижимого имущества, которое принадлежит несовершеннолетним гражданам или гражданам, признанным ограниченно дееспособными, обязаны быть нотариально заверены [5]. Это означает, что помимо согласия органов опеки и попечительства подобные сделки теперь также требуют нотариального удостоверения.

Исходя из судебной практики, в спорах, в которых участвуют несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, стороной в процессе обычно выступает их законный представитель. Это означает, что сами несовершеннолетние в процессе лишены процессуальных прав и, например, не могут подавать иски. Тем не менее, суд обязан учитывать мнение несовершеннолетних по рассматриваемым вопросам.

Анализ законодательства поддерживает идею признания несовершеннолетних стороной в гражданском процессе. В этом контексте законные представители могут давать согласие на определенные юридические заявления или действия. Следует также отметить, что суд может включать законных представителей в

процесс только по желанию, что подчеркивает независимость судебного разбирательства.

Однако существующая неоднозначность в институте законного представительства может вызвать и другие проблемы при рассмотрении гражданских дел. Например, если родители не достигают взаимного согласия по определенным вопросам, таким как заключение мирового соглашения или изменение предмета иска, возникают сложности. Родители, обладая равными родительскими правами, могут добиваться учета своей точки зрения, что может затруднить соблюдение интересов несовершеннолетних и потребовать юридической защиты.

Для разрешения этой проблемы предлагается предоставлять бесплатную юридическую помощь каждому несовершеннолетнему участнику гражданского процесса, независимо от участия законных представителей и органов опеки и попечительства. Это обеспечит надлежащую защиту и способствует справедливому разрешению споров. Финансирование такой юридической помощи может быть осуществлено из федерального бюджета.

Чтобы предотвратить возможные разногласия, было бы полезно представлять в процессе единые правовые позиции законных представителей. Этот шаг может дополнительно обеспечить права и законные интересы детей при рассмотрении гражданских дел. Судебная процедура в защите прав ребенка может характеризоваться положительными аспектами, такими как открытость и конфронтация в процессе, обязанность привлекать несовершеннолетних для участия в процессе после достижения ими 14 лет, а также широкий спектр вопросов, которые суд может решать в случае разрешения дел, связанных с семейными правами ребенка.

Примеры в этом контексте могут включать нормы жилищного законодательства [6], регулирующие передачу жилых помещений в собственность сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, а также правила приватизации жилых помещений и выселения лиц, лишенных родительских прав.

Статья 37 ГК РФ указывает на необходимость получения предварительного согласия органа опеки и попечительства при совершении сделок, связанных с отчуждением имущества несовершеннолетнего. Это считается дополнительным средством защиты прав несовершеннолетнего.

Отказ в выдаче разрешения на совершение сделки может быть обоснован только в случае, если сделка приводит к нарушению прав несовершеннолетнего. Оценка рыночной стоимости жилых помещений проводится специалистами департамента образования на основе экспертных оценок и данных о рынке недвижимости. Выдача разрешения создает правовые отношения, включающие административный орган (орган опеки и попечительства) с одной стороны и законных представителей ребенка (опекунов, попечителей, родителей) с другой стороны. Эти правовые отношения регулируются процедурой, в соответствии с которой родители (опекуны, попечители) выполняют свои обязанности (ст. 65 СК РФ, ст. 31 ГК РФ).

Если отказ в выдаче разрешения на сделку с имуществом несовершеннолетнего является незаконным или необоснованным, его можно обжаловать с помощью судебной процедуры, установленной ст. 255 ГПК РФ [7]. Однако решение суда о незаконности отказа в выдаче разрешения на сделку может быть вынесено только в случае, если сделка действительно нарушила имущественные права ребенка.

Согласно действующему законодательству, существуют определенные случаи, в которых можно отказаться от принадлежащих несовершеннолетнему имущественных прав, таких как право на участие в приватизации, наследование, предоставление права преимущественной покупки и право на получение имущества по договору дарения. Однако при даче согласия законным представителям ребенка, орган опеки и попечительства должен учитывать наилучшее обеспечение интересов ребенка. Например, согласие на отказ от права наследования несовершеннолетним может быть оправданным и законным, если долги наследодателя превышают стоимость наследственного имущества. Аналогичные ситуации могут возникать и при дарении имущества [8, с. 73].

Спорным остается вопрос о возможности дачи согласия органом опеки и попечительства на отказ от участия несовершеннолетнего в приватизации жилых помещений. В таких случаях несовершеннолетний не становится владельцем жилых помещений, и такой отказ, учитывая значительную стоимость и социальное значение жилья, как правило, не соответствует интересам ребенка.

Существует также вопрос о том, может ли отказ от имущественного права несовершеннолетнего осуществляться при наличии встречных имущественных компенсаций. Например, можно ли отказаться от участия несовершеннолетнего в приватизации, при условии передачи ему права собственности на другое жилое помещение, или можно ли отказаться от наследства, если ребенку выплачивается денежная компенсация [9, с. 107]. Согласно статье 1158 ГК РФ, отказ от наследства с оговорками или под условием не допускается.

Отдельное внимание требует вопрос отказа от преимущественного права покупки, который представляет собой отказ от приобретения ребенком имущества по возмездной сделке. В таком случае законные представители ребенка должны решить, необходимо ли изменять его имущественные права. При этом роль органа опеки и попечительства в таких случаях остается неясной, поскольку они должны давать согласие законным представителям ребенка на отказ от этого права.

На практике возникают проблемы, когда родители, отказываясь от преимущественного права покупки от имени ребенка, не обращаются в органы опеки и попечительства для получения соответствующего согласия. Поскольку такое согласие выдается только законным представителям ребенка, другим сторонам сделки, например, продавцам или покупателям, оно не может быть предоставлено. В то же время регистрирующий орган, согласно инструкции, не может осуществить государственную регистрацию сделки и передачу права собственности.

Выводом из этой ситуации может быть обращение в орган опеки и попечительства с просьбой о выдаче заключения о том, нарушаются ли права несовершеннолетнего при совершении сделки, или обращение в суд с заявлением о необходимости регистрации сделки и права собственности. В этом случае орган опеки и попечительства должен быть вовлечен в судебное заседание и дать вышеуказанное заключение.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Защита имущественных прав несовершеннолетних является важным аспектом семейного и гражданского права, направленным на обеспечение их интересов и благополучия. В современном законодательстве Российской Федерации установлены четкие

правила и механизмы для обеспечения этой защиты. Защита включает в себя обязательное нотариальное заверение сделок с недвижимостью, прозрачные условия для доверительного управления или опеки над имуществом несовершеннолетних, а также учет интересов ребенка при рассмотрении согласия на сделки, которые могут повлиять на его имущественные права.

Защита имущественных прав несовершеннолетних способствует предотвращению возможных злоупотреблений, обеспечивает соблюдение законных процедур и правил при совершении сделок с их участием. Эта защита направлена на обеспечение благополучия и будущего несовершеннолетних граждан, сохранение их имущества, а также создание надежных правовых механизмов для защиты их интересов в сфере недвижимости и наследства.

Для улучшения механизма защиты имущественных прав несовершеннолетних предлагается внести следующие изменения в законодательство Российской Федерации:

- Введение судебного и административного порядка защиты нарушенных прав, что включает установление механизма, позволяющего детям обращаться в суд и выступать в качестве инициаторов судебных разбирательств, обеспечивая им доступ к судебной защите.

- Обеспечение бесплатного юридического сопровождения для всех несовершеннолетних участников гражданского процесса, независимо от присутствия законных представителей и органов опеки. Это поможет гарантировать качественную защиту и обеспечение их интересов.

- Установление структуры, порядка и принципов деятельности органов опеки и попечительства на федеральном уровне, включая их функции, права, обязанности и ответственность, а также определение сроков и форм принятия решений по сделкам с жилой недвижимостью, в которых участвуют несовершеннолетние.

- Внесение изменений в гражданское законодательство, устанавливающее обязательные условия в договорах продажи жилой недвижимости, которые учитывают право пользования этой недвижимостью несовершеннолетними лицами, сохраняющими право пользования в соответствии с законодательством.

Эти предложения направлены на обеспечение более эффективной и надежной защиты имущественных прав несовершеннолетних, предотвращение возможных злоупотреблений и обеспечение их законных интересов в области сделок с недвижимостью и наследства.

Список использованных источников

1. Семейный кодекс Российской Федерации: принят 29 декабря 1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 1 января. – № 1. – Ст. 16.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Игнатьева, С.В. К вопросу о защите имущественных прав несовершеннолетних / С. В. Игнатьева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – №1 (85). – С. 76-80.

4. Аблятипова, Н.А. Защита имущественных прав несовершеннолетних: анализ системности правоприменительной практики / Н. А. Аблятипова // Legal Concept. – 2022. – №1. – С. 84-90.

5. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федеральный закон Российской Федерации от 21.07.1997 № 122-ФЗ [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15287/ (дата обращения: 25.10.2023). – Загл. с экрана.

6. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – №1. – Ст. 14.

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.11.2002. – № 46. – ст. 4532.

8. Ткачева, О. С. Имущественные права несовершеннолетнего (ребёнка) как понятие гражданского и семейного права / О. С. Ткачева // Государственная служба и кадры. – 2016. – № 4. – С. 73.

9. Серебрякова, А.А. Защита имущественных прав детей / А. А. Серебрякова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 2/1. – С. 105-110.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ВОЕННО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОСУДАРСТВА

САЕНКО Б. Е.,
канд. экон. наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского и
предпринимательского права;

НИКИТИНА З. А.,
преподаватель кафедры гражданского и
предпринимательского права
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Рассмотрены соотношение экономики и военно-экономического потенциала, их место и роль в военной мощи страны. Определены правовые аспекты военно-экономического потенциала, пути и способы его обеспечения и реализации с использованием правового механизма.

Ключевые слова: право, закон, экономика, военно-экономический потенциал, военная мощь, государство, правовой механизм

LEGAL ASPECTS OF THE THEORY OF THE MILITARY- ECONOMIC POTENTIAL OF THE STATE

SAENKO B. E.,
Candidate of Economic Sciences, Associate
Professor, Head of the Department of Civil and
Business Law;

NIKITINA Z. A.,
Lecturer of the Department of Civil and
Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The correlation of economy and military-economic potential, their place and role in the military power of the country are considered. The legal aspects of the military-economic potential, ways and means of its provision and implementation using the legal mechanism are determined.

Keywords: law, law, economy, military-economic potential, military power, state, legal mechanism

Актуальность. Военная мощь во многом определяется эффективностью использования материально-технических, финансовых, людских ресурсов, в совокупности составляющих основу военно-экономического потенциала. В свою очередь эффективное использование военно-экономического потенциала в условиях активных боевых действий невозможно без соответствующего правового обеспечения и регулирования.

Постановка задачи. Смешанная модель экономики, опирающаяся на законодательно закрепленные, равные в правовом отношении формы собственности (частную, государственную, муниципальную и др.) в военных условиях неизбежно приобретает количественные и качественные изменения, как с точки зрения общего увеличения военных расходов, так и с точки зрения распределения ВВП страны между секторами экономики, повышением управляющей роли государства. Вместе с тем, решение военно-экономических вопросов предполагает участие негосударственного сектора, который способен, при поддержке государства, оперативно и качественно наладить производство материально-технической продукции с целью удовлетворения военно-экономических потребностей. Исходя из этого, основной задачей исследования является поиск правового механизма оптимизации участия государственного и негосударственного секторов в создании и укреплении военно-экономического потенциала страны.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы, связанные с темой данного исследования, изучались и продолжают изучаться авторами-представителями экономической, юридической, военной и других наук, такими как Н.А. Вознесенский, С.Ф. Викулов, А.Ф. Габитов, А.И. Пожаров, О.Ю. Ефремов, А.М. Кушнир, С.М. Ермаков, В.П. Хорев и др. Однако в современной литературе крайне редко встречаются публикации, связанные с правовыми аспектами создания и эффективной реализации экономического потенциала.

Цель данной научной статьи состоит в исследовании правовых аспектов теории военно-экономического потенциала страны.

Оборонная мощь государства опирается на экономический потенциал только в том случае, если он практически используется для удовлетворения материальных потребностей вооруженных сил и экономического обеспечения войны в целом.

Для создания и поддержания на необходимом уровне военной мощи (обороноспособности) государство отвлекает на военные

цели определенную часть своего экономического потенциала. Та его часть, которая предназначена для покрытия военных нужд государства, и составляет военно-экономический потенциал.

Военно-экономический потенциал, будучи элементом оборонного потенциала государства, одновременно является особой составной частью его экономического потенциала.

Как составная часть экономического потенциала, военно-экономический потенциал характеризуется в целом однопорядковой с ним структурой. Но одни и те же их структурообразующие элементы различаются между собой по выполняемым общественным функциям. Слагаемые военно-экономического потенциала имеют специфическую – военную функциональную предназначенность. Они участвуют в производстве военной продукции и оказании услуг, в создании экономических основ военной мощи, реализуются в процессе материального обеспечения подготовки ведения войны, вооруженной борьбы в особенности.

Среди структурных элементов военно-экономического потенциала главное место принадлежит **производственному потенциалу страны**. Речь идет о той его части, которая используется или может быть привлечена для изготовления боевой техники, оружия, боеприпасов, и другой продукции военного назначения. Ядром военно-производственного потенциала страны является ее **военно-промышленный потенциал**. *Военно-промышленный потенциал представляет собой возможность отраслей военной и базовой индустрии производить в условиях данного общественно-политического строя государства продукцию военного назначения, необходимую для удовлетворения потребностей вооруженных сил и военной экономики, как в мирное, так и особенно в военное время.* В век механизированных армий, оснащенных современной боевой техникой и оружием, уровень развития военно-промышленного потенциала, при прочих разных условиях, определяет величину военно-экономического потенциала и общую военную (оборонную) мощь государства.

Ключевым звеном военно-промышленного потенциала, основой развертывания всей военной экономики служит **военная (оборонная) промышленность**. Ее современный уровень и структура таковы, что не каждое, даже крупное государство в состоянии развивать весь сложный комплекс входящих в военную индустрию отраслей. Военная промышленность США и их основных союзников по агрессивному блоку НАТО располагает

мощной совокупностью как новых, так и традиционных отраслей. Что заставляет Россию поддерживать все взаимосвязанные отрасли своей оборонной промышленности на уровне с современным.

При очевидной важности промышленности, сельского хозяйства, транспорта – каждого в отдельности и всей совокупности материально-производственных элементов военно-экономического потенциала его решающей движущей силой служат **кадры рабочих, инженерно-технических и научных работников**, которые заняты и могут быть заняты в военной экономике.

Следовательно, решающим слагаемым военно-экономического потенциала, всей военной (оборонной) мощи государства являются его **трудовые ресурсы**. Важно как их количество, так (что особенно ценно в условиях научно-технического прогресса) и их качество, мастерство и знания работников, их сознательное отношение к труду на оборону.

В современных условиях военная (оборонная) мощь определяется совокупностью, единством и взаимосвязью экономических, научно-технических, политических, социальных, моральных и собственно военных возможностей и эффективностью их использования государством.

Изложение основного материала исследования. Проблема эффективности использования военно-экономического потенциала возникает из противоречия между постоянно увеличивающимися потребностями армии в современном вооружении, военной технике и других материальных средствах и ограниченными ресурсами государства по их постоянному наращиванию. В таких условиях чрезмерное увеличение военных расходов нецелесообразно, так как это сокращает долю ресурсов для решения других задач, прежде всего социальных. С другой стороны, уменьшение военных расходов ниже необходимого уровня также недопустимо, так как снижает боеспособность вооруженных сил государства. Поэтому основной путь разрешения данного противоречия – повышение эффективности использования средств, выделяемых на военные нужды. Например, на современном этапе экономика США, являющаяся самой крупной в мире, превосходит экономику РФ по ВВП в текущих ценах в 1980-2024 г. более чем в 12 раз (20,580 трлн. долл. против 1,657 трлн. долл.) [1]. Аналогичная картина наблюдается и в объеме военных расходов 2021 года: США – 801,0 млрд. долл. (1-е место в мире), РФ – 65,9 млрд. долл. (5-е место в

мире) [2]. Несмотря на многократное превосходство в объеме экономики, военных расходах США и возглавляемого ими блока НАТО, с учетом стран-сателлитов, таких как Грузия, Молдавия, Украина и др., Российская Федерация по уровню военной мощи не уступает, а по отдельным направлениям, прежде всего в современном ракетно-ядерном вооружении, воздушно-космическом и военно-морском компонентах превосходит боеспособность США и подконтрольных им государств. Такое положение достигнуто за счет рационального, экономного и эффективного использования всех видов ресурсов исходя из реальных возможностей государства. Целенаправленная, планомерная деятельность по повышению обороноспособности Российской Федерации продолжалась в течение 2000-2023 гг., параллельно с решением других общественно значимых задач. Как показала практика, достигнутая военная мощь явилась главным аргументом гарантий национальных интересов России и стран ОДКБ в военно-политическом и экономическом противостоянии с коллективным Западом во главе с США.

Проводимая Российской Федерацией специальная военная операция по освобождению Донбасса, демилитаризации и денацификации Украины требует изучения правовых особенностей её экономического обеспечения. Основной из них является то, что Украина, в нарушение практически всех норм международного права, получает практически неограниченную военно-техническую и финансовую помощь со стороны США и стран Запада, заинтересованных в использовании Украины для нанесения как можно большего ущерба России и её союзникам.

К особенностям следует отнести политику экономических санкций и блокады, проводимую Западом и подчиненными ему странами, в том числе Украиной, по отношению к РФ и её союзникам, практически постоянно, а после 2014 года – с максимальной активностью.

Еще одной особенностью является стремление со стороны Запада к торгово-экономической, валютно-финансовой, политико-правовой изоляции России и союзных государств путем исключения их из международных организаций и сообществ с целью нанесения как можно больших социально-экономических потерь. Так, в западных банках без всяких правовых оснований заморожены 300 млрд. долл. золотовалютных резервов РФ. Также к особенностям следует отнести действия Запада и его сателлитов,

направленные на подрыв внутренних устоев государственности в РФ, с помощью прямых и скрытых способов дискредитации внутренней политики действующей власти, внесения раскола между государственным руководством и гражданским обществом путем искажения истинных целей и задач специальной военной операции, попытками представить её как главную причину роста цен, общего снижения доходов населения. Подрывная деятельность имеет масштабный характер, осуществляется постоянно, целенаправленно на конкретные социально-экономические группы, в том числе на военный сектор экономики.

Наконец, особенностью экономического обеспечения специальной военной операции является существенное ослабление возможностей ДНР и ЛНР вследствие разрушения значительной части производственных мощностей и всех видов инфраструктуры, массового оттока высококвалифицированных кадров. Так, по сравнению с 2013 годом в 2021 году производство в Донецкой и Луганской Народных Республиках (частях бывших Донецкой и Луганской областей Украины) упало почти в девять раз, население сократилось, соответственно, с 4,5 млн. чел. и 2,3 млн. чел. до 2,2 млн. чел. и 1,4 млн. чел. После вхождения в Россию на восстановление Республик за три года, по предварительным расчётам, надо будет потратить 1,5 трлн. руб., не считая другой финансовой помощи [3].

Перечисленные выше особенности лишь частично отражают более широкую картину экономического обеспечения обороноспособности РФ и вновь присоединенных территорий ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей. Хотя и существенно влияют на теоретические и практические аспекты реализации военно-экономического потенциала государства. Вместе с тем, многие вопросы, например, такие как определение величины военно-экономического потенциала, правовые способы его регулирования в условиях смешанной экономики, основанной на разных формах собственности, требуют обсуждения и решения.

В теории военно-экономический потенциал представляет собой определенную часть экономического потенциала, которая предназначается для покрытия военных нужд государства. Определение понятия военно-экономического потенциала варьируется в некоторых аспектах разными авторами, но в общем виде может быть принято в достаточно устоявшейся редакции: *«военно-экономический потенциал – это совокупность*

материальных, трудовых и финансовых ресурсов, которые используются и могут быть использованы для удовлетворения военно-экономических потребностей государства, создания его военной мощи (обороноспособности)» [4, с. 57].

Авторы считают, наряду с другими способами, необходима разработка правового механизма создания и эффективной реализации военно-экономического потенциала, в котором ведущую роль будет играть государственное планирование и регулирование с законодательно определенным статусом. Примером такого регулирования является создание Военно-промышленной комиссии Российской Федерации (ВПК России) - постоянно действующего органа, образованного в целях организации государственной политики в сфере оборонно-промышленного комплекса, военно-технического обеспечения обороны страны, безопасности государства и правоохранительной деятельности во главе с Президентом РФ [5].

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок.

1. Военно-экономический потенциал является одним из основных элементов обороноспособности страны, укрепления мощи Вооруженных Сил. Исследование его составляющих, определение путей и способов эффективного использования в современной войне является приоритетной теоретической и практической задачей.

2. Необходимым условием создания и реализации военно-экономического потенциала является правовой механизм, в котором должны присутствовать как обязательные и дополнительные элементы, законодательно установленные государством для хозяйствующих субъектов всех форм собственности, так и факультативные элементы, стимулирующие и поощряющие добровольное участие общественных движений и объединений граждан, предпринимательского сообщества в укреплении обороноспособности страны. На наш взгляд, проблема правового механизма создания и реализации военно-экономического потенциала государства заслуживает дальнейшей, более глубокой разработки с целью внесения конкретных практических предложений и рекомендаций. В данном исследовании намечены лишь общие контуры правовой составляющей военно-экономического потенциала государства.

Список использованных источников

1. Рейтинг стран мира по ВВП в текущих ценах в 1980-2023 гг. – Текст : электронный – URL: <https://businessforecast.by/partners/rejting-stran-mira>.
2. Список стран по военным расходам за 2021 год по данным SIPRI Fact Sheet – Текст : электронный. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_военным_расходам.
3. Адамович, А. От битвы на реке Калке до штурма Мариуполя / А. Адамович. – Текст : непосредственный // Комсомольская правда. – 2022. – 12 апр. – № 38 (27445). – С. 7.
4. Военная экономика: актуальные проблемы общей теории : учебное пособие / под. общ. ред. проф. К.И. Спидченко. – М.: ВПА им. В.И. Ленина, 1989. – 234с. – Текст : непосредственный.
5. О создании Военно-промышленной комиссии Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 сентября 2014 г. № 627 – Текст : электронный. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38862>.

УДК 347.45

DOI 10.5281/zenodo.10200016

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ФРАНЧАЙЗИНГА (КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ)

СИРЕНКО Б. Н.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права;

СТРЕЛЬЦОВА Н. Л.,
канд. экон. наук,
доцент кафедры гражданского и
предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов правового регулирования договора франчайзинга (коммерческой концессии). Автором были проанализированы отдельные пробелы и недостатки указанного договора с учётом положений Гражданского кодекса Российской

Федерации, а также предложены способы разрешения выявленных проблем.

Ключевые слова: договор, гражданско-правовой договор, коммерческая концессия, франчайзинг, франчайзи, франчайзер

SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF A FRANCHISING AGREEMENT (COMMERCIAL CONCESSION)

SIRENKO B. N.,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of
Civil and Business Law;

STRELTSOVA N. L.,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of
Civil and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article is devoted to the consideration of some aspects of the legal regulation of the franchise agreement (commercial concession). The author analyzed some gaps and shortcomings of the specified contract, taking into account the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, and also proposed ways to resolve the identified problems.

Keywords: contract, civil contract, commercial concession, franchising, franchisee, franchisor

Постановка задачи. В последние годы важная роль в экономиках многих развитых и развивающихся стран принадлежит институту франчайзинга, который опосредуется заключением соответствующего договора. В ст. IV.E.-4:101 Модельных правил европейского частного права 2009 г. под франчайзингом понимается договор, в силу которого одна сторона (франчайзер) предоставляет другой стороне (франчайзи) право на осуществление, за вознаграждение, предпринимательской деятельности (франчайзинг) в рамках франчайзинговой сети с целью предоставления определённого продукта в интересах и от имени франчайзи, а франчайзи, в свою очередь, имеет право и обязан использовать фирменное наименование и товарный знак, иные интеллектуальные права, ноу-хау и способ организации деятельности франчайзера [1]. Наименование «франчайзинг» анализируемый договор получил в юридической лексике. Само же

это понятие произошло от английского слова franchise – «особая привилегия» или «наименование» [2, с. 473].

Франчайзинг широко применяется в различных отраслях предпринимательства, в частности в автомобильной промышленности, туризме и гостиничном хозяйстве, строительстве, общественном питании, оптовой и розничной торговле и многих других.

Обзор последних исследований и публикаций. Отдельным аспектам проблематики договора франчайзинга уделяли внимание многие учёные, среди которых: А. Ф. Багдасарян, Д. С. Бондаренко, Е. Н. Васильева, Е. В. Грисько, Е. Л. Давыдова, А. А. Еремин, Д. С. Камолкин, Н. В. Месяшная, О. А. Орлова, А. С. Райников, С. А. Сосна и др., но вопрос правового регулирования договора франчайзинга (коммерческой концессии) в современных условиях становления и развития Донецкой Народной Республики как субъекта Российской Федерации должным образом не раскрыт, что и обосновывает актуальность, своевременность и важность настоящей работы.

Актуальность статьи. Для России и стран СНГ франчайзинг представляет собой всё ещё неустоявшийся и до конца изученный институт (появился в начале 1990-х годов), популярность которого с каждым годом только возрастает. А учитывая обстановку, сложившуюся в настоящее время в мире, по нашему мнению, он (институт франчайзинга) может стать одним из наиболее перспективных направлений для комплексного исследования и изучения в рамках отечественной цивилистической мысли, поскольку грамотное и правильное использование всех преимуществ договора коммерческой концессии поспособствует скорейшему преодолению ряда проблем как правового, так и экономического характера.

Цель статьи заключается в исследовании правового регулирования договора франчайзинга (коммерческой концессии), выявлении проблем его правоприменения и поиске путей их разрешения.

Изложение основного материала исследования. Анализируя сложившуюся на протяжении последних лет экономическую ситуацию в России, представляется возможным констатировать, что такое явление, как франчайзинг, положительным образом сказывается как на малом, так и на среднем бизнесе: планы у многих сограждан сводятся к открытию «своего дела» с целью

получения стабильного дохода. Стоит также обратить внимание, что предпринимательство, в большинстве случаев, повышает социальный статус и достаток лица, получившего статус предпринимателя, что, в свою очередь, положительным образом сказывается на развитии государства (в первую очередь, на пополнении бюджетной системы средствами взимания, налогов, сборов и других обязательных платежей). В это время в России постоянно увеличивается численность среднего класса, что отражается на структуре ВВП [3, с. 51].

Согласно статистике, общая ситуация с франшизами в России представляет собой: 2007 год – 400 франшиз; 2011 год – 700; 2015 год – 1 450; 2019 год – 2 250; 2021 год – 2 780; 2022 год – 3 095. В соответствии с медиаресурсом franshiza.ru, по состоянию на начало 2023 года в России насчитывается 3 249 франшиз [4].

Таким образом, по количеству франшиз за 2022 год рынок франчайзинга демонстрирует своё увеличение на 5 %. При этом стоит отметить, что в 2022 году по причине санкционного давления на Россию, около 280 франчайзинговых сетей свернули свою деятельность на её территории, что на 70 % больше, чем в 2021 году. В это число входят как международные сети (к примеру, DIM, Levi's, NYX Cosmetic), так и российские компании.

Стоит также упразднить стереотип относительно того, что большинство франшиз в нашей стране представляют собой американский фаст-фуд и прочие рестораны быстрого питания. По данным вышеупомянутого ресурса, в России 24 % франшиз – это общественное питание, большее число франшиз – 49 % – у компаний, оказывающих услуги бизнесу и населению.

Важно отметить, что не только в Россию «приезжают» иностранные компании со своими товарными знаками, но и ряд российских продаёт за рубежом своё наименование. Преимущественно, покупателями российской франшизы выступают страны СНГ, в частности Казахстан, Узбекистан, Беларусь. Кроме того, осуществляется сотрудничество с некоторыми другими государствами, как Европы, так и Ближнего Востока.

В действующем гражданском законодательстве вместо термина «франчайзинг» используется понятие «коммерческая концессия», что получило законодательное закрепление в главе 54 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [5].

Со времени появления термина «коммерческая концессия» в

ч. 2 ГК РФ в отечественной правовой науке ведётся дискуссия о соотношении понятий «франчайзинг» и «коммерческая концессия». При этом большинство отечественных исследователей признают понятия «договор франчайзинга» и «договор коммерческой концессии» равнозначными [6; 7].

Как отмечает В. В. Витрянский, при подготовке ГК РФ понятие «коммерческая концессия» было использовано как наиболее соответствующее по смыслу английскому «franchising», которое не имеет ничего общего с концессионными и иными аналогичными соглашениями [6, с. 977].

Вместе с тем в литературе высказываются и иные мнения [8, с. 8; 9, с. 4]. Так, С. А. Сосна и Е. Н. Васильева считают, что название гл. 54 ГК РФ не отвечает её содержанию. По их мнению, заголовок соответствует другому виду договора, под которым понимается даже не торгово-распределительный франчайзинг, а договор о предоставлении исключительного права на продажу, тогда как содержание гл. 54 ГК РФ отвечает самым современным представлениям о франчайзинге и рассчитано на регулирование всех его видов – торгово-распределительного, сервисного, производственного [10, с. 228]. По нашему мнению, с такой позицией следует согласиться.

В соответствии с определением договора коммерческой концессии, содержащимся в п. 1 ст. 1 027 ГК РФ, его предметом выступает передача принадлежащего правообладателю комплекса исключительных прав, включающих право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау). Договор коммерческой концессии предусматривает также использование деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя (п. 2 ст. 1 027 ГК РФ) [5].

Комплекс исключительных прав, передаваемых по договору коммерческой концессии, является одним из конституирующих признаков рассматриваемого договора. По мнению О. А. Орловой, ГК РФ не определяет конкретный перечень и объём использования комплекса исключительных прав, передаваемых по договору, оставляя решение этого вопроса на усмотрение сторон. Имеет место точка зрения, что по договору коммерческой концессии возможна передача только одного какого-либо исключительного права [11, с. 632].

Подобная позиция представляется О. А. Орловой спорной, поскольку «...именно передача исключительных прав в комплексе отличает договор коммерческой концессии от других видов гражданско-правовых договоров» [12, с. 73]. Аналогичного мнения придерживается также Е. Л. Давыдова [13, с. 55].

Следует отметить, что в законодательстве ряда зарубежных стран предусмотрены правила относительно обязательности преддоговорного раскрытия определённой законом информации, касающейся франчайзера и его деятельности. В российском законодательстве подобные положения в настоящее время отсутствуют.

Помимо предоставления комплекса исключительных прав существенным условием договора франчайзинга, не получившим отражения в ГК РФ, на наш взгляд, должно являться предоставление франчайзером услуг, связанных с введением франчайзи в сферу предпринимательской деятельности франчайзера и сопровождением деятельности франчайзи в процессе её осуществления. Согласно п. 1 ст. 1031 ГК РФ, к таким услугам относятся: предоставление франчайзером технической и коммерческой документации, а также иной информации (включая инструктаж), необходимой пользователю для осуществления прав, предоставленных ему по договору коммерческой концессии.

Указанные нормы предлагается отразить в определении договора в ст. 1027 ГК РФ и п. 1 ст. 1031 ГК РФ.

Одной из проблем, с которой может столкнуться правоприменитель, является недостаточное определение обязанностей правообладателя нормами гражданского законодательства (ст. 1031 ГК РФ [5]). Фактически, законодатель, подразделяя обязанности правообладателя на императивные и диспозитивные, в действительности наделяет его лишь обязанностями, которые носят информационный характер.

С точки зрения логики и мирового опыта в сфере франчайзинговых отношений, а также уже существующей практики заключения договоров коммерческой концессии на территории Российской Федерации, было бы целесообразным закрепить объём прав, которые правообладатель обязан передать пользователю, чётко конкретизировав их.

Исследователь А. Ф. Багдасарян считает, что необходимо внести изменения в нормы действующего гражданского законодательства относительно коммерческой концессии с целью

развития франчайзинговых договорных отношений в стране и закреплению прав пользователя. В частности, он высказывает позицию о необходимости установления обязательного принципа, на котором можно построить оптимальные франчайзинговые отношения в современном российском обществе. А именно – обязанность франчайзера предоставлять информацию, раскрывая её ещё на преддоговорном этапе заключения договора между сторонами. А для того чтобы такая обязанность была соблюдена, целесообразно поставить условие о невозможности заключения договора франчайзинга без соблюдения указанного принципа [14, с. 69-78].

По нашему мнению, такое предложение является весьма логичным, и законодателю целесообразно на него обратить должное внимание, поскольку указанный принцип позволит защитить права и интересы участников гражданских правоотношений.

Отметим, что одной из сложностей реализации договора франчайзинга на современном этапе развития гражданского законодательства является фактическое отсутствие в нём норм, которые бы регламентировали отношения между пользователем и правообладателем ещё на преддоговорном этапе. А, следовательно, права франчайзи изначально ущемлены ещё до момента подписания им договора.

Одна из проблем, по нашему мнению, состоит в допущенной законодателем непоследовательности в вопросе изложения формулировки пункта 2 статьи 1 035 ГК РФ, регуливающей преимущественное право заключения договора коммерческой концессии на новый срок.

Согласно анализируемой норме, пользователь, надлежаще исполнявший свои обязанности, имеет преимущественное право на заключение договора на новый срок. При этом, если правообладатель отказал пользователю в заключении договора на новый срок, но в течении одного года со дня истечения срока договора с ним заключил с другим лицом договор коммерческой концессии, по которому предоставлены те же права и на тех же условиях, пользователь вправе потребовать, по своему выбору, в суде перевода на себя прав и обязанностей по заключённому договору и возмещения убытков или только возмещение таких убытков.

В этом случае мы подвергаем критике фразу «на тех же условиях», которая означает, что если правообладатель в договоре установил цену больше или меньше (хотя бы на один рубль), то это уже другие условия, а, значит, бывший пользователь не имеет права ничего требовать. Указанное положение было бы уместнее сформулировать, используя типовую конструкцию, имеющую место в статьях 621 (аренда) или 684 (наём жилого помещения) ГК РФ, где употребляется фраза «если правообладатель заключил договор с другим лицом» [15, с. 16-21].

По нашему мнению, существующий вариант построения рассматриваемого положения негативно сказывается, в первую очередь, на российских пользователях франшизы и предоставляет неоправданно большие возможности для зарубежных правообладателей, нарушая, тем самым, некий правовой баланс сторон. Частичное решение этой проблемы мы усматриваем в переформулировании и изменении редакции пункта 2 статьи 1 035 ГК РФ путём закрепления подобного правила: «на тех же или более низких условиях», а также во включении в норму дополнительного, третьего пункта, в котором будет точно установлено, что правоприменителю следует понимать под «более низкими условиями».

Обобщая вышеизложенное, представляется возможным предложить формулировку следующего содержания: «Под более низкими условиями в настоящей статье понимаются такие условия, которые были более выгодными и/или прибыльными для пользователя (в первую очередь, это условие о стоимости, но могут быть и любые другие условия)».

Ещё одним законодательным упущением мы считаем тот факт, что изначально по договору коммерческой концессии, исходя из положений статьи 1 027 ГК РФ, пользователь платит правообладателю только за исключительные права, что является не до конца правильным, поскольку у пользователя, в таком случае, нет никакой поддержки, поскольку он заплатил только за интеллектуальную собственность.

Кроме того, проблемным аспектом выступает вопрос обязанности соблюдения пользователем инструкций и указаний правообладателя, так как правообладатели (особенно зарубежные компании) не осведомлены, как и в каких условиях ведётся бизнес в регионе пользователя, что может создавать существенные противоречия в реализации товаров, а также политике ценообразования.

Помимо этого, в качестве одной из проблем в рамках института франчайзинга некоторые исследователи выделяют ограничение права собственности пользования. К примеру, помещение можно получить только на условиях субаренды, а оборудование – в лизинг. Такие условия сотрудничества ставят пользователя в наихудшее положение, поскольку в любой момент можно лишиться своего бизнеса и его основных активов [15].

В гражданско-правовой доктрине в качестве «слабых» мест договора коммерческой концессии выделяют следующие моменты: недостаточная защита конфиденциальной информации правообладателя; отсутствие законодательной защиты выхода бывших пользователей для открытия собственного бренда по технологиям, взятым у правообладателя; солидарная ответственность за качество продуктов. Однако с последним положением мы не можем в полной мере согласиться, поскольку в настоящее время сущность проблемы состоит именно в том, что указания правообладателя обязательны в случае, когда они были бы необязательны, что, по нашему мнению, обосновывает необходимость установления единоличной ответственности пользователя.

Проводя сравнительно-правовой анализ действующего ГК РФ с цивилистическим законодательством отдельных европейских государств, в частности Испании, Италии, И. К. Смородинов и И. И. Фомин пришли к таким выводам. Статья 1 513 Гражданского и Коммерческого Национального кодекса Испании [16] и статья 1 031 ГК РФ [5] говорят об обязанностях правообладателя. Сама франшиза в ГК Испании названа *концепцией*. В соответствии с законодательством этого государства, у франчайзера больше обязанностей, чем предусмотрено отечественным законом. При этом главной обязанностью, закреплённой в нормативных актах обоих государств, цитируемые авторы считают оказание технической помощи (в России это именуется *содействием*) [17, с. 25-26].

Что касается Италии, то отношения в сфере франчайзинга с 2004 года регулирует отдельный Закон от 6 мая 2004 года № 129 «Правила регулирования коммерческой принадлежности (франчайзинга)» [18]. Обязанности франчайзера раскрыты в статье 4 указанного нормативного акта. При этом важно указать, что обязанность по оказанию технической помощи либо содействие не предусмотрены.

Согласно испанскому законодательству, у франчайзи перечень обязанностей на порядок меньший. Стоит обратить внимание, что в отличие от России, здесь предусмотрена обязанность сохранять конфиденциальную информацию, в том числе и после окончания договора. В Италии обязанностей аффилированного лица (франчайзи) всего две. Основная из них состоит в том, что франчайзи обязуется принуждать своих сотрудников, даже после расторжения договора, соблюдать максимальную конфиденциальность в порядке с содержанием деятельности объекта франчайзинга.

В Испании же отсутствует солидарная ответственность, поскольку всю ответственность несёт франчайзи, если иное прямо не предусмотрено договором (пункт «а» части 1 статьи 1520 Гражданского и Коммерческого Национального кодекса Испании). В Италии вопрос об ответственности регулирующим рассматриваемые общественные отношения нормативным актом прямо не предусмотрен. По всей видимости, ответ на него возникает в процессе урегулирования споров.

Стоит обратить внимание, что прежде чем обратиться в суд или в арбитраж, должна быть предпринята попытка примирения возникшего конфликта в торгово-промышленной, ремесленной или сельскохозяйственной палате, т.е. закреплён обязательный досудебный порядок урегулирования спора [17, с. 25-26].

С учётом вышеизложенного, рассмотренный опыт правового регулирования франчайзинга, на наш взгляд, может быть использован при совершенствовании отечественного законодательства в анализируемой сфере.

Выводы по настоящему исследованию и направления дальнейших разработок в этом направлении (по рассматриваемой проблеме). Таким образом, резюмируя всё вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что франчайзинг представляет собой всё ещё совершенствующийся институт современной цивилистики, который сравнительно недавно получил своё закрепление в нормативно-правовых актах как России, так и стран европейского сообщества. На наш взгляд, его значение в Российской Федерации будет иметь тенденцию к постоянному увеличению и масштабированию.

Одной из трудностей развития франчайзинга в условиях современности следует признать то, что фактически единственным законодательным актом, регламентирующим договор коммерческой концессии, является Гражданский Кодекс РФ.

В связи с тем, что указанный вид договора все ещё пребывает в стадии становления для последующего полноценного внедрения в экономико-правовую жизнь российского общества, ему присущи определённые недостатки, на которые, на наш взгляд, законотворческим органам государства следовало бы обратить внимание с последующим их устранением. В этой связи с целью регулирования франчайзинговых отношений, возникающих как до заключения договора франчайзинга, так и во время его действия, а также после истечения срока договора, считаем обоснованным предложить разработать и принять отдельный федеральный нормативный правовой акт.

Список использованных источников

1. Модельные правила Европейского частного права / Санкт-Петербургский гос. ун-т; [науч. ред. Н. Ю. Рассказова; пер. с англ. М. А. Александрова и др.]. – Москва : Статут, 2013. – 987 с. – Текст : непосредственный.
2. Гонгало, Б. М. Гражданское право: учебник / Б. М. Гонгало. – В 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2017. – 543 с. – Текст : непосредственный.
3. Камолкин, Д. С. Франчайзинг в России / Д. С. Камолкин. – Текст : непосредственный // Наука и образование сегодня. – 2019. – № 6-1 (41). – С. 51-53.
4. Российский франчайзинг – 2023: статистика от franshiza.ru. – URL: https://franshiza.ru/article/read/statistika_franchisinga_2023/. – Текст : электронный.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ. – Часть 2 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410. – Текст : непосредственный.
6. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – Москва : Статут, 2011. – 795 с. – Текст : непосредственный.
7. Табастаева, Ю. Г. Франчайзинг в России: правовое регулирование и актуальная судебная практика / Ю. Г. Табастаева. – Текст : непосредственный // Хозяйство и право. – 2007. – № 7. – С. 26-40.
8. Бондаренко, Д. П. Правовое регулирование договора коммерческой концессии в российском праве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Бондаренко Диана Петровна; [Место защиты: Рос. гос. ин-т интеллектуал. собственности Роспатента]. – Москва, 2013. – 26 с. – Текст : непосредственный.

9. Климова, С. В. Правовой режим франчайзинга в национальном и международном обороте: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Климова Светлана Валерьевна; [Место защиты: Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики»]. – Москва, 2011. – 31 с. – Текст : непосредственный.

10. Сосна, С. А. Франчайзинг. Коммерческая концессия / С. А. Сосна, Е. Н. Васильева. – Москва : Академкнига, 2005. – 375 с. – Текст : непосредственный.

11. Гражданское право: [учебник] / Санкт-Петербургский гос. ун-т; [Н. Д. Егоров и др.]; под. ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. – Ч. 2. – Санкт-Петербург : Теис, 1996. – 550 с. – Текст : непосредственный.

12. Российское гражданское право. – В 4 т. – Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. – Москва, 2010. – 199 с. – Текст : непосредственный.

13. Давыдова, Е. Л. Франчайзинг: учебное пособие / Е. Л. Давыдова; М-во образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». – Москва : ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2011. – 118 с. – Текст : непосредственный.

14. Багдасарян, А. Ф. Модельный закон УНИДРУА о раскрытии информации по договору франчайзинга / А. Ф. Багдасарян. – Текст : непосредственный // Законодательство. – 2008. – № 2. – С. 69-78.

15. Грисько, Е. В. Тенденции и проблемы развития франчайзинга в России / Е. В. Грисько. – Текст : непосредственный // Вестник СИБИТа. – 2018. – № 2 (26). – С. 16-21.

16. Гражданский и Коммерческий Национальный Кодекс Испании. – URL: https://leyes-ar.com/codigo_civil_y_comercial/1512.htm. – Текст : электронный.

17. Смородинов, И. К. Сравнительно-правовой анализ договора франчайзинга (коммерческой концессии). Практические проблемы его регулирования / И. К. Смородинов, И. И. Фомин. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2022. – С. 23-26.

18. Правила регулирования коммерческой принадлежности: Закон Италии от 6 мая 2004 года № 129. – URL: <https://web.camera.it/parlam/leggi/041291.htm>. – Текст : электронный.

РАЗДЕЛ 5
Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право; уголовный процесс;
криминалистика; оперативно-розыскная деятельность

УДК 343.3/.7

DOI 10.5281/zenodo.10183952

ПОНЯТИЕ СЕПАРАТИЗМА

ВОЙТОВ А. В.,
канд. юрид. наук,
заместитель директора института магистратуры
и подготовки кадров высшей квалификации,
ДГУЮ Минюста России,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В данной статье исследовано понятие сепаратизма как идеологическое понятие. Дан сравнительный анализ понятий сепаратизма, экстремизма и терроризма как в национальном аспекте, так и в международном.

Ключевые слова: национальная безопасность, понятия сепаратизм, терроризм, идеология, религия

THE CONCEPT OF SEPARATISM

VOYTOV A. V.,
kand. jurid. sciences
Deputy Director of the Institute of Magistracy and
Training of Highly Qualified Personnel
FSBEI HE «DSUJ»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

This article examines the concept of separatism as an ideological concept. A comparative analysis of the concepts of separatism, extremism and terrorism is given both in the national aspect and in the international one.

Keywords: separatism, national security, the concept of separatism, separatism, terrorism, ideology, religion

Постановка задачи. В данное время условия существования Донецкой Народной Республики Российской Федерации остаются напряжёнными, регион является одним из проблемных с точки зрения национальной безопасности и территориальной целостности. В условиях обострившихся социальных,

экономических и криминогенных процессов на первый план выходят вопросы национальной безопасности, защиты жизни, здоровья и имущественных интересов граждан, укрепления правопорядка и усиления борьбы с преступностью.

Одним из основных направлений уголовно-правовой политики в Донецкой Народной Республике Российской Федерации в настоящее время является противодействие сепаратизму, экстремизму и терроризму. Однако до настоящего времени не определена дефиниция сепаратизма на законодательном уровне.

Кроме того, законодатель при определении термина «экстремизм» ограничивает его содержание исключительно наполняемостью по форме, при этом не уделяя должного внимания сущности данного определения и его элементам, в частности, понятию сепаратизма как составной части экстремизма.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретическую базу исследования составили научные труды таких учёных: А. В. Петрянин, И. А. Коннов, С. А. Воронцов, А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевалков, С. В. Борисов, Р. М. Узденов, Ю. С. Варанкина, В. Д. Ларичев, А. С. Скудин и другие.

Следует отметить, что в работах указанных авторов рассматривались отдельные элементы сепаратизма, либо его направленность или деятельность, регламентированные в рамках определённого государства. Вместе с тем, комплексное исследование дефиниции сепаратизма не проводилось.

Актуальность. Одним из самых важных, на наш взгляд, направлений по укреплению национальной безопасности и усилению борьбы с преступностью стала деятельность правоохранительных органов, направленная на исполнение требований Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», где дано определение экстремистской деятельности. Однако на практике возникают определённые проблемы с квалификацией деяний (действий/бездействий) экстремистской направленности (деятельности) и разграничение указанного понятия с понятием «сепаратизм». В рамках настоящей работы затронуты такие дискуссионные вопросы, как подходы к определению понятия «сепаратизм».

Цель статьи – рассмотреть подходы учёных-юристов к определению понятия «сепаратизм» и на основании проделанного

анализа самостоятельно сформулировать определение термина «сепаратизм».

Для достижения поставленной цели в процессе исследования были использованы методы, сформировавшиеся в рамках диалектического, исторического, сравнительно-правового, формально-логического подходов к объекту познания. Применение этих методов обеспечило основу для теоретических выводов.

Изложение основного материала исследования. Как в национальном, так и в международном праве не выработан единый подход к определению понятия «экстремизм». Причиной этого является стремление каждого государства законодательно закрепить собственное понятие экстремизма, с учётом историко-культурных предпосылок, религиозных взглядов и политического курса.

Так, в п. 3 резолюции Совета Европы 1344 от 2003 года указывается, что, под экстремизмом следует понимать «...форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма» [1].

Кроме того, определение экстремизма дано в Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В конвенции указывается, что экстремизм – это какое-либо деяние, направленное на то, чтобы осуществить насильственный захват власти, насильственное удержание или насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в указанных целях незаконных вооружённых формирований или участие в них, преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон [2].

При этом, исходя из указанных международных документов, международный законодатель чётко не разграничивает понятия «сепаратизм», «терроризм» и «экстремизм».

Так, при определении понятий «сепаратизм» и «терроризм», так же как и в определении «экстремизма», законодатель указывает на насильственное изменение конституционного строя, а именно: территориальной целостности государства, общественной безопасности, функционирования государственных органов и т. п., то есть на всё то, что призвана защищать конституция любого государства.

Для более полного разграничения указанных понятий попробуем выделить их основные черты, отличные один от другого.

Понятие «сепаратизм» (фр. *séparatisme* от лат. *separatus* – отдельный) – теория, политика и практика, стремление к отделению, обособлению (сецессии). Это особый тип политических и иных движений или направлений, основанный на идеологии, призывающей и ведущей к отделению части территории от государства [3].

Вместе с тем, на наш взгляд следует обратить внимание на то, как употребляется этот термин. Во многих современных словарях «сепаратизм» трактуют в самом широком смысле – как взгляды или действия, направленные на «обособление» от целого его части [4, 5, 6]. Некоторые основания к тому даёт не только этимология слова – от латинского *separare* (отделяться), – но и отчасти его история. Так, понятие «сепаратизм» возникло в Англии в XVI-XVII веках при отделении от Англиканской церкви пуританской общины, основавшей Плимутскую колонию Новой Англии – ту самую, которая стала колыбелью США. Поселенцев стали называть «сепаратистами», слова, образованного от латинского *separatus* – отдельный. Первоначально этим термином обозначали группу людей, вставших на «отдельный», иной, нетрадиционный, привычный и определённый официально религиозный путь развития. В русских дореволюционных словарях термин «сепаратизм» определялся как «желание отпасть от церкви или от государства для образования отдельного общества, религиозного или политического» (Энциклопедический словарь Ф. Ф. Павленкова); «дух отщепенства в религиозных или политических делах» (Словарь иностранных слов А. Н. Чудинова).

Из указанного следует, что в первую очередь ассоциация общего понятия «сепаратизм» с религиозной сферой вполне обоснованна.

В международном праве нет ни универсально принятой дефиниции сепаратизма, ни блока положений, прямо относящихся к этому явлению. Однако в науке неоднократно поднимался вопрос о смысловой нагрузке данного понятия и его понимания в обществе. Так, Д. Горовица считает, что данный термин относится к обособленной группе «населения, главным образом, на этнической и религиозной основе, выход этой группы и её территории из-под юрисдикции более крупного государства, частью которого она является, с последующим образованием

нового государства» [7, с. 152-154]. В. Тишков понимает под «сепаратизмом» некое требование суверенитета и независимости для этнически обозначенной территории, и это требование направлено против государственной власти страны проживания [8].

Вместе с тем, ряд исследователей считают, что основной чертой сепаратизма является его внутренняя составляющая, то есть идеология, возникшая внутри самого государства, а не пришедшая извне. Так, Ф. Попов называет сепаратизмом любое «стремление к обособлению части территории государства». При этом автор разделяет «стремление к обособленности» на стремление образования отдельного государства и на стремление присоединения к другому государству [9, с. 347-350].

Однако, такого рода стремления имеются в разных законах любой страны [10, с. 85]. Учитывая ст. 10 Европейской конвенции по правам человека, где прямо говорится о возможности определённых ограничений на свободу выражения и распространения мнений и идей, а именно таких, «которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка...» [11], являются по сути нелегальными. Сами же сепаратистские стремления, наподобие территориальной автономии или расширения автономных прав, в условиях развития современного мира не могут быть объектом законодательного запрета, поэтому они являются вне закона.

Лишь три государства в мире признают в конституциях право на сецессию. Это Эфиопия, Узбекистан (в отношении Каракалпакстана) и карликовая островная Федерация Сент-Китс и Невис.

Вместе с тем, не стоит говорить о сепаратизме как некоем противоправном, антигосударственном явлении. Так, например, партия Уэльса в момент создания в 1920-х годах, в отличие от современных лозунгов – «независимый Уэльс как полноправный член Европейского союза» и т. п., не ставила своей целью отделение или создание нового государства, а использование наравне с государственным исчезающий валлийский язык [12]. Напротив, лидеры Баскской националистической партии при её образовании ставили своей целью борьбу за независимость земель, населённых басками, но затем предпочли курс на автономию.

В международном праве имеются серьёзные противоречия, касающиеся ситуаций, связанных с сепаратизмом. Ни прямых запретов на сепаратизм, ни прав на неё оно не содержит. Коллизия между основополагающими принципами ООН – территориальной целостности и суверенитетом государств, с одной стороны, и правом на самоопределение – с другой, оставляет поле для различных толкований и самой сферы применения права на самоопределение и допустимых форм его реализации.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что сепаратизм – это явление, которое зависит от мировоззрения и выбора людей, от их общественного сознания, что может привести к новой модели государственного устройства или создания новых государств, а также их территориальных расширений. Иными словами, сепаратизм – это явление, заключающееся в идеологии, намерениях, а также деятельности (проведение собраний и т. п.), без отсутствия признаков насилия и без публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности и изменение государственного строя. Однако, как заметил Д. Горовиц, сепаратизм, допускающий вооружённый путь реализации своей цели, всегда притягивает особую категорию людей, склонных к войне и насилию. В итоге происходит всесторонняя радикализация движения, во главе которого вместо лидеров типа И. Руговы оказываются полевые командиры типа создателя ОАК Х. Тачи [13]. В связи с этим мы можем наблюдать трансформацию сепаратизма в некую более опасную модель противостояния. То есть, наличие у определённой группы людей сепаратистских мнений, взглядов, идей не является уголовно наказуемым деянием, да и уголовное законодательство России не предусматривает такого рода наказания в отличие от экстремизма и терроризма.

Ранее в научных трудах мы исследовали понятия «сепаратизм» и «терроризм» [14]. При исследовании мы пришли к выводу о том, что:

1. Терроризм – это явление, заключающееся в наличии идеологии и намерениях, а также в активных действиях, направленных на изменение государственного строя путём физического насилия и устрашения, вплоть до уничтожения охраняемых конституционных объектов жизнедеятельности государства.

2. Под экстремизмом следует понимать явления, составными элементами которых являются противоправная, насаждаемая идеология и деятельность, направленные на возбуждение в обществе ненависти и вражды в отношении отдельных лиц или группы, которые причиняют или могут причинить вред конституционным основам государства, в том числе и конституционным основам межличностных отношений, а также направленные на распространение такой идеологии и деятельности.

То есть, это такая идеология и деятельность, которые должны побуждать лицо (или группу лиц) осуществлять наказуемые деяния, посягающие на определённую сферу охраняемых государством общественных отношений.

Учитывая приведённые определения «сепаратизма», «экстремизма» и «терроризма», можно вывести две схемы (формулы), дающие нам возможность чёткого правового восприятия указанных явлений. Однако при этом следует отметить, что элементы, выраженные в явлениях сепаратизма, экстремизма и терроризма, приведённых ниже в двух схемах (формулах), не всегда могут быть взаимозаменяемыми или последовательными, то есть например, сепаратизм не всегда может стать терроризмом при достижении своей цели. Кроме того, возможна и обратная связь от терроризма через сепаратизм (или экстремизм) к поставленной цели. Последняя взаимосвязь будет характеризовываться более сложным взаиморасположением и появлением промежуточных целей:

Простая взаимосвязь цели и конечного результата явлений: «сепаратизма», «экстремизма» и «терроризма».

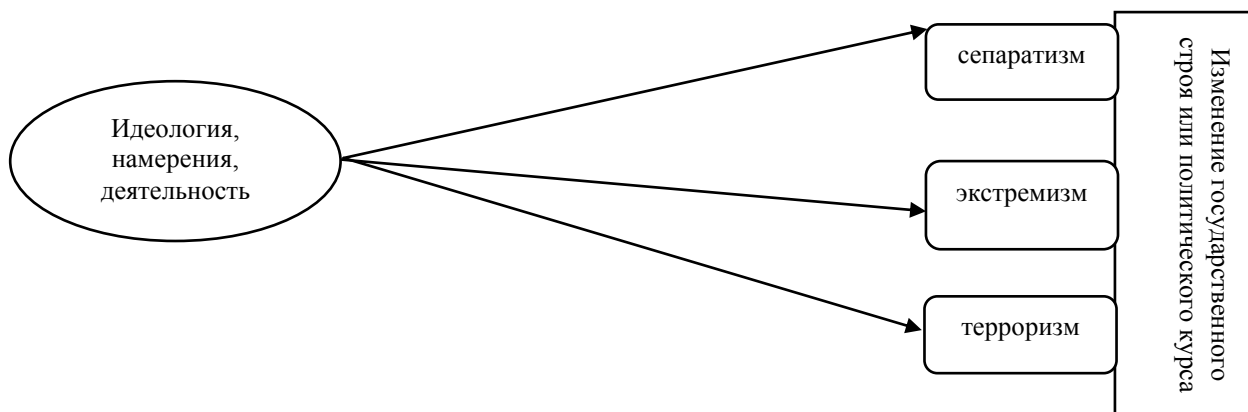

Схема 1. Блок-схема «цель-результат» сепаратизма, экстремизма, терроризма.

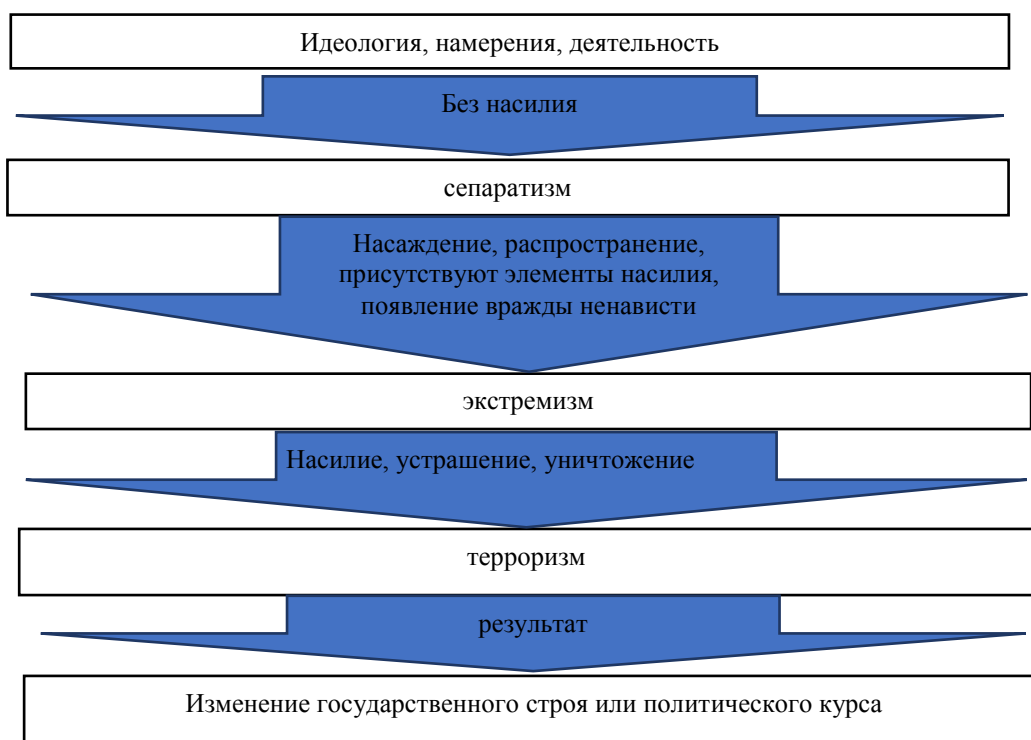

Схема 2. Опосредующая сложная взаимосвязь цели и конечного результата явлений «сепаратизма», «экстремизма» и «терроризма».

Более тщательной анализ приведённых схем мы раскроем в последующих исследованиях.

Выводы по данному исследованию. Сепаратизм – это явление, заключающееся в идеологии, намерениях, а также деятельности (проведение собраний и т. п.) без признаков насилия и без публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности и изменение государственного строя.

Список использованных источников

1. Резолюция 1344 (2003). Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе // Сайт ПАСЕ. – Текст : электронный. – URL:[http://www.coe.int/T/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2003\]/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp](http://www.coe.int/T/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp)

2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.). – Текст : электронный // Информационно-справочная система «Консультант Плюс». – Электронные данные. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901812033>

3. Википедия – свободная энциклопедия. – Текст : электронный. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сепаратизм>
4. Толковый словарь живаго Великорускаго языка Владимира Даля. – Текст : электронный. – URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=37505>;
5. Большой *толковый словарь* русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание. – Текст : электронный. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. Авторская редакция 2014 года. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>;
6. Однотомный толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. – Текст : электронный. – URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>
7. Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации: Материалы международной научно-практической конференции (Липки, сентябрь 1992 г.). – Москва : Наука, 1993. – С. 145–164. – Текст : непосредственный.
8. Тишков В. А. Моральность сепаратизма. – Текст : электронный // Блог В. А. Тишкова. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n61_moralno.html#
9. Попов Ф. А. География сецессионизма в современном мире. – Москва : Новый хронограф, 2012. – 672 с. – Текст : непосредственный.
10. Нарочницкая Е. А. Этнонациональные конфликты и их разрешение: Политические теории и опыт Запада / РАН. ИНИОН. – Москва : 2000. – 96 с. – Текст : непосредственный.
11. Европейская конвенция по правам человека. – Текст : электронный // Council of Europe. – URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf
12. Plaid Cymru – the Party of Wales: Cyfansoddiad // Plaid Cymru. – URL: http://www.plaidcymru.org/uploads/Cyfansoddiad_Nov_2012.pdf
13. Горовиц Д. Разрушенные основания права сецессии. Текст : электронный // Власть. Москва. – 2013. – № 11. – С. 189-191. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/11/Horowitz.pdf>
14. Войтов А. В. Понятие экстремизма / А. В. Войтов // Право Донецкой Народной Республики. – Донецк : Академия МВД ДНР имени Ф. Э. Дзержинского, 2022. – № 3. – С. 43-50. – Текст : непосредственный.

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОСУДИИ

КАРПЕНКО Л. К.,
канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного
права и процесса;

ШЕЙКА Я. А.,
студент магистратуры,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Статья посвящена анализу применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в правосудии. В рамках изыскания проанализирована сущность ИИ, изучены различные дефиниции понятия «искусственный интеллект», в результате чего было предложено авторское определение данного феномена. Исследованы аспекты использования искусственного разума в судопроизводстве Российской Федерации, США и Китая. Рассмотрена проблематика относительно вопроса о наделении ИИ правом самостоятельно назначать наказание за совершённое преступление.

Ключевые слова: искусственный интеллект; право; правосудие; автоматизация; понятие «искусственный интеллект»; наказание

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JUSTICE

KARPENKO L. K.,
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Procedure;

SHEIKA Y. A.,
a master's student,
FSBEI HE «DonSU»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the use of artificial intelligence (hereinafter – AI) in justice. As part of the research, the essence of AI was analyzed, various definitions of the concept of «artificial intelligence» were studied, as a result of which the author's definition of this phenomenon was proposed. The aspects of the use of artificial intelligence in the judicial proceedings of the Russian Federation, the USA and China are investigated. The problems concerning the issue of granting AI the right to independently impose punishment for a committed crime are considered.

Keywords: artificial intelligence; law; justice; automation; the concept of «artificial intelligence»; punishment

Актуальность. На протяжении всего эволюционного пути общества человек стремился нивелировать физические и умственные издержки в трудовых процессах. Многотысячелетний прогресс имел направленность на автоматизацию рабочих процессов в самых разнородных сферах жизнедеятельности. Результатом перманентного развития, накопления знаний и информации, модернизации наличествующих технологий стало создание искусственного интеллекта (далее – ИИ). Данная инновация свидетельствует о новом этапе прогрессивного становления человечества. Актуальность данной тематики подчёркивает тенденция активного внедрения алгоритмизированных разработок в аппарат таких сфер как медицина, девелопмент, промышленность, спорт, архитектура, сельское хозяйство и т. д. Интеллектуальные системы применяются и в юриспруденции, где целесообразно выделить следующие направления: автоматизация юридических услуг, онлайн-сервисы для клиентов, ведение документации, интеграция ИИ в судопроизводстве и т. д.

Постановка задачи. На сегодняшний день существующая проблематика отражается в отсутствии единообразного мнения среди учёных относительно толкования термина «искусственный интеллект», а также допустимых рамок использования искусственного разума в правосудии и влияния алгоритмов на правовой статус лица. Вышесказанное предопределяет необходимость в детализированном анализе всех существующих аспектов и различных точек зрения относительно идентификации понятия ИИ и определения пределов применения интеллектуальных систем в судебном процессе.

Анализ последних исследований и публикаций. В основу теоретической разработки были взяты труды Х. Д. Аликперова, И. Р. Бегишева, Н. А. Колоколова, Э. Ю. Латыповой, А. В. Минбалеева, В. В. Момотова, П. М. Морхата, Ю. А. Цветкова и др.

Цель статьи – определение содержания понятия «искусственный интеллект», а также исследование прикладного аспекта применения ИИ в правосудии.

Изложение основного материала исследования. В настоящее время количество современных научных изысканий юнита искусственного интеллекта (далее – ИИ) наглядно отображает всю значимость исследований понятия данной технологии. Более того, учитывая стремительность эволюции подобных систем, отмечается необходимость теоретико-практического познания данного феномена.

Терминология в сфере искусственного разума представляет собой глоссарий, характеризующий ИИ как многосложную систему, включая такие термины, как: алгоритм, машинное обучение, глубокое обучение, виртуальная реальность, нейронная сеть и др. Среди учёных вышеуказанные составляющие элементы данного юнита интерпретируются в разнообразных формулировках, как и сама дефиниция искусственного интеллекта.

Впервые термин «искусственный интеллект» в научный оборот был введён американским информатиком Джоном Маккарти в 1956 году на конференции в Ганновере. Согласно его определению, искусственный интеллект – это наука и технология создания интеллектуальных машин, в особенности – интеллектуальных компьютерных программ. Искусственный интеллект связан с задачей использования компьютеров для понимания работы человеческого интеллекта, но не ограничивается использованием методов, наблюдаемых в биологии [1].

В Российской Федерации дефиниция рассматриваемого феномена содержится в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Согласно пп. «а» п. 5 вышеуказанного документа: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [2]. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в котором в том числе используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [2].

В 2019 году в Дании была принята Национальная стратегия по искусственному интеллекту, в которой закреплено определение данного термина как системы, основанной на алгоритмах (математических формулах), анализирующей и выявляющей закономерности в данных, определяющей наиболее оптимальное решение. Так, алгоритмы выполняют определённые задачи в призме контроля, прогнозирования и руководства. Технология может быть спроектирована так, чтобы адаптировать её поведение с учётом влияния предшествующих событий [3].

В свою очередь, в области научных исследований существует множество различных толкований термина ИИ. С точки зрения П. М. Морхата, искусственный интеллект представляет собой полностью или частично автономную самоорганизующую (самоорганизующуюся) компьютерно-аппаратно-программную виртуальную или киберфизическую, в том числе биокибернетическую, систему, наделённую/обладающую способностями и возможностями мыслительных и когнитивных действий, саморегулирования, принятия решений и решения задач, обучения и самообучения, [4, с. 69] и т. д.

Согласно определению И. Р. Бегишева, Э. Ю. Латыповой, Д. В. Кирпичникова, искусственный интеллект представляет собой автономную интеллектуальную систему, обладающую способностями к осознанно-волевому поведению, самообучению и самоконтролю, моделирующую деятельность нейронных сетей и синапсов человеческого мозга посредством аккумуляирования, накопления, изучения и использования информации и имеющую материальное выражение в технических устройствах-юнитах ИИ [5, с. 87].

Целесообразно упомянуть дефиницию, предложенную А. В. Минбалеевым, согласно которой, искусственный интеллект – это совокупность «информационных технологий, в том числе цифровых, позволяющих решать на основе тех или иных систем проблемы, связанные с возможностью их решения преимущественно на уровне человеческого интеллекта» [6, с. 1097]. Важно отметить, что автор предлагает указанное определение закрепить законодательно на федеральном уровне, тем самым установив юридическое конструирование понятия ИИ. Полагаем, что вышеизложенная позиция позволит обозначить исследуемые системы в правовом поле, а также преодолеть неопределённость при дифференцировании алгоритмов, относящихся к технологиям искусственного разума и не являющихся таковыми.

На базе изучения разнородных дефиниций целесообразно проанализировать все фундаментальные признаки ИИ. Так, одними из важнейших особенностей рассматриваемого феномена являются системность и комплексность, которые предполагают разнообразность внутреннего строения и сложность алгоритмов, на основе которых данный ресурс выполняет свою многофункциональную деятельность. Согласно этимологии, слово «комплекс» означает «что-либо тесно связанное воедино», тогда

как «система» – это определённый порядок в расположении и связи между некими частями (в данном случае речь идёт о комплексе). Так, одним из признаков искусственного разума является его комплексная системность.

Другая черта, характеризующая ИИ как футуристический ресурс – способность к относительно самостоятельным, автономным действиям, таким как: получение и анализ информации, принятие решений, самообучение, разрешение поставленных задач и проблем по аналогии с человеческим мышлением. Следует отметить, что выполнение подобных действий, считающихся прерогативой естественного мозга, и является основополагающей целью деятельности искусственного разума. Однако основной проблемой данных технологий в нынешнее время считается тривиальное отсутствие человеческой интуиции, что констатирует несовершенство, а также необходимость перманентного контроля за функционированием подобных моделей естественного мышления.

На основании проведённого анализа существующих точек зрения и признаков юнита ИИ предлагается следующее определение: искусственный интеллект – это комплексно-системная, искусственная модель естественного разума, не обладающая интуицией, способная к самостоятельной, автономной реализации своих действий, приближённая к человеческому мышлению.

В настоящее время одним из перспективных направлений является применение искусственного разума в правовой деятельности, в частности, в сфере судопроизводства. В свою очередь, анализ научных публикаций отражает целесообразность рассмотрения вопроса относительно наделения автоматизированных систем правом назначения виновному лицу наказания. Согласно ч. 1 ст. 43 Уголовного Кодекса Российской Федерации, «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица» [7].

Так, например, в американском правосудии действует система COMPAS, содействующая суду в принятии решения о наказании лица. Алгоритмы вышеуказанной системы оценивают личность преступника по 137 пунктам, таким как пол, возраст, наличие

образования, социальное окружение [8] и т. д. Анализируя характеристики индивида, искусственный интеллект устанавливает по 10-бальной шкале риск рецидива.

Иной пример применения искусственного разума в правосудии – робот-прокурор System 206. В Китае представили уникальную разработку. Согласно утверждениям разработчиков, обучение данной технологии осуществлялось на более чем 17 тыс. уголовных делах. Тестирование исследуемого феномена продемонстрировало, что содержание обвинения составляется алгоритмами с точностью 97% [9].

Аналогичный по своей автоматизированной сущности, тем не менее диаметрально противоположный по цели деятельности ИИ – робот-адвокат. По информации из источника, в США на стороне защиты впервые планировалось задействовать искусственный разум в качестве защитника в рамках судебного заседания [10]. По эксплуатационному замыслу система прослушивает аргументы обвинения и на основе анализа предлагает рекомендуемую реплику подсудимому. Сообщалось, что по договорённости между представителями компании, создавшей рассматриваемую разработку и обвиняемым, последний должен оперировать исключительно ответами, предложенными ему системой. Более того, в случае неблагоприятного для правонарушителя исхода по делу, предприятие всецело оплатит назначенный ему судом штраф.

Следует отметить, что применение искусственного интеллекта в правосудии имеет недостатки. Так, ранее упомянутый COMPAS подвергается критике со стороны западных исследователей по причине дискриминации подсудимых на расовой почве в силу того, что при вычислительных процессах система присваивала коэффициент возможного рецидива темнокожим лицам почти в два раза выше, чем в отношении носителей белой расы [11]. Иная программа, под наименованием Amazon Rekognition, неправильно определяла пол темнокожих женщин в 31% случаев. Парадоксально, что представительниц женского пола со светлой кожей неверно опознавали как мужчин лишь в 7% случаев. Кроме того, глава полиции города Детройта в США отметил, что алгоритмы распознавания лиц ошибочно устанавливают личности чернокожих подозреваемых, что опосредует наличие большого количества ложных арестов [12].

В свою очередь, в Российской Федерации также наблюдается активизация интеграционного процесса интеллектуальных технологий в сферу правосудия. В качестве примеров целесообразно выделить ГАС (государственная автоматизированная система) «Правосудие», «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел» и т. д. Данные сервисы позволяют упростить процедуры взаимодействия граждан и суда. Речь идёт об электронном обращении в судебные органы, получении информации о назначении судебного заседания, участие в прениях путём использования веб-конференций [13] и т. д. Более того, в России применяется автоматическое распределение дел. Целью использования подобных разработок является обеспечение «справедливого распределения нагрузки между судьями и исключения влияния на этот процесс заинтересованных лиц» [8]. Стоит упомянуть, что в Белгородской области был применён пилотный проект ИИ с использованием его при вынесении судебных решений по налоговым правонарушениям. Тем не менее, согласно информации из источника, «сам ИИ не выносит судебный приказ, а лишь подготавливает документы и проверяет реквизиты для оплаты налоговых задолженностей» [14].

Так, исходя из вышеизложенного, очевидно, что в Российской Федерации искусственный интеллект содействует в упорядочении организационной части судебной сферы деятельности. Тем не менее, проблематика относительно перспектив искусственного разума вершить правосудие и непосредственно определять размер и вид наказания виновному имеет неопределённый характер. Следует отметить отсутствие среди исследователей единообразного мнения в вышеизложенном вопросе.

С точки зрения Х. Д. Аликперова, вектор перспективы ближайшего будущего направлен на то, что «всё уголовное судопроизводство будет осуществляться посредством цифровых технологий» [15, с. 22].

Иная позиция выражена Ю. А. Цветковым, согласно которой потенциал искусственного интеллекта ограничивается выполнением рутинной работы и последний не сможет полноценно заменить естественный разум. В своём исследовании автор цитирует Ф. Ницше в аспекте утверждения, что наказание – это дело «человеческое, слишком человеческое» [8]. Идентичное умозаключение было сделано В. В. Момотовым, с точки зрения которого, «искусственный

интеллект не может стать гарантом защиты прав и свобод человека и обеспечить справедливое и гуманное правосудие. Поэтому его применение возможно только в ограниченном виде, с чётко определёнными рамками и правилами» [13; с. 190].

Полагаем, что объём возлагаемых функций на ИИ в судебном процессе напрямую зависит от степени разработанности и корректности рассматриваемых систем. Так, на основе ранее отмеченных погрешностей в работе искусственного интеллекта, можно сделать вывод о том, что в настоящее время существующая проблематика в аспекте использования интеллектуальных систем в правосудии отражает несовершенство данных технологий. На нынешнем этапе развития алгоритмов системы ограничиваются успешной апробацией в организации судебной деятельности (распределение дел между судьями, ведение документации, подготовка документов и т. д.). Однако, непосредственное участие исследуемого феномена в принуждении преступника претерпевать неблагоприятные последствия, выражающиеся в ограничении или лишении его прав и свобод, в нынешней конфигурации – иррационально. Тем не менее, учитывая высокий уровень способности ИИ к самообучению, нецелесообразно исключать его совершенствование, перспективы которого предопределяют возможность наделения искусственного разума полномочиями судьи.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении.

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы:

1) на сегодняшний день отсутствует единообразие в вопросе определения понятия «искусственный интеллект» среди учёных. Исследователи излагают различное толкование данного феномена с учётом детализированной характеристики ИИ. В научной сфере прослеживается тождественность мнений в аспекте признания искусственного разума как самообучаемой технологии. Предлагается авторская дефиниция исследуемых систем;

2) исследуемые технологии эффективно выполняют задачи в организационной части судебного процесса. Тем не менее, практика применения искусственного разума в назначении наказания преступнику имеет амбивалентный характер. Следовательно, данный вопрос продолжает являться дискуссионным.

Список использованных источников

1. McCarthy J. What is artificial intelligence? Текст : электронный. – URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf>
2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента Российской Федерации № 490 : принят 10.10.2019. – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/
3. National Strategy for Artificial Intelligence Текст : электронный // Ministry of Finance and Ministry of Industry, Business and Financial Affairs. – URL: https://eng.em.dk/media/13081/305755-gb-version_4k.pdf
4. Морхат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / П. М. Морхат. – Москва : Буки Веди, 2017. – 257 с. – Текст : непосредственный.
5. Бегишев, И. Р. Искусственный интеллект как правовая категория : доктринальный подход к разработке дефиниции / И. Р. Бегишев, Э. Ю. Латыпова, Д. В. Кирпичников. – Текст : электронный // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyu-intellekt-kak-pravovaya-kategoriya-doktrinalnyu-podhod-k-razrabotke-definitcii>
6. Минбалеев, А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве / А. В. Минбалеев. – Текст : электронный // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2022. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-iskusstvennyu-intellekt-v-prave>
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.03.2022). – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 24.03.2022).
8. Цветков, Ю. А. Искусственный интеллект в правосудии / Ю. А. Цветков. – Текст : непосредственный // Журнал «Закон». – 2021. – № 4. – С. 91-107.
9. В Китае создали робота-прокурора для решения типичных уголовных дел. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2021/12/27/17071009.shtml?updated>
10. «Робот-юрист» впервые примет участие в суде в США. – Текст : электронный. – URL: <https://300.pravo.ru/news/244737/>

11. Искусственный интеллект обвинили в расизме. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3390196>

12. Почему искусственный интеллект несправедлив? – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/11140359>

13. Момотов, В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве : состояние, перспективы использования / В. В. Момотов. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – № 5 (81). – С. 188-191.

14. Искусственный интеллект стал помогать при вынесении судебных решений в России. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/4304775/>

15. Аликперов, Х. Д. Электронная система определения оптимальной меры наказания (постановка проблемы) / Х. Д. Аликперов. – Текст : непосредственный // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 4 (51). – С. 13-22.

УДК 343.432

DOI 10.5281/zenodo.10185097

ОБСТАНОВКА И СЛЕДОВАЯ КАРТИНА ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

МАТЮШАЙТИСЬ Н. В.,

канд. юрид. наук, доцент, доцент
кафедры административного права;

БРОВАРЬ Н. А.,

обучающийся группы ЮРм-21/2з-4

кафедры гражданского и

предпринимательского права,

ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,

Донецк, Донецкая Народная Республика,

Российская Федерация

В статье проведен анализ конкретных пространственно-временных условий совершения похищения человека, рассмотрены особенности обстановки данного уголовного преступления.

Ключевые слова: похищение человека, обстановка совершения преступления, следовая картина, пространственно-временные условия совершения преступления

THE SITUATION AND THE TRACE PICTURE OF THE KIDNAPPING

MATYUSHAITIS N. V.,
PhD in Law, associate professor, associate professor
of the department of administrative law;

BROVAR N. A.,
graduate student of the group YURm--21/2z-4
of the Department of Civil and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article analyzes the specific spatio-temporal conditions of the commission of a kidnapping, the features of the situation of this criminal offense are considered.

***Keywords:** abduction of a person, the situation of the commission of a crime, the trace picture, the spatial and temporal conditions of the commission of a crime*

Актуальность. Любое уголовное преступление совершается в конкретных пространственно-временных условиях. Кроме того, учитывая эти условия общественно опасное деяние и имеет возможность состояться. Это в подавляющем большинстве характеризует преступления, требующие тщательной подготовки, и места совершения. К категории таких деяний, необходимо отнести похищение человека. Отсюда возникает необходимость исследовать конкретные пространственно-временные условия его совершения, то есть обстановку правонарушения.

Постановка задачи. Нельзя не согласиться с Ю.Е. Пудовочкиным, который отмечает, что для выяснения такого признака объективной стороны преступления, как обстановка преступления нужно:

– во-первых, определить пространственно-временные характеристики совершенного деяния, поскольку они охватываются самостоятельными признаками места и времени совершения преступления;

– во-вторых, необходимо ограничить спектр внешних условий совершения преступлений только теми, которые непосредственно определяют общественную опасность преступления [1, с. 117-118].

Анализ последних исследований и публикаций. Похожую проблематику в своих работах исследовали такие ученые и научные

деятели, как Попова О.А., Ильченко Ю.И., Василиади А.Г., Яблоков Н.П., Валеев М.Х., Брич Л.А., Таганцев Н.С., Бажанов М.И., Кудрявцев В.Н., Герасимов И.Ф., Астахова А.А. и др.

Целью данной статьи является определение ряда признаков объективной стороны общественно-опасного деяния, что, в свою очередь, позволит расследовать его в полном объеме.

Изложение основного материала исследования. Относительно понятия обстановки, то, например, О.А. Попова рассматривает ее как ограниченное пространственно-временными рамками совершенного преступления взаимодействие человека, материальных предметов, природно-климатических и других факторов, создающих влияние на степень общественной опасности совершенного деяния и, которые приобретают в связи с этим уголовно-правовое значение. Основное фактическое свойство обстановки заключается в ее способности влиять на процесс совершения преступного деяния: на его основе определяется уголовно-правовое значение этого признака, которое проявляется в способности обстановки менять общественную опасность совершенного в ее условиях деяния» [2, с. 8-14].

Важность этого элемента криминалистической характеристики преступления характеризуется достаточно плотной связью с другими структурными частями похищения человека. По этому поводу Ю.И. Ильченко утверждал, что перед следователем стоит задача в ходе осмотра места происшествия установить исходное состояние этой структуры с целью выяснения начальных изменений в обстановке, которые произошли в результате совершения преступления [3, с. 9].

Кроме того, следует отметить, что условия и пределы, характеризующие обстановку, очень широкие и могут иметь разный уровень или степень приближения к преступлению. Во-первых, они могут принадлежать к глобальной, международной сфере, иметь отношение к общегосударственной сфере или иметь более локальный характер, касаться ограниченного региона и даже участка местности (публичное место, квартира и т.д.). Во-вторых, это могут быть: а) дорожная обстановка; б) боевая обстановка; в) условия чрезвычайного положения; г) стихийное или общественное бедствие.

Определяя элементы, которые необходимо рассматривать при исследовании обстановки совершения преступлений, то ученые также по этому поводу не сошлись к одному мнению. Например,

А.Г. Василиади включает в понятие обстановки следующие элементы: место совершения преступления; время совершения преступления; человек; материальные предметы; природно-климатические и некоторые другие факторы [4, с. 13].

Зато Н.П. Яблоков определяет ее через сочетание условий места и времени, речевых, физико-химических, метеорологических условий, производственных факторов, особенности поведения участников события и других условий объективной реальности, сложившихся в момент события преступления, и в совокупности таких, которые влияют на способ его совершения и механизм [5, с. 39].

По нашему мнению, наиболее точная и четкая позиция у М.Х. Валеева, который считает, что к элементам обстановки совершения преступления должны принадлежать место, время, объект, предмет совершения посягательства, состав соучастников и характер их взаимоотношений с потерпевшим и другими лицами, а также материальные элементы окружающей среды [6, с. 21].

Учитывая указанные взгляды ученых, было решено исследовать содержание обстановки похищения человека, путем характеристики таких ее элементов, как место, время и условия.

Говоря о месте совершения преступления, сразу укажем, что ученые из уголовного права и криминологии под ним видят определенную территорию или место, где происходит общественно опасное деяние и наступают его общественно опасные последствия. В свою очередь, криминалисты характеризуют место преступления как некую географическую точку (территорию, помещение и т.д.), которая тесно связана с обстановкой преступления. Обе позиции являются правильными, они просто характеризуют понятие с разных сторон: как место, где происходит общественно опасное деяние и наступают его общественно опасные последствия, и тесно связано с обстановкой преступления.

На наш взгляд, сначала нужно определиться с содержанием понятия «место совершения преступления как признак состава преступления», а уже потом исследовать отдельные его характеристики. Для выяснения этого вопроса обозначим такой перечень обстоятельств, которые нужно устанавливать:

– понятие «место совершения преступления» охватывает только место совершения общественно опасного деяния (действия или бездействия), или оно включает и место наступления общественно опасных последствий;

– распространяется ли понятие «место совершения преступления» на местонахождение других признаков состава преступления;

– как отличить случаи, когда определенные пространственные характеристики являются местом совершения общественно опасного деяния и, соответственно, самостоятельным признаком состава преступления, местом совершения преступления, от случаев, когда те или иные пространственные характеристики касаются других признаков состава преступления.

Важной составляющей обстановки совершения уголовного преступления является время. Как уместно подчеркивал Н.С. Таганцев, время совершения преступления является временем наступления последствий. Это положение вытекало из общей концепции о применении во всех случаях поздней версии закона, даже если он более строгий [7].

С другой стороны, кроме определения размера ответственности, время влияет на все этапы возникновения, существования и использования доказательственной информации. Учет влияния временного фактора в процессе расследования дает возможность:

- определить время события преступления;
- установить временные связи между фактами;
- выяснить очередность событий, действий или фактов;
- вычислить продолжительность различных событий и др.

Вместе с тем действия преступников характеризуются определенной избирательностью во времени.

В общем, время совершения преступления - это определенный промежуток времени, в течение которого происходит общественно опасное деяние и наступают общественно опасные последствия. В Особенной части УК РФ время совершения преступления как признак объективной стороны описывается очень редко, и определение его очень размыто. В то же время установление времени совершения преступления по каждому делу имеет важное значение для решения вопроса о действии уголовного закона во времени.

Отдельные ученые отмечают, что место и время совершения преступления имеет значение для определения обстановки, исходя из понимания пространства как органического их единства, когда ни время, ни территория не могут существовать друг без друга (в одних случаях они позволяют выделить значимый именно в

уголовно-правовом смысле участок обстановки, в других они образуют пространственно-временные границы, в которых существует принципиальная для уголовного права зависимость общественной опасности деяния от обстановки его совершения).

Кроме изучения таких обстоятельств, как место и время совершения преступления, следует акцентировать внимание на условиях, способствующих их совершению. Непосредственное влияние имеет место в том, что обстановка образует совокупность конкретных условий, в которых может быть совершено конкретное преступление, то есть создает для него объективную возможность (это означает, что ни одно преступление не может быть совершено, а совершенное не может привести к вредным последствиям, если в реальной действительности не будет для этого условий).

Их определение способствует определению направления поисков информации, а иногда и сужению круга лиц, среди которых может оказаться преступник. В свою очередь Г.М. Минковский среди условий совершения конкретного преступления выделял следующие:

- среда, формирующая дисгармонию или деформацию потребностей, интересов, ценностной ориентации конкретного лица, становятся основой криминогенной мотивации;

- сама криминогенная мотивация;

- ситуации, в которых находится человек в процессе формирования, жизнедеятельности и непосредственно в процессе совершения преступления и способствуют возникновению и реализации криминогенной мотивации в поведении (условия, способствующие конкретному преступлению);

- психофизиологические и психологические особенности личности, усиливающие ее чувствительность к криминогенным влияниям извне и стимулирующее преобразования их внутренней позиции [8, с. 136].

В общем, условия - это такие явления, которые сами не порождают преступность и преступления, а способствуют, облегчают, интенсифицируют: а) формирование и б) действие причины. Это разнообразные явления, процессы, обстоятельства, способствующие или создающие возможность возникновения и проявления причины, которая порождает следствие. Поэтому следует согласиться с мнением, что конкретные условия, в которых совершается преступление, оказывают существенное влияние на

совершаемые деяния, направляют в определенном смысле развитие причинно-следственной связи, обуславливают характер и степень тяжести вредных наступивших последствий, и служат неотъемлемыми признаками преступления в целом и отдельных его элементов.

Поэтому кроме места и времени, выделены условия, способствующие совершению указанного преступления:

– рост в свободном доступе незаконно полученного холодного и огнестрельного оружия;

– возможность объединения лиц в группы для похищения человека;

– пребывание преступника в состоянии алкогольного или наркотического опьянения и др.

Учитывая изложенное поддерживаем позицию А.А. Астаховой о том, что значение обстановки совершения преступления проявляется в следующем:

– когда обстановка совершения преступления является обязательным признаком объективной стороны того или иного преступления, то она влияет: а) на квалификацию содеянного преступления; б) на развитие объективной стороны того или иного преступления; в) на степень общественной опасности преступления; г) может быть смягчающим или отягчающим обстоятельством совершения преступления;

– когда обстановка совершения преступления является факультативным признаком конкретного преступления, то она влияет на назначение наказания лицу, виновному в совершении преступления;

– обстановка совершения преступления относится к предмету доказывания по каждому уголовному производству [9, с. 96-97].

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Подытоживая, отметим, что содержание обстановки похищения человека, определяется путем исследования таких ее элементов, как место, время и условия. Отсюда предлагается собственная классификация мест совершения преступлений, в частности:

1) места проживания (квартиры, частные дома, дачные кооперативы);

2) места работы (предприятия, учреждения, организации);

3) открытая местность (площади, улицы, парки, скверы);

4) транспортные средства (легковые или грузовые автомобили);

5) места проведения досуга и отдыха (развлекательные заведения, базы отдыха, гостиницы, «съемные» квартиры, кафе, бары, рестораны);

6) спортивно-оздоровительные комплексы (оздоровительные центры, фитнес-клубы, сауны).

Рассмотрение следовой картины и обстановки способствует выявлению корреляционных связей этих элементов с другими структурными элементами криминалистической характеристики исследуемого преступления. Ведь учитывая то, что определенные способы совершения преступлений имеют характерные механизмы образования следов, их установка в процессе расследования дает возможность сделать вывод как об орудии их совершения, так и о личности преступника (наличие профессиональных навыков, физические данные, психологические черты).

Учитывая проведенное исследование, были выявлены узловые места, где могут быть сосредоточены следы преступника (членов организованной группы):

- место, откуда похитили потерпевшего;
- место, где удерживали человека в неволе;
- место дислокации или проживания преступников;
- место, где живет потерпевший, члены его семьи и близкие.

Среди наиболее типичных материальных следов с учетом места похищения и содержания лица нами выделены следующие группы следов:

- следы рук – 31%;
- следы крови и других органических веществ – 87%.
- следы орудий, использовавшихся при совершении незаконного лишения свободы и похищения человека, а также непосредственно сами орудия;
- следы от сопротивления потерпевшего.

Указанные следы несут наибольшую информационную роль при расследовании незаконного лишения свободы и похищения человека группой лиц.

Констатируя вышесказанное, отметим, что на основании изучения уголовных дел и производств выделены узловые места, где могут быть сосредоточены следы преступника (членов организованной группы), и определены типовые следы

преступления. Следовая картина преступления определена как сочетание материальных следов и идеальных отображений, возникших в результате совершения преступления, то есть любые изменения объективной действительности, несущие криминалистически весомую информацию об уголовном правонарушении.

Список использованных источников

1. Пудовочкин, Ю.Е. Учение о составе преступления: / Ю. Е. Пудовочкин // Монограф. – М. : Юристинформ, 2009. – 248 с.
2. Попова, О.А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки на стадии предварительного следствия и пути их предотвращения и устранения / О. А. Попова // Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Волгоград. Акад. МВД России. – Волгоград, 2006. – 280 с.
3. Ильченко, Ю.И. Тактические приемы исследования обстановки места происшествия / Ю. И. Ильченко // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1966. – 18 с.
4. Василиади, А.Г. Обстановка совершения преступления и ее уголовно-правовое значение / А. Г. Василиади // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Московская высшая школа милиции МВД СССР. – М., 1988. – 21 с.
5. Яблоков, Н.П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда / Н. П. Яблоков // М.: Юр. лит., 1980. – 320 с.
6. Валеев, М.Х. Криминалистическая характеристика и особенности первоначального этапа расследования вымогательств: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М. Х. Валеев. // Уфа: Уфимск. юрид. ин-т, – 1997. – 256 с.
7. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая / Н. С. Таганцев // М.: Наука, 1994. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/307/42307/files/gl2.pdf>
8. Криминология / Под ред. проф. Н. Ф. Кузнецовой, проф. Г. М. Минковского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 566 с.
9. Астахова, А.А. Значение обстановки совершения преступления как признаки объективной стороны преступления / А. А. Астахова // Юридическая наука. – 2015. – № 7 – С. 90-97.

**ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ КАК СФЕРА
СОТРУДНИЧЕСТВА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ (ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ)
ПОЛИТИК ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

САСОВ А. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры административного права;

БОГОСЛАВСКАЯ К. Э.,
обучающаяся группы ЮР-22м кафедры
гражданского и предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В данной работе были исследованы вопросы касательно взаимодействия уголовно-исполнительной и криминологической (профилактической) политик Донецкой Народной Республики с целью предотвращения преступных посягательств как лиц, ранее осужденных к лишению свободы, так и лиц, к которым применялись иные меры принудительного характера.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, криминологическая (профилактическая) политика, ресоциализация, уголовная ответственность, преступность

**CRIME PREVENTION AS A SPHERE
COOPERATION OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE
AND CRIMINOLOGICAL (PREVENTIVE)
POLITICIAN OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC**

SASOV A. V.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Administrative Law;

BOGOSLAVSKAYA K. E.,
student of the group YUR-22m Department of Civil
and Business Law
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

In this work, the issues regarding the interaction of the criminal executive and criminological (preventive) policies of the Donetsk People's Republic were

investigated in order to prevent criminal encroachments both by persons previously sentenced to imprisonment and persons to whom other coercive measures were applied.

Keywords: *criminal executive policy, criminological (preventive) policy, resocialization, criminal responsibility, crime*

Постановка задачи. Утверждение о наличии тесных взаимосвязей между уголовно-исполнительной и криминологической (профилактической) политик ДНР может считаться аксиомой и не требует дополнительных аргументов для подтверждения. Соответствующее взаимодействие обусловлено принадлежностью как уголовно-исполнительной, так и криминологической (профилактической) политики к системе столь сложного политико-правового явления, как политика в сфере борьбы с преступностью, которая также включает уголовно-правовую и уголовно-процессуальную составляющую. Будучи структурными элементами политики в сфере борьбы с преступностью, уголовно-исполнительная и криминологическая (профилактическая) политика объединены общей целью – снижение уровня преступности. В своё время А.Ф. Зелинский и И.М. Даньшин считали, что криминологическая политика – это научно обоснованная стратегия и тактика предотвращения преступности посредством системы мер специально-криминологического характера, а также путем предотвращения конкретных преступлений и пресечение их. Криминологическая политика реализуется на основе криминологического прогнозирования и планирования с учетом постоянно меняющейся социальной и экономической ситуации [1, с. 34].

Иными словами, криминологическая политика – это деятельность государства в сфере предотвращения преступности. Именно предотвращение преступности является ключевой задачей криминологической (профилактической) политики.

Анализ последних исследований и публикаций. Данному исследованию посвящены работы таких правоведов, как В.С. Батыргареева, В.В. Голина, А.Ф. Зелинский, Н.В. Клеван, И.М. Копотун, В.О. Меркулова, Е.С. Назимо, И.С. Яковец. Стоит уточнить, что данная проблематика в достаточно широком объёме была рассмотрена в научных работах, однако некоторые вопросы были не в полной мере раскрыты, в связи с чем целесообразно посвятить им специальное исследование в рамках темы настоящей работы.

Актуальность. Криминологическая политика тесно связана с уголовно-исполнительной политикой, задачами которой (уголовно-исполнительной) есть, в первую очередь, обеспечение реализации уголовной ответственности и предотвращение совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами. На формирование и развитие стратегии уголовно-исполнительной политики будет влиять развитие науки криминологии, которая, наряду с другими науками, разрабатывает проблемы борьбы с преступностью. Итак, криминологические наработки в части характеристики таких видов преступности, как рецидивирующая преступность, преступность в местах лишения свободы, их детерминант, меры предотвращения и противодействия, детализации мер общей и индивидуальной профилактики в уголовно-исполнительных учреждениях – все эти моменты несомненно будут проявляться в совершаемой уголовно-исполнительной политике [2, с. 149-150].

Таким образом, предотвращение преступности, которое еще можно назвать содержательной наполненностью криминологической (профилактической) политики, одновременно будет выступать одной из целей уголовно-исполнительной политики, в частности, в части предотвращения рецидивной и пенитенциарной преступности.

Целью статьи является осуществление характеристики предотвращения преступности как сферы сотрудничества уголовно-исполнительной и криминологической (профилактической) политик Донецкой Народной Республики.

Изложение основного материала исследования. Уголовно-исполнительная и криминологическая (профилактическая) политики взаимодействуют как отдельные самостоятельные сферы пенальной политики, которую исследует институт наказания, как подчеркивает Е.С. Назимко. Он считает, что криминологическая сфера пенальной политики обеспечивает общую превенцию, предотвращение совершения преступлений лицами, отбывающими или отбывшими наказание, формированием уголовной субкультуры [3, с. 11].

Т.М. Ключанова отмечает, что нередко из политики профилактики преступлений выделяется пенитенциарная политика (политика предупреждения рецидивной преступности) [4, с. 36].

Не совсем корректным является отождествление пенитенциарной политики и политики предупреждения рецидивной

преступности. Уголовно-исполнительная политика действительно пересекается с криминологической политикой предотвращения рецидивной преступности, но только в определенной части. В подтверждение данной позиции необходимо рассмотреть мнение В.С. Батыргареевой, работа которой посвящена криминологическим основам предотвращения рецидивной преступности [5].

С точки зрения ученой, криминологической политикой предотвращения рецидивной преступности должны охватываться, по крайней мере, четыре направления:

а) законодательная регламентация учета при квалификации совершенного деяния и назначении наказания случаев рецидива преступлений;

б) организация определенного порядка отбывания рецидивистами наказания;

в) оказание помощи осужденным в течение отбывания наказания и после освобождения от него;

г) установление социального контроля за поведением освобожденных от наказания лиц [6, с. 217].

Только названные В.С. Батыргареевой последние три направления криминологической политики предотвращения рецидивной преступности находятся в непосредственном сплетении с уголовно-исполнительной политикой. Рассмотрим подробнее эти направления.

Еще в конце 60-х годов XX ст. по отношению к такому направлению криминологической политики предотвращения рецидивной преступности, как организация надлежащего порядка отбывания рецидивистами наказания, законодателем и правоприменителем отводилось значительное внимание, что оказалось, в частности, в решении проблем классификации осужденных и их распределения в местах лишения свободы [6, с. 219].

Вопросы первичной классификации осужденных к лишению свободы и их распределения в учреждения исполнения наказаний рассмотрены в трудах И.С. Яковец [7]. Так, правовед под классификацией осужденных к лишению свободы в наиболее общем виде понимает такое соразмерное, непрерывное разделение лиц, которым присущи признаки общего понятия «приговорен к лишению свободы», что осуществляется на основании единых объективных существенных признаков, которые отражают

сведения о преступлении и личности, ставит целью обеспечение дифференциации исполнения наказания, а его результатом является получение системы групп осужденных, каждая из которых имеет свою специфику, свойственную только ей [8, с. 23].

Сегодня нельзя также обходить вниманием вопросы социальной адаптации освобожденных от наказания лиц, так как, как справедливо заявляет В.С. Батыргареева, работа по социальной адаптации отбывших наказание – одно из приоритетных направлений криминологической политики государства в сфере борьбы с рецидивирующей преступностью [6, с. 227].

Проиллюстрированные выше направления криминологической политики предотвращения рецидивной преступности отражают взаимодействие уголовно-исполнительной и криминологической (профилактической) политик Донецкой Народной Республики.

Говоря о субъектах, для которых предотвращение преступности является одной из главных функций в рамках правоохранительной и правоприменительной деятельности, следует отметить, что к их числу относятся правоохранительные и правоприменительные органы, их подразделения, отделы, службы, управления. Среди них В.В. Голина называет органы и учреждения исполнения наказаний [9, с. 66].

К тому же, как отмечает В.А. Меркулова, главная роль в реализации средств профилактики преступлений, исправлении осужденных при отбывании наказания принадлежит персоналу учреждений исполнения наказания [10, с. 192].

И.М. Копотун понятие «предотвращение преступлений в исправительных колониях» определяет как разновидность социально-профилактической деятельности, функциональное содержание и цель которой состоит в препятствовании действию детерминантов преступности и ее проявлений в местах лишения свободы осужденными, отбывающими наказание в исправительных колониях [13, с. 19].

Рассматривая механизм предотвращения преступности в местах лишения свободы, следует отметить, что он осуществляется путем проведения как общих, так и индивидуальных мероприятий. Общие мероприятия охватывают круг актуальных вопросов, связанных с обнаружением и устранением причин и условий, способствующих рецидиву преступлений и нарушению режима в

учреждениях исполнения наказаний и следственных изоляторах, а также совершении преступлений со стороны лиц, осужденных к наказаниям, не связанных с лишением свободы. Меры такого уровня достаточно разнообразны и многочисленны, имеют специфический характер, обусловленный контингентом осужденных, видом наказания, типом уголовно-исполнительного учреждения, местом отбывания или исполнения наказания. Органы и учреждения исполнения наказаний могут применять такие специальные криминологические меры профилактики, предотвращения и прекращения преступлений: применение постоянного оперативного контроля за осужденными, проведение комплексных профилактических операций в местах лишения свободы; противодействие профессионализации и консолидации преступников в зоне; усовершенствование пенитенциарной практики, контроля; использование специальных мер по переориентации антиобщественного руководства лица; борьба с проявлениями криминальной субкультуры в местах лишения свободы; предотвращение и прекращение рецидива преступлений; помощь общественных, религиозных организаций в работе с осужденными и т.д. Индивидуальное предотвращение – это деятельность администрации учреждений исполнения наказаний, направленная на выявление осужденных, от которых можно ожидать совершения преступлений, и применение к ним соответствующих мер пресечения. Предотвращение рецидива преступлений при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, предусматривает создание обстановки, которая исключала бы возможность совершения нового преступления, нарушения трудовой дисциплины и правил поведения, проживания и регистрации; профилактический учет криминогенных лиц; оказание помощи осужденным и т.д. [9, с. 76].

Составными элементами деятельности по предотвращению преступлений А.Г. Колб называет основные средства исправления и ресоциализации осужденных [11, с. 11], определенные в ч. 3 ст. 9 Уголовно-исправительного кодекса ДНР, к которым относятся: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), пробация, общественно полезный труд, социально-воспитательная работа, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение, общественное влияние.

Учитывая отсутствие в нормативных правовых актах определения понятия «основные средства исправления и

ресоциализации осужденных» и то, что оно имеет юридическое значение при установлении предусмотренных законом правоограничений для лиц, отбывающих наказание, в том числе в отношении тех, к которым применяются меры индивидуального предотвращения преступлений, ученый предложил собственное толкование указанного термина [12].

В частности, под основными средствами исправления и ресоциализации следует понимать закрепленные в нормативных правовых актах формы влияния и личность осужденного, направления деятельности исправительного учреждения и последнего, обеспечивающего процесс положительных изменений и сознательное восстановление личности в социальном статусе полноправного члена общества. Основу содержания этого понятия составляет единство психических процессов лица, участвующих в осознании им объективного мира и своего собственного бытия [11, с. 11].

Центральное место среди составляющих элементов деятельности по предотвращению преступлений занимает режим, другими словами, установленный порядок исполнения и отбывания наказания.

Рассматривая концепцию криминологической функции режима в местах лишения свободы, Н.В. Клеван обоснованно утверждает, что режим, как порядок и условия исполнения лишения свободы, имеет наибольший потенциал для выполнения криминологических задач, поставленных перед местами лишения свободы и применения криминологических средств в пенитенциарной деятельности, воспроизводящейся в его криминологической функции [14, с. 555].

Учитывая, что режим в местах лишения свободы имеет свою специфику действия в отношении пространства (специальные государственные учреждения), времени (с момента вступления в силу судебного приговора, в течение определенного судом срока, до момента освобождения заключенного) и оснований (назначение наказания лицу, виновному в совершении преступления), его криминологическая функция касается как недопущения совершения новых преступлений заключенным во время пребывания в учреждении закрытого типа, так и закрепление позитивной общественности приемлемого поведения на последующий период после его увольнения. Если в первом случае действие режима ощущается заключенными непосредственно и постоянно, то во втором случае режим как система определенных

правил имеет остаточный характер. При этом поведение лица после освобождения из мест лишения свободы рядом с другими факторами показывает глубину влияния режима на личность во время отбывания наказания в местах лишения свободы. Соответственно, и оценка эффективности криминологической функции режима формируется с учетом, прежде всего, показателей преступности заключенных, а также рецидивной преступности лиц, уволенных с мест лишения свободы [14, с. 560].

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Следовательно, учитывая все вышеизложенное, необходимо произвести следующие обобщения. Во-первых, в основном источнике уголовно-исполнительной политики – УИК ДНР среди целей уголовно-исполнительного законодательства названо предотвращение совершению новых преступлений как осужденными, так и другими лицами. А потому для уголовно-исполнительной политики присуща криминологическая функция – предотвращение преступности. Во-вторых, взаимосвязь уголовно-исполнительной и криминологической (профилактической) политик проявляется в том, что пенитенциарная преступность является предметом влияния криминологической (профилактической) политики. В-третьих, органы и учреждения исполнения наказаний выступают не только субъектами реализации уголовно-исполнительной политики, они одновременно выполняют роль субъектов предотвращения преступности. В-четвертых, основные средства исправления и ресоциализации осужденных, среди которых центральное место занимает режим (порядок и условия исполнения лишения свободы), наделены криминологической функцией. В-пятых, уголовно-исполнительная политика взаимодействует с криминологической (профилактической) политикой в сфере предотвращения рецидивной преступности, включающей в качестве составной части пенитенциарную преступность.

Список использованных источников

1. Зелинский, А. Ф. Уголовная политика: за и против / А.Ф. Зелинский, И.М. Даньшин. – М., 2017. – 345 с.
2. Медицкий, И. Б. Предотвращение преступности: учебное пособие / И.Б. Медицкий. – М., 2018. – 231 с.

3. Назимко, Е. С. Депенализация как элемент пенальной политики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / Е.С. Назимко. – М., 2017. – 22 с.

4. Ключанова, Т. М. Основные тенденции уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в XXI веке / Т.М. Ключанова. – М. : «ИНФА-М», 2016. – 460 с.

5. Батыргареева, В. С. Криминологические основы предотвращения рецидивирующей преступности: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / В.С. Батыргареева. – М., 2019. – 47 с.

6. Батыргареева, В. С. Принципы криминологической политики борьбы с рецидивной преступностью / В.С. Батыргареева. – М. : «Юрлайт». – 230 с.

7. Яковец, И. С. Первичная классификация осужденных к лишению свободы и их распределение в учреждения исполнения наказаний / И.С. Яковец. – М.: Юридический вестник. – 237 с.

8. Яковец, И. С. Первичная классификация осужденных к лишению свободы и их распределение в учреждения исполнения наказаний / И.С. Яковец. – М. : Кроссруд, 2016. – 208 с.

9. Предотвращение преступности (теория и практика): учебное пособие / В.В. Голина. – М., 2018. – 120 с.

10. Меркулова, В. О. Предотвращение пенитенциарной преступности: сущность и направления реформирования уголовно-исполнительного законодательства / В.А. Меркулова. – М. : «ТИСБИ», 2015. – 193 с.

11. Колб, А. Г. Учреждение исполнения наказаний как субъект предотвращения преступлений / А.Г. Колб. – М., 2017. – 360 с.

12. Сасов, А. В. Актуальные проблемы последствий преступлений: общетеоретические вопросы классификации / А.В. Сасов, К.Э. Богославская // Сборник научных работ серии «Право». – 2020. – № 3(19). – С. 120-132.

13. Копотун, И. М. Теоретико-прикладные и правовые основы предотвращения преступлений, обуславливающим возникновение чрезвычайных ситуаций в исправительных колониях / И.М. Копотун. – М., 2018. – 289 с.

14. Клеван, Н.В. Концепция криминологической функции режима в местах лишения свободы / Н.В. Клеван. – М. : «Юрлайт», 2017. – 574 с.

УДК 343.85

DOI 10.5281/zenodo.10199940

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРЕВЕНЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ

САСОВ А.В.,

**канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
административного права;**

МИТЬКО Д.В.,

**обучающийся группы ЮР-22м кафедры
гражданского и предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

Статья посвящена исследованию международного опыта превенции посягательств на государственные информационные ресурсы. В работе проанализированы международно-правовые и национальные акты отдельных стран, регулирующие процесс превенции указанных явлений.

Ключевые слова: посягательства на ГИР, превенция, международный опыт, международное сотрудничество

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN PREVENTING ENCROACHMENTS ON STATE INFORMATION RESOURCES

SASOV A. V.,

**Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Administrative Law;**

MITKO D. V.,

**Master's student, Department of Civil and
Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article is devoted to the study of international experience in the prevention of encroachments on state information resources. The paper analyzes the international legal and national acts of individual countries regulating the process of prevention of these phenomena.

Keywords: encroachments on GIR, prevention, international experience, international cooperation

Постановка задачи. Численность посягательств на государственные информационные ресурсы (далее – ГИР) неуклонно растёт. Причём указанная проблема касается не только России, но и зарубежных государств [1]. Одной из причин уязвимостей является использование нелегального программного обеспечения в системах, обрабатывающих ГИР, а также использование несанкционированных приложений или другого программного обеспечения. Кроме того, Россия находится в уникальной киберсреде и нарабатывает собственный опыт противодействия гибридной войне. И хотя за прошедшие несколько лет кибератаки, направленные на ГИР и другие ресурсы, вызвали ряд негативных последствий экономического характера, система противодействия киберугрозам динамично развивается. Для продолжения процессов внедрения платформ по обмену информацией особое внимание следует обратить на вопросы международного опыта по противодействию противоправным посягательствам на ГИР.

Актуальность. Политика цифровизации, которая активно проводится Россией в последнее время, предполагает широкое применение информационных технологий во многих сферах жизнедеятельности общества, и в том числе в государственном управлении. Различные ГИР (например, сервис «Госуслуги») неминуемо хранят на своих серверах большой объём данных о своих пользователях. Это, свою очередь, порождает серьёзную проблему – проблему информационной безопасности этих данных. Анализ международного опыта позволит выстроить более эффективную систему превенции посягательств на такого рода ресурсы в России.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучению вопросов международного опыта по противодействию посягательствам на ГИР посвящены труды А. Н. Ильяшенко, А. С. Горлова, И. Р. Бегишева, Н. А. Рябиновой и ряда других учёных. Однако нередко данная тема исследовалась в трудах лишь частично, что требует новых научных исследований.

Цель статьи – исследовать международный опыт превенции противоправных посягательств на государственные информационные ресурсы.

Изложение основного материала исследования. В современном мире государства всё чаще используют Интернет для хранения, обработки и использования данных. В целом, ГИР – это «имеющиеся в распоряжении государственных органов сведения и документы, обособленные посредством включения в государственные информационные системы, государственные базы данных или иным способом и используемые в целях исполнения государственным органом возложенных на него полномочий» [2, с. 298].

Эффективное выявление и пресечение противоправных посягательств на ГИР невозможно в полной мере без международного сотрудничества. Такого рода взаимодействие основывается на определённых документах – международных договорах о взаимной правовой помощи, взаимном признании иностранных судебных решений и т.п.

Среди универсальных международно-правовых документов по кибербезопасности можно выделить:

1. Конвенцию Совета Европы о киберпреступности (2001 г.);
2. Справочник ООН по предотвращению и контролю преступности, связанной с компьютерами (1995 г.);
3. Десять принципов борьбы с высокотехнологичными преступлениями, принятые на встрече министров внутренних дел и министров юстиции Большой Восьмёрки (1997 г.);
4. Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.) и ряд других.

Необходимо ответить, что одним из первых международных документов в борьбе с киберпреступностью является «Минимальный список», принятый Европейским комитетом по проблемам преступности Совета Европы в 1990 году. Данный документ предусматривал следующие преступления в сфере информационной безопасности: компьютерное мошенничество, компьютерный подлог, повреждение компьютерной информации или программ, компьютерный саботаж, несанкционированный доступ к компьютерным системам, несанкционированный перехват информации, несанкционированное копирование защищённых компьютерных программ, незаконное изготовление топографических копий. Впоследствии эта классификация

преступных посягательств была скорректирована вышеупомянутой Конвенцией Совета Европы о киберпреступности.

Для повышения эффективности координации деятельности правоохранительных органов различных стран мира существует единый кодификатор международной уголовной полиции Генерального Секретариата Интерпола, который с 1991 года интегрирован в автоматизированную систему поиска, и на данный момент используется подразделениями национальных центральных бюро Интерпола большинства стран мира [3].

В рамках ЕС нормативно-правовыми актами, принятыми для противодействия противоправным посягательствам на ГИР и другие ресурсы, являются:

1. Директива ЕС по противодействию кибератакам на информационные системы (2013 г.);
2. Директива Еврокомиссии по борьбе с мошенничеством и другими финансовыми преступлениями в сети Интернет (2017 г.) и ряд других.

В целом, в ЕС уделяется значительное внимание проблематике раннего выявления и оперативного реагирования на кибератаки против ГИР. Так, Стратегия кибербезопасности Европейского Союза в понятие «киберзащита» включает выявление и блокирование кибератак, локализацию их последствий независимо от происхождения в отношении гражданских объектов всех форм собственности, а также установление и расследование киберпреступлений [4].

Также стоит упомянуть о Европейском агентстве сетевой и информационной безопасности (European Network and Information Security Agency, ENISA), которое обеспечивает выполнение функции выявления и блокирования кибератак, а также локализации их последствий независимо от происхождения в отношении гражданских объектов всех форм собственности. CERT-EU (Computer Emergency Response Team) – это структура, которая выявляет кибератаки с помощью специализированной технологической системы датчиков, установленных на абонентских линиях доступа к серверам. В случае осуществления кибератаки срабатывает датчик, о чём оперативно оповещается CERT-EU. Если CERT-EU обнаруживает кибератаки с признаками преступных действий, то соответствующая информация передаётся в

Европейский центр по расследованию киберпреступлений (European Cybercrime Centre, ЕСС), который, в свою очередь, может проинформировать о них Европейское агентство обороны (European Defence Agency) для организации киберопераций или Европейскую службу внешних дел (European External Action Sendee) [5].

Понимание важности разработки и принятия международно-правовых актов, направленных на борьбу с компьютерными преступлениями, было воспринято рядом международных организаций начиная с девяностых годов XX столетия. ООН, учитывая роль и значение информации, развитие информационно-коммуникационных технологий, создание мировых баз данных, глобальных информационных сетей и систем и их защиты, взяла на себя координирующую роль в разработке как концептуальных, так и правовых основ регулирования ключевых вопросов, среди которых, в том числе, и борьба с преступным использованием информационных технологий.

Так, Резолюцией Генеральной Ассамблеи A/RES/58/199 подчёркнута потребность охраны информативных инфраструктур. В Резолюции выделяются следующие элементы их защиты:

1) наличие сетей для срочного предупреждения о факторах уязвимости, угрозах и инцидентах в кибернетическом пространстве;

2) анализ инфраструктур и выявление факторов, обуславливающих их взаимозависимость, для усиления их защиты;

3) содействие отслеживанию попыток взлома защиты важнейших информационных инфраструктур и предоставление информации о результатах такого отслеживания другим государствам;

4) создание и обеспечение функционирования систем коммуникации в кризисной ситуации и проверка их функционирования для обеспечения их надёжной и стабильной работы в чрезвычайных ситуациях;

5) организация профессиональной подготовки и проведение тренировок для укрепления потенциала реагирования и апробирования планов обеспечения непрерывной работы;

6) наличие адекватных материальных и процессуальных законов и квалифицированного персонала для того, чтобы

государства могли расследовать попытки нарушения защиты важнейших информационных инфраструктур и привлекать к ответственности причастных к этим попыткам лиц;

7) содействие национальным и международным научным исследованиям и опытно-конструкторским разработкам и поощрение применения технологий обеспечения защиты, отвечающих международным стандартам и т.п. [6].

В свою очередь в США ещё в 2007 году начата реализация программы Доверительных интернет-соединений (TIC, Trusted Internet Connections), в рамках которой планировалось обеспечить киберзащиту более 5 тыс. информационных систем органов и подразделений федеральной власти США [7].

В США система противодействия противоправным посягательствам на ГЭИР и другие критические информационные ресурсы имеет более разветвлённый характер. Одним из основных субъектов такой системы является Национальный центр кибербезопасности и интеграции связи (NCCIC, National Cybersecurity and Communication Integration Center), в состав которого входят группа экстренного реагирования на компьютерные события в США (US-CERT, U.S. Computer Emergency Response Team), группа экстренного реагирования на чрезвычайные события в системах управления промышленностью (ICS-CERT, Industrial Control Systems Cyber Emergency Response Team) и Национальный координационный центр связи (NCC, National Coordinating Center for Communications).

US-CERT выявляет кибератаки на объектах федеральных органов власти США, предупреждает о них администраторов безопасности информационных систем и координирует деятельность по восстановлению федеральных информационных систем после кибератак или киберинцидентов.

ICS-CERT предупреждает и выявляет кибератаки на информационные системы объектов критической инфраструктуры в промышленности США [8]. В ноябре 2018 года указом президента США NCCIC передано в подчинение новое агентство по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры министерства внутренней безопасности США [9].

Сравнение международного опыта противодействия противоправным посягательствам на ГИР свидетельствует о ряде

проблемных вопросов, требующих как нормативного, так и организационного решения. Так, например, в последнее время существует тенденция по сотрудничеству со странами-участниками Конвенции о киберпреступности, поскольку отсутствуют механизмы практической имплементации положений Конвенции в украинском законодательстве, прежде всего в отношении несоответствия системы сбора электронных доказательств, и в целом соотношение понятия «электронное доказательство» в разных странах.

Особое внимание превенции посягательств на ГИР уделяется и на постсоветском пространстве. Так, значительное внимание уделяется вопросам безопасности объектов критической инфраструктуры в Республике Беларусь, основные положения которой изложены в Указе Президента РБ от 16.04.2013 года № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию защиты информации» [10].

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, в современном мире существует и реализуется разветвлённая система превенции посягательствам на ГИР. Причём данная система имеет как международный уровень, так и национальный. Ряд стран имеет весьма интересный опыт в обозначенной сфере. Так, полезен опыт работы в США Национального института наук и технологий США (NIST), который занимает видное место в среде информационной безопасности этого государства. В связи с этим стоит рассмотреть вопрос о создании подобной организации и в России.

Также целесообразно вводить в действие новые стандарты и методические рекомендации для основных отраслей объектов критической информационной инфраструктуры и государственных органов. Такие рекомендации стоит разрабатывать с учётом международных практик и стандартов развития групп реагирования на инциденты, что связано с кибербезопасностью (CERT и CSIRT/SOC). В методических рекомендациях целесообразно закреплять вопросы координации реагирования на киберинциденты, в частности, процедуры информирования общества, а также обязанности государственных субъектов системы кибербезопасности России по защите критически важной

инфраструктуры для предотвращения рисков, реагирование на них, уменьшение их воздействия и восстановление. Организация, подобная NIST, может формализовать систему управления рисками для государственных органов и частных субъектов, приобщить их к открытой дискуссии по проблемным вопросам. С помощью такой организации можно организовывать и внедрять программы обучения и повышения квалификации, стажировки и обмена между компаниями, занимающимися кибербезопасностью, и государственными органами, а также наладить сотрудничество и обмен сотрудниками между группой быстрого реагирования (CERT-UA) и другими группами быстрого реагирования объектов критической информационной инфраструктуры.

В целом, с учётом международного опыта для противодействия противоправным посягательствам на ГИР важно совершенствовать сотрудничество правоохранительных органов России с иностранными органами. В частности, в связи с текущей мировой ситуацией целесообразно расширять сотрудничество с правоохранительными органами стран Азии, особенное место среди которых занимает Китай.

Список использованных источников

1. В Минцифры сообщили о росте числа кибератак на информресурсы РФ в 2022 году на 80% / Парламентская газета. – URL: <https://www.pnp.ru/social/v-mincifry-soobshhili-o-roste-chisla-kiberatak-na-informresursy-rf-v-2022-godu-na-80.html> (дата обращения: 20.10.2023 г.). – Текст : электронный.

2. Негородов, В. С. Разработка понятия «Государственные информационные ресурсы» / В. С. Негородов, Е. В. Андреева. – Текст : непосредственный // Вестник университета. – 2014. – № 15. – С. 294-299.

3. Классификация компьютерных преступлений по кодификатору международной уголовной полиции генерального секретариата Интерпола. – URL: <https://www.cyberpol.ru/cybercrime.shtml> (дата обращения: 23.10.2023 г.). – Текст : электронный.

4. New EU Cybersecurity Strategy and new rules to make physical and digital critical entities more resilient. – URL: <https://digitalstrategy.ec.europa.eu/en/policies/cybersecurity-strategy> (дата обращения: 20.10.2023г.). – Текст : электронный.

5. European Parliament resolution of 12 September 2013 on a Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2013-0376_EN.html (дата обращения: 23.10.2023 г.). – Текст : электронный.

6. «Создание глобальной культуры кибербезопасности и защита важнейших информационных инфраструктур»: Резолюция Генеральной Ассамблеи A/RES/58/199 от 23.12.2003 г. – URL: <https://www.un.org/ru/ga/58/docs/58res2.shtml> (дата обращения: 20.10.2023 г.). – Текст : электронный.

7. Milton Mueller, Andreas Kuehn. Einstein on the Breach: Surveillance Technology, Cybersecurity and Organizational Change. – URL: <https://econinfosc.org/archive/weis2013/papers/MuellerKuehnWEIS2013.pdf> (дата обращения: 23.10.2023 г.). – Текст : электронный.

8. ICS-CERT. Industrial Control Systems Cyber Emergency Response Team. – URL: <https://ics-cert.us-cert.gov> (дата обращения: 23.10.2023 г.). – Текст : электронный.

9. Cybersecurity and Infrastructure Security Agency. – URL: <https://www.dhs.gov/cybersecurity-and-infrastructure-security-agency.html>. – Текст : электронный.

10. О некоторых мерах по совершенствованию защиты информации: Указ Президента Республики Беларусь от 16.04.2013 года № 196. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31300196> (дата обращения: 22.10.2023 г.). – Текст : электронный.

Научное издание

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донецкая академия управления и государственной службы»**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ
СЕРИИ «ПРАВО»**

Выпуск 31

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В
СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Материалы представлены на языке оригинала

Опубликованные материалы отражают точку зрения авторов,
которая может не совпадать с мнением редколлегии сборника

При цитировании или частичном использовании текста публикаций
ссылка на сборник обязательна

Ответственный за выпуск Б.Е. Саенко

Научный редактор Н.В. Матюшайтись

Технический секретарь Д.С. Ушакова

Литературный редактор А.В. Кравченко

Компьютерная вёрстка И.В. Криничная

Подписано в печать решением Учёного совета ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС».
Протокол № 2 от 28.09.2023 г. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная
10,62 усл.-печ. л. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донецкая академия управления и государственной службы»

ДНР, 283015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 163А